

interaction ИНТЕРАКЦИЯ

interview ИНТЕРВЬЮ

interpretation ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

INTER

3' 2021

Фрагмент картины: *Весна в Ленинграде*, 1987. Синица Андрей Юрьевич

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2021. Том 13. № 3
Interaction. Interview. Interpretation
2021. Volume 13. No. 3

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2002 г.
Выходит 4 раза в год

2021. Том 13. № 3
DOI: 10.19181/inter.2021.13.3

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	А. Д. Говорова
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа.
Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2021
© Interaction. Interview. Interpretation, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabratov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель центра, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), drobizheva@yandex.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, врио директора, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

[Victoria V. SEMENOVA](#) — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

[Elena Yu. ROZHDESTVENSAYA](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

[Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

[Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

[Pavel E. SUSHKO](#) — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

[Roman N. ABRAMOV](#) — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

[Roswitha BRECKNER](#) — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

[Zhanna V. CHERNOVA](#) — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

[Tatiana I. CHERNYAEVA](#) — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

[Michael F. CHERNYSH](#) — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Deputy Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

[Kathy DAVIS](#) — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

[Leocadia M. DROBIZHEVA](#) — Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), drobizheva@yandex.ru

[Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA](#) — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

[Lena INOWLOCKI](#) — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

[Krzysztof KOSELA](#) — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

[Irina M. KOZINA](#) — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

[Elena L. OMELCHENKO](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

[Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Теоретические дискурсы и дискуссии.....	10
<i>Жанна Чернова, Лариса Шпаковская</i> Проблемы гендерного гражданства: предисловие к подборке статей	10
<i>Жанна Чернова, Лариса Шпаковская</i> Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений.....	12
<i>Марианна Муравьева</i> «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России	44
<i>Елена Здравомыслова</i> Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия	65
<i>Ирина Юкина</i> На пути к женскому гражданству в России: 1860-е – 1917 год	92
Полевые исследования.....	112
<i>Павел Гуляев, Вера Титкова, Дарья Ходоренко, Дмитрий Тищенко</i> «Это всего лишь шутка!» Что такое обидная шутка для подростков?	112
Биография номера	130
<i>Максим Котельников</i> Алкоголь и опыт выстраивания идентичности: анализ биографического интервью.....	130

Contents

Editor's Letter	7
Theoretical discourses and debates	10
<i>Zhanna Chernova, Larisa Shpakovskaya</i> Issues of Gender Citizenship: Preface to the Collection of Articles.....	10
<i>Zhanna Chernova, Larisa Shpakovskaya</i> Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women.....	12
<i>Marianna Muravyeva</i> 'My Family and I Are Absolutely against This Law': Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia.....	44
<i>Elena Zdravomyslova</i> Late Soviet Sociology about Old Age and Gender: There Were Theoretical Insights	65
<i>Irina Yukina</i> On the Way to Women's Citizenship in Russia: the 1860s–1917.....	92
Fieldwork research	112
<i>Pavel Gulyaev, Vera Titkova, Daria Khodorenko, Dmitry Tishchenko</i> «It's Only a Joke!» What is an Offensive Joke among Adolescents?.....	112
Biography of the issue	130
<i>Max Kotelnikov</i> Alcohol and the Identity-Building Experience: The Biographical Interview	130

Письмо редактора

Представляемый вниманию читателей осенний номер журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» не совсем обычный: значительную его часть составляет тематическая подборка статей, посвященная гендерным аспектам института гражданства — прежде всего, женского. Над этой подборкой работали приглашенные нами редакторы — Жанна Чернова (ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Социологического института ФНИСЦ РАН и профессор факультета свободных искусств и наук СПбГУ) и Лариса Шпаковская (старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Социологического института ФНИСЦ РАН). Они представляют этот раздел журнала в небольшом вступительном тексте и, помимо этого, являются авторами одной из его ключевых статей. Предложенный ими текст «Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений» представляет собой амбициозную попытку комплексного анализа нескольких последних десятилетий советской, а потом и российской социальной политики с позиции ее реципиенток. Статья вносит важный вклад в теоретизирование феномена гендерного гражданства — очень важной и актуальной темы для современных социальных наук. По сути, авторы предлагают методологический инструмент, который дает возможность изучить субъективное измерение гражданства — что значит для конкретных людей (в данном случае женщин трех разных поколений) быть гражданками, на какие права они в этой связи претендуют, какие обязанности себе вменяют, что чувствуют по данному поводу. Теоретические построения авторов статьи подкрепляются проведенным эмпирическим исследованием, которое позволяет им выделить и описать три различных типа социального гражданства — и показывает, в частности, что ключевую роль в построении отношений с государством для большинства женщин играет именно социальная политика.

Еще одна статья в тематической подборке принадлежит известному специалисту по изучению феномена домашнего насилия Марианне Муравьевой. В этой работе рассматривается другой важный аспект гендерного гражданства, а именно, право на безопасность. Давняя традиция феминистской критики основных социологических теорий гражданства была связана с тем, что демократические политические институты и правовые гарантии, включая такую важную из них, как право на личную неприкосновенность, длительное время рассматривались как что-то относящееся исключительно к публичной сфере жизни общества. Что же касается приватной сферы, которая представляет собой важнейшее пространство жизни для многих женщин, то она долгое время воспринималась как «невидимая» для внешних регуляций: «мой дом — моя крепость», и на пороге этой крепости останавливалось влияние

как государства, так и гражданского общества. М. Муравьева на примере анализа обсуждения проекта закона о профилактике домашнего насилия (2019 г.) показывает, что противодействие закону во многом связано именно с этой давно устаревшей политической логикой, в соответствии с которой частная сфера, и в особенности семейная жизнь, является частным делом, и любое вторжение в нее воспринимается не только как нарушение некоей «традиции и скрепы», но и покушение на права человека. Таким образом, сугубо охранительная риторика в этом дискурсе парадоксальным образом переплетается с либеральной и даже правозащитной.

Еще две статьи, относящиеся к подборке, дают читателю возможность познакомиться с историческими аспектами гендерного гражданства в России. Историк и социолог Ирина Юкина рассказывает о борьбе женщин за свои гражданские права в последние предреволюционные десятилетия. Специфический контекст этой борьбы состоял в том, что в России в этот период вообще не было института равного для всех универсального гражданства ни для женщин, ни даже для мужчин. Но женщины сталкивались со множеством дополнительных проблем и препятствий: они не могли получить высшее образование, имели ограниченные имущественные права и даже не имели права свободно перемещаться и путешествовать без согласия отца, мужа или опекуна. На богатом фактическом материале И. Юкина показывает, что сопротивление этому неравноправию было многосторонним и включало в себя не только политические и гражданские действия, но и активное изменение практик, неформальных «правил жизни», осуществлявшееся широкими кругами женщин.

Статья одного из самых известных российских авторов, работающих в предметной области гендерной социологии — Елены Здравомысловой, также обращена к материалу, описывающему прошлое российских гендерных отношений, только уже относительно недавнее. Предметом ее рассмотрения стало конструирование гендерных особенностей пожилых людей — пенсионеров и пенсионерок, в том виде, в каком оно было представлено в позднесоветской социологии. Статья наглядно показывает, что гражданство как опыт проживания имеет не только гендерный характер, но и существенно зависит от возраста. Особенно интересен здесь анализ самих методологических инструментов и идеологических особенностей советских социологических текстов, а именно, напряжения, возникавшего между недвусмысленным политическим заказом и стремлением ученых быть верными своим исследованиям и своему эмпирическому материалу — вполне актуальный опыт и в наши дни.

Помимо объединенной общей темой подборки, наш осенний номер включает в себя еще два очень интересных материала. Один из них основан на исследовании, выполненном группой авторов из Высшей школы экономики: в нем подробно разбираются особенности коммуникации современных подростков и описываются те тонкие грани, за которыми обычное дружеское общение превращается в буллинг и унижение, а «просто шутки» перестают быть таковыми и становятся средством выстраивания иерархий. Это живой, увлекательный текст, имеющий очевидную практическую значимость

для педагогов, да и просто для всех людей, в ближний круг которых входят подростки.

И замыкающий журнал текст — «Биография номера» — на этот раз посвящен непростой теме повседневного, опривыченного потребления алкоголя. Героиней его является девушка, открыто и достаточно рефлексивно обсуждающая с интервьюером роль алкоголя в своей жизни. Эта статья содержит в себе не только изящный теоретический анализ текста биографического интервью, но и очень важные методологические рефлексии о том, как можно обсуждать с информантами сенситивные темы, насколько влияет на взаимопонимание с интервьюером уровень личного знакомства и разделенного опыта и, наконец, как воздействуют на анализ материала наши собственные нормативные представления и наша социальная позиция.

Интересного чтения!

И. Тартаковская,
ответственный редактор номера

Теоретические дискурсы и дискуссии

Проблемы гендерного гражданства: предисловие к подборке статей

«Женский вопрос» представляет собой триггерную тему для современного российского общества. Практически любые публичные дискуссии по поводу демографии, допустимых форм семейных отношений, работы, бизнеса и государства становятся поводом для разворачивания дискурсивных «священных войн»: о семейных ценностях, о том, кто такие мужчины и женщины и в чем заключаются их роли, о репродуктивном долге граждан и вымирании нации, о том, что является харассментом, а что — допустимым способом «ухаживания» или знаком внимания. Все эти сюжеты выстраиваются вокруг традиционных и современных представлений о гендерных отношениях. Одним из центральных локусов конфликта интерпретаций гендера выступают женщины и их репродуктивные функции, а также границы автономии семьи и возможные способы решения проблемы насилия в отношении женщин.

Рост интереса к гендерной повестке показывает наличие в обществе запроса на обсуждение этих вопросов. В разворачивающихся на наших глазах дискуссиях можно не только встретить полярные точки зрения, но и увидеть множество мифов и стереотипов, которые мало соотносятся с реальным положением вещей. Мы решили обсудить актуальную женскую повестку с ведущими учеными, которые занимаются этими вопросами: историками, юристами, социологами, антропологами, демографами.

Идея этой подборки статей состоит в том, чтобы, используя новейшие подходы в социальных науках, критически переосмыслить концепцию гендерного гражданства, ответить на актуальные вызовы современности. Авторы отобранных нами статей развивают классический подход к гражданству как статусу, берущий начало в работах Т.Х. Маршалла, и включают в него новые измерения — например, права, связанные с осуществлением заботы о зависимых членах семьи, экологические, информационные права и т.п. Эти исследования инкорпорируют положения феминистской и постколониальной критики, методологические подходы социологии новых общественных движений и социологии эмоций.

Мы обращаем внимание на то, что современное понимание гражданства является интерсекциональным, оно учитывает гендерное, возрастное, этническое измерения, а также чувствительно к повседневному опыту тех, кого можно отнести к меньшинствам.

На протяжении последних десятилетий в России, как и во всем мире, происходит трансформация и демонтаж системы социальных прав в пользу неолиберальных социальных и экономических политик, что в свою очередь переопределило содержание и смысл гражданства. Нас интересует, как изменились сегодня позиции женщин в обществе, как они воспринимают, проживают и эмоционально определяют те статусы, которые приписывает им социальная политика государства.

Жанна Чернова, Лариса Шпаковская

Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.1

Ссылка для цитирования:

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

For citation:

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2021) Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

Чернова Жанна Владимировна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chernova 30@mail.ru

Шпаковская Лариса Леонидовна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: slarisalarisa@gmail.com

Статья посвящена анализу представлений женщин, относящихся к трем поколениям, о своих правах. Социальные права женщин рассматриваются как часть концепта гендерного гражданства, включающего идеологически и институционально оформленные представления о нормативном гендерном контракте для женщин, как адресатов социальной политики, а также их собственные смыслы и значения, которые они приписывают своему статусу. Эмпирической базой данного исследования выступили 45 биографических интервью с женщинами трех поколений (1950-х, 1970-х и 1990-х годов рождения). Гайд интервью содержал вопросы о родительской семье, образовании,

профессиональной деятельности, своей семье и родительстве, жилье, организации отдыха и медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения. На основе анализа биографических нарративов авторы выделяют три режима гендерного гражданства, типичных для женщин трех поколений. 1) Режим получения поддержки и благ от государства выстраивается через получение поддержек от государства как работниц и матерей в рамках социальной политики и базируется на субъективной оценке женщинами соотношения своего трудового и репродуктивного вклада и получаемого объема помощи со стороны государства. 2) Режим самообеспечения и рыночного потребления благ актуален для женщин среднего поколения, имеющих опыт социализации и начала трудовой жизни в период постсоветских трансформаций. В широком смысле рынок представляется им основным источником благополучия, что определяет их солидаризацию с ценностями неолиберальной экономики и формирует у них навыки компетентных потребительниц самых разных товаров и услуг. 3) Режим требования поддержки и активного потребления социальных благ и сервисов выстраивается на основе проактивной и индивидуализированной позиции женщин в отношении таких источников благополучия, как государство и рынок. Представительницы молодого поколения не только имеют опыт переживания гендерной дискриминации, но и активно используют феминистскую оптику для определения и интерпретации различных жизненных ситуаций в категориях гендерного неравенства как структурно обусловленных различий в жизненных стратегиях мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендер; гендерное гражданство; режим гендерного гражданства; права женщин; социальная политика

В данной статье мы хотим показать, как женщины — представительницы трех поколений воспринимают социальные права/гендерное гражданство, для того чтобы выяснить моральную значимость гендерного равенства / социальных прав для них. Индивидуальные представления о гендерном гражданстве понимаются нами как дискурсивный конструкт, который формируется в контексте гендерного порядка и господствующей гендерной идеологии, и выражаются в способности субъектов определять специфику своего жизненного опыта, используя категории прав и гендерного (не)равенства. Другими словами, мы изучаем восприятие индивидами прав как конституирующего элемента гендерного гражданства. Нас интересует, что и как представительницы трех поколений в своих биографических нарративах говорят о правах женщин, гендерном равенстве/неравенстве, социальной справедливости, принципах распределения социальных благ и т.п. Эти повседневные системы интерпретаций жизненного опыта информанток соотносятся с «большими дискурсами» [Козлова, 2005] государственной идеологии, законодательных документов и бюрократического языка, фреймирующего статус граждан, например, в таких категориях, как малоимущие, матери-одиночки, многодетные матери, герои труда, и в целом как получателей различных пособий и льгот. Они адаптируются, преломляются и видоизменяются обыденным сознанием,

приспосабливаясь под повседневные нужды. Такого рода дискурсы включают в себя также «народную мудрость», повседневные рационализации и идеологию «прагматического индивидуализма» [Чернова, Шпаковская, 2020a]. Можно сказать, что эти дискурсивные конструкции, укорененные в разных контекстах, составляют «коллективные представления» (Дюркгейм), являясь частью более широких представлений о том, как устроен социальный мир. Будучи вписанными в социальный опыт конкретных индивидов и групп, они поколенчески, гендерно и классово дифференцированы.

В настоящем исследовании мы исследуем представления женщин, относящихся к трем поколениям, о своих правах. Анализ биографических нарративов позволяет нам рассмотреть категорию гендерного гражданства как проживаемо-го и реконструировать способы фреймирования нарративов о правах женщин, правила чувств, связанные с этими фреймами (как специфические категории, позволяющие раскрыть специфику субъективного понимания гражданства, например, стыд, фрустрация, чувство несправедливости, гордость и пр.). В заключении мы интерпретируем выделенные фреймы в контексте социальной политики в отношении женщин в позднесоветский и постсоветский периоды и делаем выводы о характерных особенностях режимов гендерного гражданства.

Теоретическая рамка: субъективное измерение гражданства и социальных прав

Классическое определение современного европейского гражданства принадлежит Т.Х. Маршаллу: «Гражданство — это статус, который дается полноценным членам данного сообщества. Все, кто обладает таким статусом, равны с точки зрения прав и обязанностей, которые связаны с ним» [Маршалл, 2011: 157]. Маршалл выделяет три элемента гражданства: гражданские, политические и социальные права. К гражданским относятся права, обеспечивающие индивидуальную свободу (свобода личности, свобода слова, вероисповедания, право собственности, право на правосудие пр.). Политические права связаны с возможностями участия в политике в качестве как избирателя, так и участника политических организаций или претендента на выборные должности. К социальным правам, обеспечиваемым государством, относится широкий спектр прав от права на минимум экономического благосостояния и безопасности до права получать в полном объеме доступ к общественным благам и поддерживать стиль жизни, соответствующий стандартам, преобладающим в обществе на данный момент [Мюрберг, 2010: 83–84]. Маршалл полагал, что идеалом гражданства должно быть равенство прав и обязанностей всех членов общества, обладающих данным статусом. Однако на практике декларируемое равенство сосуществует с классовым неравенством, поддерживаемым в том числе и социальной политикой государства [Маршалл, 2011: 158]. Последующие исследования гражданства, помимо классового, акцентировали внимание на таких аспектах прав и специфики их реализации, которые поддерживают гендерные, этнические, расовые, возрастные неравенства [Kremer, 2007; Kallio

et al., 2020]. Наиболее разработанным в научной литературе является понятие гендерного гражданства. Введение данной категории позволило исследователям подчеркнуть специфику положения женщин как в публичной, так и в приватной сфере, обусловленную необходимостью осуществлять функцию заботы о детях, пожилых и других зависимых членах семьи. Репродуктивные задачи, по сути, становятся основанием для формирования социально-экономического неравенства, закрепляя зависимость женщин от поддержки семьи и/или государства, или вовлекая их в глобальные цепочки заботы [Hochschild, 2000; Paid Migrant..., 2016]. Таким образом, механизмы (вос)производства неравенств в рамках государств всеобщего благосостояния стали активно развивающейся сферой современных исследований гражданства.

Одно из направлений исследований производства неравенств связано с изучением их субъективного восприятия и проживания. В частности, одним из таких подходов является концепция проживаемого гражданства (lived citizenship), которая делает акцент на агентности индивидов, на их повседневном опыте как представителей определенных статусных групп, практиках использования имеющихся у них прав и обязанностей, а также смыслов и значений, которые они приписывают им. При таком фокусе рассмотрения исследователей интересует не формальное измерение категории гражданства, а повседневность, выступающая ареной, где формируются, оспариваются и трансформируются доминирующие модальности гражданства [Lister, 2007].

Выделяются четыре основных измерения проживаемого гражданства: пространственное, интерсубъективное, измерение перформанса и эмоциональное измерение [Kallio et al., 2020]. Под пространственным измерением гражданства понимаются территории, с которыми люди себя идентифицируют. Исследователи отмечают, что в современном мире национальные и локальные идентификации становятся все более размытыми. Индивиды включаются в глобальную массовую культуру, часто путешествуют или мигрируют, в результате они мыслят о себе не только с точки зрения принадлежности к национальным государствам, но могут представлять себя, например, гражданами Европы или мира. Интерсубъективные аспекты гражданства связаны с тем, что люди вырабатывают смысл тех или иных политических мер и событий не индивидуально, а совместно, общаясь друг с другом, коллективно приписывая им смыслы и значения, передавая друг другу «народное знание» относительно того, как надо действовать, например, для получения пособий и статусов. Измерение перформанса позволяет обратить внимание на те моменты, когда индивиды действуют как граждане (например, защищая свои права или требуя признания себя). Эмоциональное измерение подчеркивает ключевое значение чувств, которые индивиды испытывают как граждане, носители тех или иных статусов или получатели социальной помощи: например, чувство гордости, связанное с принадлежностью к общности, или чувство стыда, связанное с приписыванием статуса «бедного» или «матери-одиночки». При этом отмечается, что смыслы и значения гражданства не отделимы от эмоций, с этим связанных. Исследования проживаемого гражданства часто фокусируются на опыте и субъективностях депривированных групп: мигрантов, женщин и меньшинств.

Подход изучения гражданства как проживаемого открывает возможности для выработки более нюансированного взгляда на опыт индивидов — участников локальных сообществ, а также носителей гражданских статусов, их прав и обязанностей. Он показывает опыт гражданства как крайне разнообразный, добавляя измерения гендера, класса, этничности, возраста в достаточно традиционные исследовательские темы изучения гражданства. Таким образом, даже опыт относительно привилегированных групп, например женщин из среднего класса, оказывается дифференцированным и часто противоречивым.

Следуя традиции анализа проживаемого гражданства, мы концентрируем наше внимание на повседневности, обыденных смыслах и значениях, а также эмоциях, которые переживают российские женщины трех поколений как носительницы гражданских статусов, имеющие доступ к социальным правам. Для того, чтобы изучить субъективное восприятие гражданских прав женщинами, мы используем понятие «правила фреймирования» (framing rules), которое разрабатывает А. Хохшильд [Hochschild, 2003: 99], а также концепт «режима гражданства» (citizenship regimes) Э. Тонкенс [Tonkens, 2012].

В первом случае речь идет о правилах, используемых индивидами для определения и понимания повседневных ситуаций, связанных с гражданством. А. Хохшильд выделяет три типа «правил фреймирования»: моральные, прагматические и исторические [Hochschild, 2003: 116]. Моральные правила фреймирования касаются представлений о том, что правильно и приемлемо с этической точки зрения для представителей определенной социальной группы. Прагматические правила фреймирования задают репертуар возможных действий и реакций индивида на то или иное событие в личной и социальной жизни. Исторические правила фреймирования соотносят контекст личной биографии индивида в различные периоды его/ее жизни с опытом представителей более старших поколений, например матерей или бабушек.

А. Хохшильд использует понятие «правила фреймирования» как концепт, позволяющий показать взаимосвязь между правилами и чувствами, когнитивными и эмоциональными определениями той или иной жизненной ситуации. Так, гендерный контракт «работающая мать» может быть рассмотрен как пример фреймирующего правила, предписывающего женщинам определенную модель брачно-репродуктивного, а также экономического поведения.

Правила фреймирования связаны с другим важным для А. Хохшильд понятием — «правила чувств», то есть эмоциональными реакциями, которые предполагает ситуация. Правила фреймирования включают правила чувств, задающие, например, нормативную эмоциональную тональность материнства, ожидания, что женщины будут чувствовать себя счастливыми, ухаживая и заботясь о детях, и испытывать чувство вины и фрустрации, не имея возможности посвящать все свои силы и время их воспитанию. Таким образом, «правила фреймирования» определяют те смыслы и значения, которые индивиды должны приписывать ситуациям, а правила чувств указывают на то, какие эмоции люди должны испытывать, находясь в конкретной ситуации с уже заданным способом интерпретаций [Turner, Stets, 2005: 41].

Понятие режима гражданства ввела Э. Тонкенс для того, чтобы преодолеть разрыв между макро- и микроуровнем рассмотрения процессов взаимодействия в подходе, предложенном А. Хохшильд [Tonkens, 2012]. Так, концепты глобализации и коммерциализации, которые активно использует А. Хохшильд для анализа эмоционального труда, не могут в полной мере объяснить, как он (вос)производится на уровне повседневного межличностного взаимодействия. По мнению Э. Тонкенс, влияние макроконцептов осуществляется посредством институциональных механизмов, которые выступают промежуточным звеном между этими двумя уровнями взаимодействия. Концепт «режима гражданства» представляет собой понятие мезоуровня. Под ним понимается идеология и устройство конкретных институтов, а также практики, повседневные рутинизированные способы взаимодействия и их интерпретации, формализованные правила регламентации работы и неформальные правила. Режим гражданства выстраивается на определенных правилах фреймирования и правилах чувств, которые становятся конвенциональными для индивидов, находящихся в сходной жизненной ситуации. Они являются «ключом» к активизации позиции граждан, использующих доступные им институциональные механизмы для формирования собственной повестки и выработки способов интерпретации тех или иных проблем. В этом смысле индивиды в рамках режима гражданства не просто играют роль объектов заботы со стороны государственной социальной политики, но и могут на мезоуровне переопределять ситуацию и перераспределять доступные им ресурсы в соответствии с собственными представлениями о социальных правах и социальной справедливости. Переживание социальной политики, способы ее понимания и связанные с этим действия определяются эмоциями и «правилами чувств», которые как предписывают институты, так и вырабатываются самими индивидами в ответ на внешние воздействия [Tonkens, 2012: 201]. Глобальные тренды, связанные с изменением, например, демографического поведения граждан, стремительный рост численности женщин, участвующих в оплачиваемой занятости, вызывают ответные меры на уровне государства (например, изменение семейной политики, реформа системы пенсионного обеспечения), которые могут совпадать, а могут и идти вразрез с институционализированными правилами формирования и правилами чувств. Изменения идеологии и набора мер поддержки в рамках того или иного направления социальной политики создают новый режим гражданства как набора идеологических представлений и институциональных механизмов для восприятия и реализации социальных прав. Далее мы рассмотрим, каким образом изменение социальной политики и ее идеологии в позднесоветское и постсоветское время было связано со способами восприятия женщинами своих прав, и какие гендерные режимы гражданства возникали на пересечении этих макро- и микроуровней. Мы рассматриваем восприятие социальной политики женщинами трех поколений, поскольку их формативные годы и периоды активной репродуктивной и профессионально жизни приходились на разные этапы социальной политики в России.

Социальная политика в отношении женщин

Социальная политика в отношении женщин была частью советского гендерного проекта, ориентированного на (вос)производство формального равенства при активном участии государства. Эта политика основывалась на различных представлениях об обязанностях граждан в зависимости от их пола. Женщины выделялись в отдельную категорию граждан на основе репродуктивного труда, выполнение которого им предписывалось как в семье, так и в обществе в целом. Взамен они получали «защиту» от государства как матери, а также экономическую независимость через доступ к оплачиваемому труду. Обязанность мужчин главным образом заключалась в том, чтобы участвовать в труде, строительстве коммунизма и управлении обществом, в то время как государство брало на себя ответственность за выполнение традиционных мужских ролей отца и кормильца [Ashwin, 2000]. Советский гендерный порядок принято определять как этакратический. Он включал в себя два гендерных контракта, различных по своему содержанию в зависимости от пола. Женский вариант — это гендерный контракт «работающая мать», в котором делается акцент на совмещении профессиональных и семейных, материнских обязанностей, вменявшихся советской женщине государством [Темкина, Роткирх, 2002; Айвазова, 2011]; мужской — контракт «строителя/защитника коммунизма», который предполагал исключительно выполнение долга перед страной и практически не учитывал семейных обязанностей мужчины [Чернова, 2007].

Гендерное гражданство для женщин включало предоставление им полного объема гражданских, политических и социальных прав. Модель советской социальной политики в отношении женщин была выстроена вокруг их поддержки в первую очередь как работниц, которые могут совмещать оплачиваемую занятость с материнством. Советское трудовое и семейное законодательство подчинялось протекционистской логике и было направлено на предоставление дополнительных поддержек работающим женщинам со стороны государства. По сути, социальная политика была направлена на дефамилизацию женщин [Orloff, 1993], когда место работы становилось точкой доступа к благосостоянию (например, образование, жилье, здравоохранение, отдых, пенсионное обеспечение).

Работа и материнство фреймировались официальным дискурсом как гражданская обязанность женщин. При этом правила чувств материнства оформляли его как позитивный опыт, необходимый для реализации настоящей женственности, а также как «счастье». Государство «заботилось» о женщинах, предоставляя им широкий спектр поддержек, которые должны были помочь им выполнять свои обязанности и стать полноценной советской гражданкой. Материальные поддержки были направлены на то, чтобы улучшить материальное положение семей с детьми через прямые и косвенные выплаты. Они включали следующие меры: отпуск по беременности и родам, предоставляемый женщинам; детские пособия; налоговые льготы многодетным семьям; жилищные программы для молодых и многодетных семей и пр. Второй тип мер — сервисные поддержки, предоставляемые государством, направленные прежде всего на то, чтобы

обобществить такие функции семьи, как ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и забота о них через создание сети социального обеспечения. Сюда можно отнести меры по созданию и развитию общепита, системы дошкольного и школьного образования, например, круглосуточные ясли и детские сады, школы с продленным днем, школы-интернаты для всех детей и пр.

Постсоветские трансформации знаменуют следующий этап социальной политики. Они внесли существенные изменения в структуру общества, в формирование новой, отличной от советской стратификационной матрицы, появилось многообразие стилей жизни различных семей, связанное с их классовой принадлежностью, экономическим и социальным статусом. Вместо государственной социалистической экономики возникли рыночные механизмы, рынок стал важным институтом в обеспечении потребностей семьи. Изменилось законодательство, регулирующее брачно-семейные отношения, оно стало более гендерно-сбалансированным, материнство и детство как объекты заботы со стороны государства были заменены категорией родительства, включающей также и отцовство. Принципы предоставления государственных поддержек семьям также изменились: если раньше всем обеспечивался социально принятый материальный и сервисный стандарт, то в постсоветский период помощь предоставлялась лишь наиболее нуждающимся гражданам с семейными обязанностями. Качество и способы обеспечения благосостояния семей стало зависеть от их социально-экономического статуса, в осуществлении социальной заботы о детях стало участвовать большее число агентов — помимо государства и семьи, эти услуги начали оказывать рыночные акторы и добровольческие организации. В целом семья приобрела большую автономию от государства.

Середину 2000-х годов можно связать с новым этапом социальной политики. Идеал буржуазной семьи с четким разделением гендерных ролей, активно (ре)презентируется медиадискурсом, формирующим образ «настоящего» мужчины как «сильного кормильца» и женщины-домохозяйки. В этот период активно распространяются идеи ответственного родительства, связанные в первую очередь с идеологией интенсивного материнства, что вносит вклад в сохранение гендерно-асимметричного родительства [Чернова, Шпаковская, 2020б]. Государство перестало рассматривать работу и материнство в качестве социальной обязанности женщин, а также больше не гарантировало им обязательную профессиональную занятость. Материнство и забота о детях стали фреймироваться как результат индивидуального выбора женщины. Дискурсивно материнство определяется как «ответственное», результат сознательного решения, которое принимают женщины с учетом своих жизненных обстоятельств, что также должно позволить им взять полную ответственность за благополучие своих детей. При этом правила чувств материнства по-прежнему представляют его как счастье, позитивный и обязательный опыт в жизни женщины. Государственная политика исходит из того, что мужчины принимают на себя основные задачи по поддержанию благосостояния семьи.

С 2007 года формируется официальный дискурс пронатализма, надстраивающийся над сложившимися асимметричными гендерными паттернами в сфере семьи и родительства в виде конструктов «традиционной российской

семейной культуры» и «традиционных семейных ценностей», и эта культура противопоставляется «западной цивилизации» с характерными для нее ценностями гендерного равенства и прав человека, а также советскому прошлому. Декларируются цели стимулирования рождаемости, обеспечиваемые такими мерами, как материнский/семейный капитал, программы поддержки приобретения жилья семьями с детьми, увеличивается размер пособий матерям в связи с рождением ребенка, а также в период декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком. Расширяется количество единоразовых выплат, предоставляемых на универсалистских основаниях. Активно обсуждается проблема доступности детских садов, и качества предоставляемых ими услуг. Создаются условия для реализации разного типа гендерных контрактов, прежде всего женщинами. При этом институционально поддерживается советская версия контракта «работающей матери», хотя общий объем поддержек матерей со стороны государства сокращается по сравнению с советским временем. Сложившаяся в советский период горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация рынка труда сохраняется и в современной России. Она усугубляется высокой конкуренцией на рынке труда, в которой женщины чаще оказываются в менее выгодном положении, поскольку вынуждены сочетать работу с выполнением семейных ролей.

Таким образом, на каждом из выделенных нами этапов политика государства в отношении женщин задает устойчивый институциональный контекст режимов гражданства. Гендерная идеология, идеалы заботы, транслируемые официальным дискурсом, а также поддерживаемые институциональным дизайном государственной политики, задают смысловую рамку, которую используют граждане (принимая или критикуя ее) для интерпретации своих индивидуальных жизненных выборов, а также фреймирования своего опыта, настройки и осмысления своих эмоций.

Гендерное гражданство в общественном мнении

Современное российское законодательство декларирует гендерное равенство гражданских и политических прав. При этом законодательство о семье поддерживает женщину-мать, а также использует такие категории, «как традиционные семейные ценности», «традиционная семья», которые связаны с поддержкой различных ролей мужчин и женщин в приватной и публичной сферах. Положение женщин в современном российском обществе может быть охарактеризовано с помощью статистических данных. Подавляющее большинство женщин в фертильных возрастах работает, что фактически означает совмещение работы и материнства. По данным Росстата, в 2017 году уровень участия женщин в рабочей силе в возрастах от 25 до 39 лет составил 84,7% [Мужчины и женщины в России, 2018]. При этом разрыв в оплате труда мужчин и женщин в 2019 году, который является одним из основных показателей гендерного неравенства, составил 27,9%, что превышает среднемировой показатель [Женщины в экономике, 2021: 5]. Начиная еще с 1970–1980-х годов устойчиво растет число разводов: практически каждый второй брак

заканчивается разводом. Несмотря на отсутствие доступных статистических данных, эксперты отмечают, что не менее 90% детей после развода остаются с матерью [Семья в центре..., 2009; Детерминанты репродуктивного..., 2010: 23; Ржаницына, 2012: 14]. Согласно данным Росстата, общий долг по алиментам в России составляет более 158 млрд рублей [Ржаницына, 2021: 131]. Это говорит об уязвимости положения женщин с точки зрения возможностей поддержания своего благосостояния и профессионального продвижения.

Опросы общественного мнения показывают наиболее распространенные формы восприятия и смыслы, приписываемые гендерному гражданству. На уровне установок массового сознания формальное гендерное равенство, подразумевающее равный доступ мужчин и женщин к образованию, работе, участию в политической сфере, не ставится под сомнение. Гендерная идеология российского общества в зеркале общественного мнения представляет собой микс эгалитарных и консервативных представлений относительно предназначения мужчин и женщин, а также о разделении гендерных ролей в публичной и приватной сферах [Чернова, Шпаковская, 2020a]. Так, согласно данным ВЦИОМ, 42% респондентов считают, что равноправие мужчин и женщин «возможно только в отдельных сферах», при этом 38% полагают, что «полное равенство прав возможно во всех сферах». В качестве устойчивой нормы сохраняется неоднозначное отношение к феминизму как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Практически половина ответивших не поддерживают феминизм «как общественное движение, направленное на достижение равенства полов в различных сферах общественной жизни» (55%). Чуть больше 30% одобряют феминистскую повестку, считая ее актуальной для российского общества¹.

Несмотря на длительную поддержку формального равенства социальных прав мужчин и женщин, в современном общественном мнении достаточно распространены консервативные взгляды на роль женщины в обществе, что обосновывает устойчивую гендерную асимметрию в сфере профессиональной занятости (которая подтверждается статистическими данными о гендерном профиле рынка труда). По мнению подавляющего большинства респондентов (72%), женщина должна уделять больше времени и внимания выполнению своих семейных и материнских обязанностей, чем карьере и личному развитию². При этом участие женщин в оплачиваемой занятости не ставится под сомнение. Согласно коллективным взглядам, работающим женщинам лучше

¹ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 10.03.2019 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель?» 20.03.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=9601> (дата обращения: 19.05.2021).

² Общероссийский опрос «ВЦИОМ—Экспресс» проведен 01–02.03.2014 методом поквартирных face-to-face интервью, выборка 1600 человек 18 лет и старше, стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Выбор женщины: карьера или семья?» 07.03.2014 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=862> (дата обращения: 30.05.2021).

занимать руководящие должности в наиболее «подходящих» для них сферах, где они смогут выполнять функции социального материнства: образование, здравоохранение, культура и воспитание, индустрия красоты¹.

Возможность профессиональной карьеры в политике для женщин также соответствует принципам гендерной сегрегации рынка труда. 68 % россиян не видят женщину на посту президента РФ, и только 21 % полагают, что женщина может занимать эту позицию. Вместе с тем женщин готовы видеть в должности министров, курирующих социальные вопросы: здравоохранение, социальное обеспечение и образование (69 %), но не рассматривают в качестве министров силовых ведомств (83 %)². Несмотря на то, что семья расценивается как главная сфера самореализации женщин, на уровне общественного мнения артикулируется запрос на гендерное равенство в семье. Около половины респондентов полагают, что домашние обязанности (забота о детях, приготовление еды, глажка, уборка, стирка и пр.) мужчины и женщины должны выполнять совместно³.

Однозначный выбор между семьей и карьерой в пользу семьи на уровне предпочтений поддерживают 57 % мужчин и 50 % женщин. Личный опыт респондентов и членов их семей показывает, что гендерный контракт «работающая мать» по-прежнему остается распространенным способом выстраивания женских биографий (по оценкам 23 % мужчин и 31 % женщин). Карьерно-ориентированная модель выстраивания баланса семьи и работы кажется привлекательной 16 % мужчин и 17 % женщин⁴.

Асимметрия гендерного гражданства также видна в ответах респондентов на вопрос о разделении домашнего труда. В частности, мужчины в большей степени считаются ответственными за материальное обеспечение семьи, оплату счетов и мелкий ремонт по дому, в то время как женщины больше

¹ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 09–12.09.2019 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов 18 лет и старше в рамках исследования, подготовленного рабочей группой комитета по женскому лидерству Ассоциации менеджеров при участии KFC Russia, Mastercard, PepsiCo, VTB Capital. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Лидерство: гендерные стереотипы отстают» 26.11.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=10026> (дата обращения: 11.05.2021).

² Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 01.03.2020 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Сохранить прекрасный пол» 06.03.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10188> (дата обращения: 14.05.2021).

³ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 28.02–01.03.2018 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 2000 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Равенство в семье: от деклараций — к реальности?» 06.03.2018 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981> (дата обращения: 12.05.2021).

⁴ Общероссийский опрос «ВЦИОМ—Экспресс» проведен 01–02.03.2014 методом поквартирных face-to-face интервью, выборка 1600 человек 18 лет и старше, стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Выбор женщины: карьера или семья?» 07.03.2014 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=862> (дата обращения: 11.05.2021).

занимаются уходом и воспитанием детей, чаще покупают продукты, а также подарки друзьям и родственникам, выполняют домашнюю работу (мытьё посуды, приготовление еды, стирка белья и глажка вещей). Такие практики, как организация семейного досуга и уход за домашними питомцами, являются эгалитарными¹. Таким образом, советский гендерный контракт «работающая мать» до сих пор легитимен, поскольку от женщин ожидается не только выполнение большей части домашней работы, но и работа в сфере оплачиваемой занятости. Так, участники опросов полагают, что женщины должны вносить в семейный бюджет в среднем 38%², что также соответствует оценкам мужчинами и женщинами своего реального материального вклада в доход семьи.

Таким образом, система смыслов и значений гендерного гражданства, заданная на уровне идеологии и институциональной модели государственной политики, адаптируется и используется общественным сознанием в качестве правил фреймирования индивидуальных жизненных выборов и биографических событий. Данные опросов отчетливо показывают, что в качестве смысловых рамок используют консервативную и эгалитарную гендерные идеологии. Хотя они противоречат друг другу по своему содержанию, на уровне массового сознания они примиряются в форме поддержки гендерного контракта работающей матери. Правила фреймирования позволяют компенсировать гистерезис, то есть ситуацию, когда социальные нормы не успевают за практиками. Конвенционально разделяемые смыслы и значения гендерного гражданства на уровне общественного мнения формируют микс эгалитарных и консервативных представлений о статусе женщин и предписываемых им социальных ролях.

Метод и данные

Для того чтобы ответить на наш исследовательский вопрос о способах восприятия женщинами своих социальных прав и понимания гендерного гражданства в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению, мы использовали метод биографического интервью. Участницами исследования выступили женщины разных возрастов, которых мы условно отнесли к трем поколениям: 1950-х годов рождения (бабушки), 1970-х годов рождения (дочери) и 1990-х годов рождения (внучки). Критериями отбора респонденток выступали семейный статус (опыт замужества и материнства) и наличие опыта работы в сфере оплачиваемой занятости. Все респондентки на момент интервью проживали в Санкт-Петербурге. Всего было собрано 45 интервью,

¹ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 28.02–01.03.2018 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 2000 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Равенство в семье: от деклараций — к реальности?» 06.03.2018 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981> (дата обращения: 12.05.2021).

² Там же.

по 15 интервью с представительницами каждого поколения. Выборка формировалась в два этапа: на первом этапе использовались социальные сети исследователей, на втором этапе новые респонденты находились методом снежного кома. Интервью проводились очно, в доверительной обстановке, в соответствии с этическими нормами социологического исследования. В ходе интервью респонденткам предлагалось рассказать о своей жизни, при этом интервьюер должен был помогать вспоминать события, связанные с разными возрастными этапами: детство, организация заботы в родительской семье, отношения с родителями и другими заботящимися взрослыми, учеба, начало трудовой жизни, образование пары, замужество, опыт материнства, организация заботы о собственных детях и их образовательных траекторий, карьерное продвижение, трудовая жизнь, выход на пенсию (для тех, для кого релевантно). Отдельно задавались вопросы об использовании различных сервисов и поддержек от государства, об опыте корпоративной поддержки, участии в гражданской жизни, организациях, профсоюзах, дружбе, взаимной поддержке внутри семьи и ближнего социального круга, конфликтах в семье и на работе и пр. Дополнительно гид по интервью содержал вопросы, непосредственно направленные на изучение восприятия гендерного гражданства: о социальной справедливости, о положении женщин в современном российском обществе, о том, что они думают о своих правах, о специфических женских проблемах, о том, чего не хватает современным женщинам, и о возможных путях решения этих проблем.

В данной статье мы анализируем ответы респонденток о гендерном гражданстве, также интерпретируя их в биографическом контексте. Мы реконструируем повседневные дискурсы о гражданстве и подчеркиваем их различия в зависимости от возраста респонденток и их социального бэкграунда, вписывая эти нарративы в исторический контекст и контекст тех доступных ресурсов, которыми они располагают (культурный, экономический и социальный капиталы).

Для анализа биографических нарративов был использован метод тематического кодирования [Flick, 2006]. Транскрипты всего массива данных интервью кодировались при помощи программы ATLAS.ti. В процессе кодирования мы использовали закрытый список тем, относящихся к восприятию гендерного гражданства: восприятие прав, проблемы женщин, социальная защищенность, пути решения проблем женщин. На основе кодирования были выделены типичные категории, используемые информантками для описания и интерпретации своего опыта гендерного гражданства. Далее эти категории были отнесены к разным типам фреймирования. Они также были интерпретированы с точки зрения анализа эмоций / способами говорения об эмоциях. Выражение эмоций нами рассматривалось как способ интерпретации событий биографии и ситуаций как правильных/неправильных, достойных/недостойных, вызывающих гордость или чувство стыда и фрустрации. Эти эмоции в контексте биографий для нас обозначали разрывы между правилами чувств и когнитивными фреймами, что также давало богатый материал для теоретизации.

Для анализа режимов гражданства мы интерпретировали категории, полученные в процессе кодирования интервью, в более широком контексте социальной политики и современной России, советского общества, а также всей биографии респонденток. При интерпретации категорий интервью мы исходили из того, что нарративы рассказываются респондентками «из сегодняшнего дня», то есть они используют категории и интерпретативные рамки современного официального дискурса и дискурсов обыденного знания. Эти современные дискурсы накладываются, интегрируются и полемизируют в нарративах с дискурсами прошлого, образуя в рассказах участниц исследования сложный уникальный дискурсивный микст. Кроме того, респондентки часто обращаются к категориям и смыслам массовой глобальной культуры, в которую они погружены. Они используют экспертные дискурсы или обращаются к «школьному знанию» для говорения о своих правах и о гендере.

Субъективное восприятие социальных прав женщинами трех поколений

Бабушки: фрейм государственного признания и правила чувств благодарности

Описывая свой биографический опыт, представительницы старшего поколения не проблематизировали для себя положение женщин в Советском Союзе в категориях социальных и гендерных прав. Ответ на этот вопрос приводил информанток в замешательство, поскольку, по их мнению, согласно Конституции, мужчины и женщины имеют равные права. При этом некоторые отмечали, что фактически это равенство означает одинаковое отсутствие прав и уязвимость граждан перед государством в СССР вне зависимости от пола. Некоторые при этом мыслят свои права как пенсионеров, получателей пенсий: «Какие права могут быть у пенсионера в 80 лет? Какие права качать?» (Инна Аркадьевна¹, 80 лет, 2 детей, работала слесарем). Респондентки в этой связи говорят о своем трудовом вкладе и низкой пенсии, неадекватной сделанному ими вкладу. Право на пенсионное обеспечение в данном случае представлено как гендерно недифференцированное, как «естественное» продолжение равного с мужчинами права на участие в оплачиваемой занятости. В контексте нынешней жизненной ситуации — ухода с рынка труда в связи с достижением пенсионного возраста — респондентки говорят о гендерном равенстве «в нужде» и отсутствии адекватной поддержки государства для всех граждан пожилого возраста как пенсионеров:

Р.: Я считаю, сейчас все [пенсионеры] уязвимы.

И.: Почему уязвимы?

Р.: Нестабильность жизни (Маргарита Львовна, 85 лет, 2 детей, работала инженером).

¹ Здесь и далее используются псевдонимы респондентов.

Вместе с тем, вспоминая советское время, респондентки старшей возрастной группы говорят о равенстве всех граждан вне зависимости от пола с точки зрения их государственного обеспечения как «молодых специалистов» или членов «трудовых коллективов», подчеркивая имевшееся у них тогда чувство защищенности со стороны государства и поддержки «товарищей по работе», что давало им уверенность в своем будущем и будущем своих детей:

«Раньше коллективы сплоченные, взаимопомощь и взаимовыручка... О правах не думали, все жили одинаково» (Анна Андреевна, 64 года, 1 ребенок, работала медсестрой).

«Мы все ведь получили квартиры, все от производства. Если молодой специалист приезжал, то все равно его куда-то в общежитие селили на какое-то время. Потом комнату он получал, потом квартиру получал» (Маргарита Львовна, 85 лет, 2 детей, работала инженером).

Другая типичная реакция женщин старшего поколения на этот вопрос определялась их фреймированием себя в категории «беспольных людей», которые уже не нужны и неинтересны государству, поскольку вышли из репродуктивного возраста:

«Даже не знаю, в каком плане для нас женские права: мы уже не рождем, мы уже детьми не можем государству обеспечить какую-то в этом плане помощь» (Ирина Яковлевна, 69 лет, 1 ребенок, работала технологом).

В этой цитате хорошо видно, что представление о гендерном гражданстве, основанном на репродуктивной функции женщин, оформленное в официальной советской риторике и охранном законодательстве материнских прав, укоренено в субъективном представлении женщин о себе с точки зрения их полезности в решении не только трудовых, но и демографических задач государства.

Взаимные ожидания и поддержки между женщиной и государством подчинены логике социального воспроизводства и ограничены репродуктивным возрастом женщины, по завершении которого они не ждут дополнительной к трудовой пенсии помощи от государства. Респондентки также упоминают права женщин, которые они могут получать в связи с их особым репродуктивным статусом и потребностями, связанными с материнством, например, «мать-одиночка» или мать ребенка с инвалидностью. Фрейм поддержки государством женщины как работницы и матери нормативно предполагает правило чувствования реципиентами социальной поддержки благодарности, удовлетворения и гордости, поскольку они получают вознаграждение (символическое и материальное) за хорошее исполнение предписанных им ролей. Таким образом, сделка между государством как источником благ и женщинами как их получателями считается справедливой большинством информанток, принадлежащих к этому поколению. В случаях же, когда вознаграждение

за хорошую работу (репродуктивную и производственную) оказывается, по мнению участниц сделки, несоразмерным их вкладу, они испытывают сожаление, разочарование, чувство одиночества, собственной ненужности. Сами респондентки пытаются объяснить несправедливость сделки собственными характеристиками (а не высказывают критику в отношении институционального устройства социальной политики): своим возрастом и выходом с рынка труда, а также потерей репродуктивной функции. Примечательно, что представительницы данной возрастной группы в ходе разговора о гендерном гражданстве практически не вспоминают о политических и гражданских правах, сводя понимание прав женщин исключительно к социальной поддержке их как работниц и матерей.

Матери: неолиберальный фрейм и правила рационализации чувств

Рассуждая о своих правах, женщины среднего поколения предлагают более дифференцированную понятийную картину. Они упоминают права не только социальные, но и политические (свобода слова, вероисповедания, перемещения), а также сетуют на то, что не имеют фактического права ходить на митинги «в рамках ограничения на политический протест в текущем законодательстве». Женщины данной возрастной когорты обладают гендерно дифференцированной картиной прав и упоминают специфические женские права как в публичной, так и приватной сфере:

«Свобода принимать решение — рожать ребенка или нет, свобода на развод, например, хочу развестись или не хочу — у женщины есть на это право» (Ольга, 39 лет, 1 ребенок, работает учителем).

В их случае фреймирование восприятия женского гражданства обусловлено спецификой самого этапа жизненного этапа респонденток. Как правило, у них имеется достаточно большой стаж профессиональной деятельности, что делает их наиболее чувствительными к проявлению гендерных неравенств на рынке труда в силу имеющегося у них опыта построения собственной карьерной траектории. Значение рынка как места, где (вос)производятся гендерные неравенства, определяется тем, что оплачиваемая занятость является для них основным источником экономического благополучия. Вне зависимости от разделяемой гендерной идеологии, представлений о нормативном разделении труда между мужчинами и женщинами, а также собственного и семейного бэкграунда для представительниц среднего поколения рынок труда выступает тем местом, где гендерные различия заметны:

«XXI век, но есть некоторые стереотипы, что ли. На работе это прослеживается... как минимум, ущемляют права женщин, вот говорят “слабый пол”, в спорте это можно проследить, в отношении... позиционирования мужчинами себя так» (Елена, 47 лет, 2 детей, работает менеджером по кадрам).

Специфика восприятия прав женщин определена особенностями гендерной социализации участниц исследования, совпавшей с периодом изменения гендерного порядка и гендерной идеологии в постсоветской России. Притом что опыт переживания горизонтальной и вертикальной сегрегации на рынке труда является массовым и оценивается респондентками как «социальный факт», только некоторые из них могут определять его в категориях гендерного неравенства:

«Я же не могла устроиться на работу, мне сразу говорили: специальность не та, только для мальчиков, не может быть женщина инженером по автоматизации! Почему не может — не знаю. То есть есть такая гендерная дискриминация, и в плане карьерного роста, кстати говоря, тоже. Предпочтения все-таки делают мужчинам. Если начальник отдела, то, скорее всего, это будет мужчина. Всегда там, если это мужчина или женщина, то, скорее всего, и зарплата повыше должна быть у мужчин, женщинам и так сойдет» (Анастасия, 40 лет, 4 детей, работает инженером).

Представительницы данного поколения, рефлексировав по поводу специфики женской занятости, все же редко используют для описания своего личного опыта такую категорию, как «дискриминация», а, скорее, говорят о сложностях на работе, с которыми им как работникам, вне зависимости от гендерной принадлежности приходилось сталкиваться:

*«За всю свою жизнь я ни разу не столкнулась с тем, что меня ущемляли. Может быть, такое было на работе, **но было скрыто какими-то другими показателями**. Просто бывают же такие должности, где считается, что мужчина справился бы лучше, не возьмем мы женщин, и все. Но я с таким не сталкивалась, может быть, в силу моих должностей» (Наталья, 43 года, 1 ребенок, работает супервайзером).*

«Есть у нас некоторая несправедливость, прослеживается, конечно, но я не могу сказать, потому что сама я не сталкивалась с ущемлением своих прав по половому признаку ни на работе, и нигде вообще...» (Елена, 47 лет, 2 детей, работает менеджером по кадрам).

Данный фрейм восприятия прав может быть описан как неолиберальный, поскольку он характеризуется восприятием прав как свободного участия в оплачиваемой занятости, а восприятие социальной справедливости связано с возможностями карьерного продвижения и получения адекватной оплаты труда за свои усилия. Сделка, которую здесь заключают субъекты прав, связана с возможностью коммодификации своего труда. Таким образом, права воспринимаются как получение благосостояния на рынке труда. Рынок становится основным источником благ, при этом государство практически не упоминается как значимый актор. Женщины представляют себя на рабочем месте как неолиберальных субъектов, которые имеют возможность добиться своих целей благодаря собственным знаниям и усилиям.

«Я даже не знаю... я по жизни, так скажем, не чувствовала такого, чтобы мне не хватало... конечно сложно, **все своими силами, но все достижимо было**, мне особо не препятствовало, острого недостатка прав или несправедливости в отношении женщин не было. **Сложно — да, несправедливости — нет**, на себе не чувствовала точно. Видела иногда, но это и так было и есть... это уже не про права, наверно, просто, скорее, несправедливость к работникам вот в корпорациях, но это и со стороны мужчин-начальников, так и со стороны женщин тоже... это не так чтобы ущемление» (Елена, 47 лет, 2 детей, менеджер по кадрам).

Неолиберальный фрейм предполагает правила рационального чувствования гендерного гражданства, связанные с рациональной оценкой своих усилий на рынке труда и полученного вознаграждения. В тех случаях, когда, с точки зрения респонденток, вознаграждение недостаточно, это означает, что они недостаточно старались или мало работали. Такие ситуации не становятся источником сожаления, разочарования и недовольства, они используются респондентками как способ нормализации институционально закрепленных неравенств на рынке труда. В тех случаях, когда женщины смогли сделать успешную карьеру, эта ситуация воспринимается и описывается ими как личное везение, результат удачного стечения обстоятельств. Некоторым участницам исследования — представительницам данного поколения удалось сделать карьеру внутри международных корпораций, которые пришли на российские рынки в начале 1990-х, создав новые карьерные возможности и предложив профессиональный рост, начинающийся с низовых позиций секретарей и референтов и приведший участниц исследования на должности руководителей отделов и предприятий. Эти новые открывшиеся возможности участницы интерпретировали в категориях собственных достижений, а также и «удачи», которая случайно им выпала.

«**Мне просто повезло**, посчастливилось, что я росла в такой атмосфере, что, в принципе, с такими какими-то сложностями, трудностями я в жизни не сталкивалась» (Наталья, 43 года, 1 ребенок, работает супервайзером).

«Я думаю, что есть неравенство, но **мне всегда везло с начальниками-мужчинами**. Они меня всегда поддерживали, давали возможность расти профессионально. Я им очень благодарна. А с такой прямой дискриминацией я никогда не сталкивалась» (Ирина, 47 лет, 1 ребенок, работает специалистом в сфере управления школьным образованием).

В контексте развивающейся постсоветской капиталистической экономики личное везение и удачное стечение обстоятельств, которые позволили информанткам почувствовать свою исключительность в плане отсутствия личного опыта переживания гендерной дискриминации на рынке труда, становится правилом фреймирования, позволяющим не применять к своему профессиональному опыту категории гендерного неравенства.

При этом в различных ситуациях повседневного взаимодействия женщины замечают проявление сексизма по отношению к себе. Например, автомобильная дорога, парковочные места, возможность беспрепятственного передвижения представляют собой в большом городе, перегруженном транспортом, ценный ресурс, за который автоводители часто непосредственно конкурируют между собой. Такая конкуренция интерпретируется респондентками в гендерных категориях:

*«Единственное, с чем я сталкиваюсь почти ежедневно, — это “женщина за рулем”. Вот это меня **бесит до невозможности**, что все, если женщина за рулем, то... я все время так реагирую. Но у меня муж говорит, что я не вхожу в эту категорию, но, опять же... такое отношение предвзятое. Мужики, наоборот, плохо за рулем себя ведут»* (Наталья, 43 года, 1 ребенок, работает супервайзером).

Такие ситуации повседневного сексизма, связанного с конкуренцией за «общие вещи», оказываются сильно эмоционально окрашенными, вызывающими гнев и раздражение. Эти ситуации не вписываются в неолиберальный фрейм усилий и вознаграждения, а потому не могут рационализироваться на уровне чувств.

Информантки, относящиеся к этому поколению, активно потребляют разнообразный медийный контент, где также встречаются с феминистски ориентированными публикациями, которые дают им «новую оптику» для переосмысления своего опыта и сложившихся в обществе гендерных стереотипов. Собственный жизненный опыт, его рефлексия с точки зрения гендерной нормализации делают респонденток более чувствительными к проявлениям гендерного неравенства. Одна из информанток говорит: *«Что мне раньше казалось нормой, не цепляло, сейчас, конечно, когда ты больше читаешь таких феминистических вещей и статей, ты начинаешь отмечать какие-то мелочи. Даже старшее поколение в моей семье может сказать моей племяннице, которая полная девочка, что, если ты будешь много есть, не выйдешь замуж. После этого я начинаю орать, естественно, потому что бред. У нее что, цель выйти замуж в этой жизни?»* (Татьяна, 39 лет, 2 ребенка, индивидуальный предприниматель).

Таким образом, представительницы данного поколения, в отличие от «поколения своих матерей» более чувствительны к проявлению гендерного неравенства в повседневной жизни. Многие из них имеют опыт столкновения с сексизмом, что позволяет им ставить под сомнение адекватность гендерных стереотипов, характерных для постсоветского общества. Но только некоторые из них могут определять его в терминах гендерного неравенства. Большинство же информанток интерпретируют такие проблемы в категориях личных трудностей и проблем, с которыми сталкиваются женщины в своей повседневной жизни. При этом ведущим мотивом, объединяющим нарративы представительниц данного поколения, является собственная исключительность, под чем понимается удачное

«стечение обстоятельств» или жизненное «везение». Они знают о проблемах домашнего насилия или гендерной дискриминации на рабочем месте, но говорят о том, что сами с этими явлениями не сталкивались ни в сфере занятости, ни в сфере семьи:

«Если ее дома избивают или она там насилию подвергается, она имеет право пойти и подать... написать заявление там на своего законного, незаконного супруга, соседа. Мне кажется, это все есть. Я просто счастливая, я этого не знаю, я не обращалась никогда, и надеюсь, не придется» (Ольга, 39 лет, 1 ребенок, работает учителем).

Внучки: фрейм повседневного феминизма и правила чувства справедливости

Молодые женщины — представительницы третьего поколения, чья социализация происходила в постсоветский период, наиболее чувствительны к проявлению гендерного неравенства. В отличие от поколения бабушек и матерей они не только имеют собственный опыт столкновения с гендерной дискриминацией, но и говорят об этом, используя феминистский вокабуляр, который совсем не встречается в нарративах бабушек и редко встречается у матерей. Несмотря на то, что представительницы среднего поколения демонстрируют гендерную чувствительность и замечают проявления гендерного неравенства, в интервью они, равно как и «старшие женщины», дистанцируются от феминизма, не проводя параллелей между собственными идеями и повседневным представлением о гендерном равенстве и феминистскими положениями:

«Я, конечно, не феминистка до мозга костей. Но я считаю, что женщины — это не второй сорт, хотя от мужа я услышала, что жена — это дорогая вещь. Я говорю: “Почему вещь?”, — “Ну, типа ты ей пользуешься и ты должен ее содержать в надлежащем состоянии”. Я думаю, что, так все мужчины думают? Меня, если честно, это покорило, мне было неприятно» (Анастасия, 40 лет, 4 детей, работает инженером).

Феминистская оптика, характерная для младшего поколения, заимствована из глобализированной массовой культуры, учебных курсов, в том числе университетских или интернет-публикаций, а также может быть продуктом повседневного знания или коллективной рефлексии женского жизненного опыта [Чернова, Шпаковская, 2020]. Молодые женщины, используя феминистский язык, видят структурные основания гендерного неравенства, интерпретируя случаи дискриминации не как результат индивидуальных жизненных обстоятельств или отсутствия «везения», но как следствие устройства гендерного порядка российского общества. В приведенной ниже цитате информантка дает свою интерпретацию структурных неравенств рынка труда, имплицитно используя концепты вертикальной и горизонтальной гендерной сегрегации профессиональной занятости:

«Обычно мужчина получает больше. А мужчина получает больше в силу того, что должности, которые занимает женщины, они обычно менее оплачиваемые. И это сильно, я считаю, притесняет женщин. Считается, что врачи, учителя и еще кто-то — это то, что делают женщины. И почему-то эти должности оплачиваются меньше. А грузчики получают больше. Хотя я, если честно, не понимаю, почему врач, учитель должен получать меньше, чем грузчик. Но, по-моему, это складывается из представления, что, если врачом работает женщина, значит, ей можно платить меньше» (Ксения, 29 лет, 1 ребенок, работает аудитором).

«Я вижу с точки зрения политики... избирательной какой-то власти. Не так много у нас женщин во власти. Женщин, мне кажется, в меньшей степени воспринимают, чем мужчин. Женщинам нужно очень много прикладывать усилий — в несколько раз больше, чем мужчине, чтобы добиться чего-то, к сожалению» (Дарья, 31 год, 1 ребенок, работала ивент-менеджером, в отпуске по уходу за ребенком).

В целом респондентки подтверждают наличие у женщин равных формальных прав с мужчинами, воспринимая эту ситуацию как данность и не ставя под сомнение такого устройства социального порядка. Они также разделяют неолиберальный фрейм возможности достижения каждым человеком, вне зависимости от пола, жизненного успеха, полагая, что личные поражения и победы являются результатом его индивидуальных усилий.

*«Мне кажется, что в плане карьеры все права есть, и если какая-то женщина говорит, что ей не хватает чего-то, то мне кажется, что она, наверное, не права. Потому что мне кажется, что **каждая женщина может добиться вообще тех же абсолютно результатов, что и мужчина**, если она просто находится в правильной компании» (Алиса, 29 лет, 1 ребенок, работала менеджером по продажам, в отпуске по уходу за ребенком).*

Несмотря на то, что молодые женщины согласны с наличием формального гендерного равенства, они отмечают, что в реальной жизни существует неравенство оплаты труда и карьерных возможностей. Основной причиной различия в жизненных шансах мужчин и женщин, с их точки зрения, является гендерно асимметричное родительство, когда рождение ребенка и необходимость осуществления заботы о нем делает позицию женщин на рынке труда более уязвимой.

«Мне кажется, что в плане карьеры все права есть... Вот, но в плане беременности и родов, мне кажется, что здесь женщина просто теряет вообще все, что у нее было» (Алиса, 29 лет, 1 ребенок, работала менеджером по продажам, в отпуске по уходу за ребенком).

«У нас... по сути с работой — принижение по зарплате. Рассматривая статус: женщина замужняя или незамужняя, с детьми или без детей, — это влияет на качество твоего заработка и качество твоей работы в профессии, потому что работодатель не заинтересован в замужних и с детьми. Все влияет. То есть на тебя смотрят, как на объект с параметрами, а не как на профессионала с уже рабочими качествами» (Кристина, 2 детей, работала воспитателем в детском саду, в отпуске по уходу за ребенком).

«Штрафы за материнство», которые вынуждены «платить» женщины, принимая решение о рождении ребенка, осознаются информантками как несправедливое положение дел. Иначе говоря, фрейм повседневного феминизма связан с возможностями получения благосостояния на рынке труда, при этом рассматривает как источник неравенства материнство и заботу. Такой фрейм является критически направленным по своему смыслу, правила чувств здесь связаны с критикой существующего гендерного порядка и требованием большей справедливости. Эмоции выражаются в активном модусе действия и связаны с идеями, которые высказывают респондентки об изменении существующего порядка и улучшении своего положения на рынке труда и в семье (как женщин и работниц).

Разделяя фрейм повседневного феминизма, респондентки видят несколько возможных способов улучшения своей ситуации, таким образом артикулируя запрос на гендерное равенство. Во-первых, они исходят из представления о необходимости гендерного равенства в приватной сфере, а именно большем участии мужчин — прежде всего в организации заботы о детях, считая его одним из способов достижения равенства в публичной сфере. В приведенной ниже цитате респондентка говорит о «декретном отпуске» как причине штрафа за материнство и источнике мужских привилегий:

*«Мне кажется, у современных женщин в России как-то немного прав. Ну, то есть они обычные права, как у всех людей, какие-то есть. **Но проблема в том, что женщина уходит в декрет, это сильно ее ограничивает — несмотря на то, что мужчина тоже может уйти в декрет.** Я очень мало знаю таких мужчин — ну, вот, мой муж... Он неофициально ушел в декрет... И, в общем-то, папы ничуть не хуже, чем мамы, сидят с детьми. Психологически им это сложнее, потому что так в нашем обществе не принято. Но я вообще не вижу разницы. Ну, может, чуть инстинктивно женщинам чуть проще. Но если бы у нас не было каких-то именно социальных проблем, **я думаю, мужчины бы так же прекрасно сидели с детьми, как и женщины. И тогда бы женщины были менее унижены в правах»** (Ксения, 29 лет, 1 ребенок, работает аудитором).*

В следующей цитате респондентка фреймирует гендерно асимметричное родительство как результат несправедливого семейного и трудового законодательства. Данное утверждение не соответствует реально действующим законодательным нормам, которые предоставляют право на отпуск по уходу за

ребенком или оформления оплачиваемого листа нетрудоспособности в связи с болезнью ребенка как матерям, так и отцам. Тем не менее это представление является одним из правил фреймирования, которое базируется на сложившихся практиках правоприменения существующих законодательных норм. Приведенные цитаты из интервью с молодыми женщинами демонстрируют осознанную потребность в равных подержках как матери, так и отца ребенка.

*«В законодательстве прописаны все права по отношению к женщинам с малолетними детьми — не мужчин. Странно. Потому что, например, в нашей семье — так как у нас нет помощи бабушек, дедушек и няни, **мы имеем, мне кажется, одинаковое право на использование каких-то не преимуществ... но более легкое отношение к больничному, к другим делам, связанным с детьми.** Странно, что только женщины в области законодательства на это имеют право... от женщины требуют таких же усилий на работе, независимо от того, есть у нее дети или нет. Твой ребенок — это твоя проблема. **Конечно, это неправильно, это тяжело**» (Виктория, 1 ребенок, работает специалистом отдела по оформлению иностранных граждан).*

Во-вторых, участницы исследования, констатируя неравенство в заботе о детях и считая его источником гендерного неравенства в оплате труда, полагают, что государство должно поддерживать женщин, компенсируя неравенство в структуре семьи и разделении труда в семье, выстраивая дифференцированную политику с учетом жизненных условий. Далее молодая женщина, одна воспитывающая ребенка, говорит о нехватке государственной помощи, которая, с ее точки зрения, могла бы компенсировать отсутствие второго работающего взрослого в семье. Она также высказывает притязания на равенство жизненных шансов для женщин и детей из разных семей на основе принципов декоммодификации [Esping-Andersen, 1990] и дефамелизации [Orloff, 1993].

*«Я все-таки, как мать-одиночка, я считаю, что **маме-одиночке положены льготы — это ненормально, что ты в таких же условиях находишься, как и все остальные, и это просто нечестно.** Если у тебя три ребенка и у тебя муж есть — вы вместе все равно, вы вдвоем, а тут ты один и ребенок. И в принципе он на тебе полностью — 100%, но, у тебя никакой поддержки нет, и у тебя никаких льгот нет, вот это странно для меня. Потому что ты, **если вышел из строя, не дай Бог, и что ребенок? И как он будет, кому он будет нужен, кто будет за ним следить?**» (Олеся, 1 ребенок, работает инженером).*

Для представительниц данного поколения характерно неконсистентное представление об институционально обусловленной специфике профессиональной траектории и карьере заботящегося. Они разделяют неолиберальный фрейм возможности самореализации и продвижения на рынке труда, делая

ставку на свои знания, навыки и компетенции и адаптируясь к существующему гендерному неравенству в оплачиваемой занятости. Говоря о работе, молодые женщины фреймируют гендерное равенство как равенство возможностей. В то же время равенство результатов, трактуемое как возможность поддержания определенного уровня жизни и качества заботы о детях, невозможно, по их мнению, без широкой поддержки со стороны государства.

«Женщинам не хватает поддержки, не хватает садов, не хватает продленок — не хватает всего того, чтобы женщина успешно развивалась. Если у нее нет денег либо спонсора, либо какого-то надежного тыла за собой — женщина не сможет развиваться, она останется в семье, в детях. И с нынешними реалиями — у нас и лагерей нету бесплатных, ничего нет бесплатного. То есть без денег ни-ку-да» (Владислава, 29 лет, 2 детей, работает маркетологом).

Фрейм повседневного феминизма, создаваемый в биографических нарративах молодых респонденток, выстраивается через стремление успешно коммодифицировать свои навыки и умения на рынке труда и компенсировать социально-экономическую уязвимость из-за материнства посредством дефамилизации при активной поддержке государства — в первую очередь через предоставление доступа к институционализированным формам заботы о ребенке. При этом молодые женщины не рассматривают государственную помощь в качестве значимого источника экономической стабильности и социальной защищенности. Так же как и рынок, и брак, социальная политика кажется информанткам нестабильным источником благополучия, поскольку, по их мнению, правила и формы государственной поддержки постоянно меняются, а вводимые программы социальной политики часто имеют ограниченный срок действия. В следующей цитате из интервью респондентка называет свое отношение к государственной помощи скептическим, поскольку она не компенсирует расходы на поддержание стандартов жизни среднего класса, на которые ориентирована участница исследования:

*«Я очень **скептически отношусь к нашему государству**. Меня периодически очень смешат новости, что кому-то подняли зарплату на 200%, когда это в денежном эквиваленте 50 рублей. Или что индексация пенсий была ого-го-го какой, а в рублях это три рубля — это достаточно смешно, когда, в общем-то, прожиточный минимум — это реально те деньги, которые равны просто моей квартплате. А на что жить, в общем-то? Не очень понятно. Я считаю, что это не социальная защищенность» (Дарья, 31 год, 1 ребенок, работала ивент-менеджером, в отпуске по уходу за ребенком).*

Скептический взгляд вписан в фрейм повседневного феминизма. В ситуации, когда основные источники благополучия (рынок, брак, государство) выступают потенциальными источниками риска и нестабильности, скептицизм

в отношении предоставляемых государством социальных прав вынуждает женщин представлять себя в качестве компетентных неолиберальных субъектов. Такие субъекты видят структурные неравенства и расценивают их как причины гендерных различий в публичной и приватной сфере. Они обладают агентностью, способны использовать все доступные им ресурсы и максимизировать любые потенциальные выгоды, связанные с их социально-экономическим статусом: рыночные, государственные, семейные, — эффективно комбинируя и сочетая их по мере необходимости [Чернова, Шпаковская, 2020а].

Таким образом, представительницы данного поколения, в отличие от поколений своих бабушек и матерей, применяют категории гендерного неравенства к описанию своей жизненной ситуации и проживаемого гражданства. Используя феминистскую оптику, они видят структурно обусловленное гендерное неравенство как в публичной, так и в приватной сфере и не склонны объяснять индивидуальные случаи дискриминации женщин в категориях личных трудностей. При этом, как и поколение бабушек, они рассматривают права женщин в первую очередь как репродуктивные и трудовые права, требуя от государства обеспечить большее гендерное равенство как в публичной, так и в приватной сфере. С поколением матерей их объединяет разделение неолиберального фрейма, когда позиция на рынке труда выступает главным источником благополучия женщины и ребенка. Правила фреймирования повседневного феминизма, а также эмоциональные правила скептицизма в отношении поддержек со стороны государства, разделяемые представительницами молодого поколения, выстраиваются на основании дискурса «индивидуального прагматизма» и императива «рассчитывать только на себя» [Чернова, Шпаковская, 2020а].

Заключение: режимы гендерного гражданства

Понятие режима гражданства [Tonkens, 2012] позволяет изучать, как по-разному индивиды реагируют на изменения идеологии и институционального устройства политики государства и адаптируются к новым структурным условиям. Вслед за Э. Тонкенс мы используем данное понятие для анализа восприятия социальных прав представительницами трех поколений, что позволяет реконструировать правила фреймирования и правила чувств [Hochschild, 2003], которые на уровне обыденного сознания и способов интерпретации биографических событий используются женщинами для описания своего гендерного гражданства. Мы адаптируем понятие «режим гражданства» в соответствии с исследовательскими задачами, поскольку нас интересует восприятие своих прав именно женщинами. Мы предлагаем использовать понятие режима гендерного гражданства, которое позволяет анализировать субъективные ответы женщин разных поколений на возникающие институциональные, идеологические, экономические изменения, продуцируемые государственной политикой. Разные способы восприятия «женских прав» укоренены в жизненном опыте респонденток, связанном с воздействием на них разных типов социальной политики, идеологий, устройства государственных и экономических институтов.

Они также укоренены в их классовом бэкграунде, их включенности в массовую культуру. Этот жизненный опыт связан и с использованием определенных понятийных фреймов, производимых государственными институтами для описания жизненных ситуаций, и обращением к определенным правилам чувств, вписанных в способы фреймирования биографических событий и повседневного опыта. Таким образом, понятие режима гендерного гражданства выступает понятием мезоуровня, которое позволяет связать практики и эмоциональные реакции на микроуровне с макроуровнем политик, идеологий, официальных дискурсов и государственных программ.

В целом проведенный анализ показал, что, говоря о своих правах, женщины — представительницы трех поколений склонны понимать женские права как права репродуктивные или права, связанные с деторождением и социальной/экономической защищенностью матери и ее детей. Общим способом фреймирования прав выступает идея обмена между женщиной, которая производит потомство, и государством или обществом. Именно репродукция и репродуктивная польза женщин становится в их понимании основанием для получения социальных благ. Общим для наших респонденток также является то, что права понимаются прежде всего как социальные [Маршалл, 2011], то есть связанные с благами, предоставляемыми государством. Вместе с тем понимание прав как политических маргинально. Представительницы разных поколений, тем не менее, выражают разную степень агентности как участницы символического и материального обмена между обществом и государством.

Мы выделяем следующие режимы гендерного гражданства советского и постсоветского общества, каждый из которых соотносится с определенным типом социальной политики и связанными с ним правилами фреймирования и правилами чувств.

Режим получения поддержки и благ от государства

Основным источником социально-экономического благополучия в этом режиме выступает государство, которое предоставляет различные формы поддержки для женщин как работниц и матерей. Гендерная идеология этого режима рассматривает женщин и детей как объект заботы со стороны государства. Социальный протекционизм женщин осуществлялся за счет законодательных мер охранного характера, а также через материальные выплаты и предоставление доступа к институционализированным формам заботы о детях. Женщины, относящиеся к позднесоветскому поколению, представляют себя в качестве пассивных реципиентов государственной помощи в обмен на социально одобряемое поведение: участие в оплачиваемой занятости и материнство. Отношения между государством и гражданками выстроены на принципах дара, заботы и символического признания (ре)продуктивного вклада женщин. Если конвенции обмена не нарушаются государством как сувереном, то получатели его поддержки испытывают чувства благодарности и справедливого признания их труда. Мы называем такой тип гражданства этакратическим, подчеркивая значение ведущей роли государства в компенсации и минимизации индивидуальных рисков, которые могут возникнуть как в профессиональной, так и в семейной жизни женщин.

Режим самообеспечения и рыночного потребления благ

Ведущим источником благ здесь является рынок, на котором женщины продают свой труд, образование, таланты, предпринимательскую энергию и гендерные ресурсы (внешность, сексуальную привлекательность, возраст и пр.). В обмен на труд и таланты они получают адекватное вознаграждение (согласно рыночной стоимости). Полученные деньги позволяют покупать блага на рынке товаров и услуг. При этом государство как источник социальной защищенности практически не рассматривается.

Получение послешкольного образования, выход на рынок труда и активное материнство женщин, родившихся в 1970-е годы, пришлось на период экономических и социально-политических трансформаций, когда государство существенно сократило объем социальной поддержки граждан, фактически предоставляя минимальный уровень финансовых выплат и социальных услуг.

Женщины-гражданки используют правила фреймирования жизненных ситуаций, предоставляемые неолиберальной идеологией индивидуальной ответственности. Рыночные механизмы рассматриваются ими как универсальные способы поддержания своего благосостояния через активное участие в оплачиваемой занятости, борьбу за рабочие места хорошего качества, позволяющие получить доступ к платным услугам в сфере образования, здравоохранения, заботы о детях и пр. Женщины представляют себя в качестве компетентных потребителей рыночных и государственных сервисов. Данный тип гражданства определяется нами как коммодифицированный, то есть правила фреймирования и правила чувств выстроены в рыночной логике.

Режим требования поддержки и активного потребления социальных благ и сервисов

В данном режиме источниками социально-экономического благополучия выступают как рынок, так и государство. Молодые женщины представляют себя как активных участниц экономических отношений, а также потребителей товаров и услуг, однако при этом требуют от государства компенсации провалов рынка, связанных с социальной защищенностью материнства, и предоставления доступа к качественным медицинским и образовательным услугам.

Жизненные ситуации, с которыми сталкиваются молодые женщины, фреймируются ими при помощи феминистской оптики, связанной с пониманием специфических потребностей и источников уязвимости женщин на рынке труда и позволяющей им видеть структурные причины гендерного неравенства, субъектами которых они сами являются. Вместе с тем женщины часто не используют эксплицитные отсылки к феминизму или даже открыто дистанцируются от него, что заставляет нас говорить о феминизме как о неартикулированной повседневной идеологии. Правила чувств здесь предписывают выражение недовольства, связанного с нарушением гендерной справедливости, выстроенной на оценке вклада индивида вне зависимости от пола, а также требования большего участия отцов в осуществлении повседневной заботы о детях.

Этот тип гендерного гражданства мы назвали проактивным и индивидуализированным, поскольку он связан с разделением женщинами неолиберальной идеологии личной ответственности за собственное благополучие и благополучие своих детей и индивидуальным менеджментом рисков (как и неолиберальный тип), а также с ценностями ответственного родительства, что предполагает не только активное потребление товаров и услуг, но и более качественную включенность в обеспечение заботы о детях как матерей, так и отцов.

Таким образом, советский контракт «работающая мать» остается востребованным как на уровне идеологии и институционального дизайна государственной политики, так и на уровне индивидуальных практик и коллективных интерпретаций биографических событий и повседневности женщин. Этот контракт в разных режимах гендерного гражданства обеспечивается за счет двух основных институтов — государства и рынка. Однако его современная версия наиболее ресурсоемка для женщин, так как он осуществляется не только в ситуации сокращения объема государственной поддержки, но и повышенных требований к качеству заботы о детях, осуществляемой женщинами, а также требования их ответственности за свое благополучие и реализацию своих социальных прав.

Литература

Айвазова С. Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13–22.

Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований / Отв. ред. Л.Н. Овчарова. Вып. 211. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

Женщины в экономике. Обзор международной и российской повестки. 2021. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/65f53df7ef144f6f6b43ea8529869f52/101965562.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.

Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 145–206.

Мужчины и женщины в России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2018.

Мюрберг И. Т.Х. Маршалл и концептуальная история режимов гражданства // Политико-философский ежегодник. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 2010. С. 82–95.

Ржаницына Л. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. М.: ИЭ РАН, 2012.

Ржаницына Л. Совершенствование системы получения алиментов — путь снижения бедности // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 130–135. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013850-8>

Семья в центре социально-демографической политики / Отв. ред. О. Синявская. М.: Независимый институт социальной политики, 2009.

Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

Чернова Ж. Модель «советского отцовства»: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 138–168.

Чернова Ж., Шпаковская Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020а. № 6. С. 153–174. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>

Чернова Ж., Шпаковская Л. Семья и родительство // Социодиггер. 2020б. Т. 1. № 2.

Ashwin S. Introduction // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2000. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203135730>

Esping-Andersen G. Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.

Flick U. An Introduction to Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2006.

Hochschild A. Global Care Chains and Emotional Surplus Value // On The Edge: Living with Global Capitalism / Ed. by W. Hutton, A. Giddens. London: Jonathan Cape, 2000.

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 2003. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520930414>

Kallio K.P., Wood B.E., Häkli J. Lived Citizenship: Conceptualising an Emerging Field // Citizenship Studies. 2020. Vol. 24. № 6. P. 713–729. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1739227>

Kremer M. How Welfare States Care. Culture, Gender and Parenting in Europe. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789053569757>

Lister R. Inclusive Citizenship: Realising the Potential // Citizenship Studies. 2007. Vol. 11. № 1. P. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621020601099856>

Orloff A.S. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States // American Sociological Review. 1993. Vol. 58. № 3. P. 303–328. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095903>

Paid Migrant Domestic Labour in a Changing Europe: Questions of Gender Equality and Citizenship / Ed. by B. Gullikstad, G. Kristensen, P. Ringrose. London: Palgrave Macmillan, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-51742-5>

Tonkens E. Working with Arlie Hochschild: Connecting Feelings to Social Change // Social Politics. 2012. Vol. 19. № 2. P. 194–218. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxs003>

Turner J., Stets J. The Sociology of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511819612>

Сведения об авторе:

Чернова Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; профессор факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 472822; **ORCID ID:** 0000-0003-3416-5287; **ResearcherID:** O-1945-2013.

Шпаковская Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** slarisalarisa@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 483603; **ORCID ID:** 0000-0002-4206-4702; **ResearcherID:** D-3403-2016.

Статья поступила в редакцию: 11.07.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

.....

Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.1

Zhanna V. Chernova

*Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: chernova30@mail.ru*

Larisa L. Shpakovskaya

*Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: slarisalarisa@gmail.com*

The article is devoted to the analysis of ideas of women belonging to three generations about their rights. Women's rights are considered as part of the concept of gender citizenship, which includes ideologically and institutionalized ideas about normative gender contract for women, as well as their own meanings and values that they attribute to their status as recipients of social policy. The empirical basis of this study is composed of 45 biographical interviews with women of three generations (1950s, 1970s and 1990s years of birth). The interview guide also contained questions about parental family, education, professional activity, family and parenting, housing, organization of recreation and medical services, and retirement benefits. Based on the analysis of biographical narratives, the authors identify three modes of gender citizenship that are typical for women of three generations. 1) The mode of receiving support and benefits from the state is built through receiving support from the state as workers and mothers within the framework of social policy and is built on the subjective assessment by women of the ratio of their labor and reproductive contribution and the amount of assistance received from the state. 2) The regime of self-sufficiency and market consumption of goods relevant for women of the middle generation with experience of socialization and the beginning of working life in the period of post-Soviet transformations. In a broad sense, they see the market as the main source of well-being, which determines their solidarity with the values of the neoliberal economy and forms in them the skills of competent consumers of a wide variety of goods and services. 3) The regime of demanding support and active consumption of social goods and services is built on the basis of a proactive and individualized position of women in relation to such sources of well-being as the state and the market. Representatives of the younger generation not only have their own experience of gender discrimination, but also actively use feminist optics to define and interpret various life situations in terms of gender inequality as structurally determined differences in the life strategies of men and women.

Keywords: gender; gender citizenship; gender citizenship regime; women's rights; social policy

References

- Ashwin S. (2000) Introduction. In: Ashwin S. (ed.) *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203135730>
- Ayvazova S. (2011) Kontrakt rabotayushchey materi: narusheniya ili rastorzeniye? (K voprosu ob osobennostyakh gendernoy politiki v sovremennoy Rossii) [Working mother's contract: violations or

termination? (On the question of the peculiarities of gender policy in modern Russia)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Women in Russian Society]. No. 3. P. 13–22. (In Russ.)

Chernova Zh. (2007) Model' «sovetskogo» ottsovstva: diskursivnyye predpisaniya [The model of "Soviet fatherhood": discursive prescriptions]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: EUSPb. P. 138–168. (In Russ.)

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2020a) "Na drugikh nadeysya, a sama ne ploshay". Pragmaticheskiy individualizm kak diskursivnaya strategiya normalizatsii biografii molodykh predstavitel'nits srednego klassa ["God Help Those Who Help Themselves". Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6. P. 153–174. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2020b) Sem'ya i roditel'stvo [Family and parenthood]. *Socio-Digger*. Vol. 1. No. 2. (In Russ.)

Esping-Andersen G. (1990) *Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity.

Flick U. (2006) *An Introduction to Qualitative Research*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications.

Gullikstad B., Kristensen G., Ringrose P. (eds.) (2016) *Paid Migrant Domestic Labour in a Changing Europe: Questions of Gender Equality and Citizenship*. London: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-51742-5>

Hochschild A. (2000) Global Care Chains and Emotional Surplus Value. In: Hutton W., Giddens A. (eds.) *On The Edge: Living with Global Capitalism*. London: Jonathan Cape.

Hochschild A. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520930414>

Kallio K.P., Wood B.E., Häkli J. (2020) Lived Citizenship: Conceptualising an Emerging Field. *Citizenship Studies*. Vol. 24. No. 6. P. 713–729. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1739227>

Kozlova N. (2005) *Sovetskiye lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moscow: Yevropa. (In Russ.)

Kremer M. (2007) *How Welfare States Care. Culture, Gender and Parenting in Europe*. Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789053569757>

Lister R. (2007) Inclusive Citizenship: Realising the Potential. *Citizenship Studies*. Vol. 11. No. 1. P. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621020601099856>

Marshall T.H. (2011) Grazhdanstvo i sotsial'nyy klass [Citizenship and social class]. In: Kapustin B. *Grazhdanstvo i grazhdanskoye obshchestvo* [Citizenship and civil society]. Moscow: Izd. dom NIU VShE. P. 145–206. (In Russ.)

Muzhchiny i zhenshchiny v Rossii [Men and women in Russia] (2018) Statisticheskiy sbornik [Statistical collection]. Moscow: Rosstat. (In Russ.)

Myurberg I. (2010) T.H. Marshall i kontseptual'naya istoriya rezhimov grazhdanstva [T.H. Marshall and the conceptual history of citizenship regimes]. *Politiko-filosofskiy yezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. No. 3. Moscow: IF RAN. P. 82–95. (In Russ.)

Orloff A.S. (1993) Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States. *American Sociological Review*. Vol. 58. No. 3. P. 303–328. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095903>

Ovcharova L.N. (ed.) (2010) *Determinanty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i faktory semeynogo neblagopoluchiya: rezul'taty panel'nykh issledovaniy* [Determinants of reproductive behavior of the population and factors of family problems: results of panel studies]. No. 211. Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. (In Russ.)

Rzhanitsyna L. (2012) *Alimenty v Rossii: analiz problem i strategiya v interesakh detey* [Alimony in Russia: Problem Analysis and Children Support Strategy]. Moscow: IE RAN. (In Russ.)

Rzhanitsyna L. (2021) Sovershenstvovaniye sistemy polucheniya alimentov — put' snizheniya bednosti [Improving the Situation of Children in Divorced Families — A Way to Reduce Poverty in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 130–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013850-8>

Sinyavskaya O. (ed.) (2009) *Sem'ya v tsentre sotsial'no-demograficheskoy politiki* [The family is at the center of socio-demographic policy]. Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. (In Russ.)

Temkina A., Rotkirh A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11. P. 4–15. (In Russ.)

Tonkens E. (2012) Working with Arlie Hochschild: Connecting Feelings to Social Change. *Social Politics*. Vol. 19. No. 2. P. 194–218. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxs003>

Turner J., Stets J. (2005) *The Sociology of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511819612>

Zhenshchiny v ekonomike. Obzor mezhdunarodnoy i rossiyskoy povestki [Women in the economy. Overview of the international and Russian agenda] (2021) URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/65f53df7ef144f6f6b43ea8529869f52/101965562.pdf> (accessed 30.04.2021). (In Russ.)

Author bio:

Zhanna V. Chernova — Doctor of Sociology, Leading Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **RSCI Author ID:** 472822; **ORCID ID:** 0000-0003-3416-5287; **ResearcherID:** O-1945-2013.

Larisa L. Shpakovskaya — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** slarisalarisa@gmail.com. **RSCI Author ID:** 483603; **ORCID ID:** 0000-0002-4206-4702; **ResearcherID:** D-3403-2016.

Received: 11.07.2021

Accepted: 10.09.2021

«Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.2

Ссылка для цитирования:

Муравьева М. Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 44–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>

For citation:

Muravyeva M. G. (2021) 'My Family and I Are Absolutely against This Law': Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 44–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>

Муравьева Марианна Георгиевна

Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия

E-mail: marianna.muravyeva@helsinki.fi

В статье предлагается анализ законодательных инициатив по предотвращению супружеского и домашнего насилия в постсоветской России в связи с трансформацией концепции гендерного гражданства и дискуссией относительно «нового» частного. Особое внимание уделяется дискурсивным практикам обсуждения проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия», предложенного Советом Федерации к общественному обсуждению 29 ноября 2019 года, которое проходило онлайн с 29 ноября по 15 декабря 2019 года на сайте Совета Федерации и собрало 11 186 комментариев. На основе grounded theory, которая позволила выделить основные дискурсивные кластеры обсуждения, в статье артикулируется функционирование теорий культурного суверенитета и «нового частного» в современном российском публичном пространстве. В результате анализа самого обсуждения, а также нормативно-правовых документов РФ, регулирующих насилие в отношении женщин, гендерную политику и права женщин, делается вывод о том, что в постсоветской России гендерное гражданство развивается в тесной связи с концепцией культурного суверенитета, позволяющей государству избирательно гарантировать права человека, объясняя отсутствие специализированного гендерно-чувствительного законодательства охраной и защитой семьи как традиционной ценности.

Ключевые слова: гендерное гражданство; насилие в отношении женщин; домашнее насилие; культурный суверенитет; семейно-бытовое насилие; традиционные ценности

Введение

Осенью 2019 года самым обсуждаемым событием в российском публичном пространстве стала работа над законопроектом «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Хотя данный законопроект и не был первым подобного рода документом, находящимся на рассмотрении у законодателя, общественное обсуждение законопроекта оказалось беспрецедентно накаленным. Еще до появления в открытом доступе официальной версии, 15 октября 2019 года ИА REGNUM опубликовал открытое письмо президенту РФ В.В. Путину от лица 181 общественной организации, требующей не допустить внесения законопроекта в Госдуму¹. Ряд родительских и консервативных организаций организовал протесты и пикеты против законопроекта в октябре-ноябре 2019 года². Представленная в печати версия вызвала еще более агрессивную волну критики не только со стороны противников законопроекта, но и тех, кто его поддерживал и продвигал³. Общественное обсуждение законопроекта и проблемы домашнего, или «семейно-бытового», насилия выявило фундаментальные изменения в подходах к концепции гендерного гражданства, правам человека и демаркации частного/публичного в постсоветской России.

В данной статье предлагается анализ законодательных попыток и инициатив по предотвращению супружеского и домашнего насилия в постсоветской России в связи с трансформацией концепции гендерного гражданства и формированием «нового» частного. Особое внимание уделяется дискурсивным практикам во время обсуждения проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия», предложенного Советом Федерации к общественному обсуждению 29 ноября 2019 года⁴. Обсуждение проекта проходило онлайн с 29 ноября по 15 декабря 2019 года на сайте Совета

¹ Открытое письмо президенту России В.В. Путину «Мы против принятия Закона о семейно-бытовом насилии!» // ИА REGNUM. 15.10.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2748248.html> (дата обращения: 06.05.2021).

² В Москве пройдет митинг против закона о домашнем насилии // Интерфакс. 20.11.2019. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/684836> (дата обращения: 06.05.2021).

³ Горин В. Финальная версия законопроекта о домашнем насилии стала неожиданностью для его соавторов. Они назвали документ «реверансом в сторону фундаменталистов» // Meduza (иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента, и (или) российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента). 30.11.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/30/opublikovannyi-sovetom-federatsii-zakonoproekt-o-domashnem-nasilii-stal-neozhidannostyu-dlya-ego-soavtorov-oni-nazvali-dokument-reveransom-v-storonu-fundamentalistov> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ Проект Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» от 29.11.2019. Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAXolgmPXEFkLUlq7JAARUS.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

Федерации¹. Всего было оставлено 11 186 комментариев. Все комментарии были загружены в мастер-файл MS Word и закодированы с использованием системы макросов, затем конвертированы в файл MS Excel [Meyer, Avery, 2009]². Основным методом анализа стала grounded theory, которая позволила выделить основные дискурсивные кластеры обсуждения, ставшие основой для использования теорий культурного суверенитета и «нового частного», о которых речь пойдет ниже. Настоящий анализ в совокупности с анализом нормативно-правовых документов РФ, регулирующих насилие в отношении женщин, гендерную политику и права женщин, позволил сделать вывод о том, что в постсоветской России гендерное гражданство развивается в тесной связи с концепцией культурного суверенитета, позволяющей государству избирательно гарантировать права человека, объясняя отсутствие специализированного гендерно-чувствительного законодательства охраной и защитой семьи как традиционной ценности.

Теоретические подходы к гендерному гражданству: права женщин между старым публичным и новым частным

Одной из фундаментальных трансформаций в постсоветской России стало преобразование гендерного порядка. Изменилась система гендерных контрактов, соотношение полоролевых сценариев и гендерная социализация [Российский гендерный порядок..., 2007]. Однако в рамках постсоветской системы гендерных контрактов права женщин так и не получили специального закрепления (отдельного контракта) в законодательстве новой России, которое остается гендерно-слепым и по сей день [Muravyeva, Noage, 2020], хотя идеология прав человека и была провозглашена основной ценностью Конституции 1993 года (ст. 2), а права женщин закреплены как равные мужским (ст. 19.3). Наличие специального гендерно-чувствительного законодательства и гендерной повестки дня в органах законодательной и исполнительной власти тесно связано с формами и моделями гендерного гражданства.

В российском политическом и правовом контексте обсуждение концепции гражданства ведется вокруг «устойчивой связи» между человеком и государством, выражающейся в «совокупности их взаимных прав и обязанностей» (Федеральный закон № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ст. 3)³. В англоязычной же литературе делается упор на принадлежность к сообществу или группе, что и порождает права и обязанности индивида

¹ URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 06.05.2021).

² В кодировании принимали участие члены проектной группы «Женщины и гендер в публичном управлении» НИУ ВШЭ Москва под руководством Валерии Уткиной: Валерия Уткина, Мария Давиденко и Алина Ефимова. Сайт проектной группы: <https://social.hse.ru/pg/news/keywords/460911946/> (дата обращения: 06.05.2021).

³ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 06.05.2021).

как члена данного сообщества [Turner, 1993; Здравомыслова, Темкина, 2007; Бороздина, 2015]. Статичность российского определения «устойчивой связи» демонстрирует модель гражданства, в которой ожидается обмен правами и обязанностями: государство гарантирует права, порождающие обязательства по выполнению данных прав и иных предписаний государства. Динамичная модель участия и принадлежности, присущая современным теориям демократического гражданства, предполагает постоянное изменение прав и статусов, направленное на достижение фактического равенства [Siim, 2000]. Обе модели предполагают наличие эксплицитного закрепления прав всех граждан в законодательстве.

Для женщин, однако, включенность в категорию граждан исторически является проблематичной. Феминистский анализ гендерного гражданства последних сорока лет продемонстрировал, что женщины чаще всего оказываются исключенными из предполагаемых универсальных концепций гражданства. В середине 1980-х годов Кэрол Пейтман одной из первых предоставила критический анализ демократических моделей гражданства, показав, что женщины считаются гражданками исключительно благодаря своему материнскому статусу [Pateman, 1985]. В своих более поздних работах Пейтман объяснила такую избирательность прямой зависимостью от разделения на частную и публичную сферу в современных ей демократических обществах [Pateman, 1988]. Так как государство оперирует в публичной сфере, идентифицируемой как мужской, а само по себе определение гражданства формулируется именно в этой сфере, то оно, таким образом, отражает, скорее, потребности мужчин, нежели женщин. Женщины могут быть включены в концепции гражданства только тогда, когда их «гражданский» долг, определяемый через материнство, является выполненным [Pateman, 1992].

В развитие критической дискуссии Сильвия Уолби в середине 1990-х годов показала, как популярные политические теории гражданства, сформулированные Т. Маршаллом, М. Манном и Б. Турнером, исключают женщин как категорию из понятия гражданства благодаря проводимой ими дифференциации между индивидом, оперирующим в публичной сфере, и индивидом, живущим частной жизнью. В классической либеральной политической философии нового времени частная жизнь понимается как автономная от государства и поэтому свободная от регулирования с его стороны [Walby, 1994]. Так как частная жизнь идентифицируется с семьей, то и последняя оказывается вне пределов государственного регулирования. Для Пейтман, Уолби и других феминисток решением проблемы доступа женщин к полноценному гражданству является пересмотр положения женщины в семье через реконцептуализацию социального гражданства и «выведение» женщины в публичную сферу с признанием ее домашнего труда равного другим видам экономической деятельности [Walby, 1994: 391–392].

Феминистская критика классических теорий гражданства и ее структурирование в рамках дихотомии частного и публичного в 1980-е и 1990-е годы исключительно важна для понимания развития постсоветских практик и теорий гендерного гражданства [Кондаков, 2014]. Как отмечали в начале 2000-х

годов Е. Здравомыслова и А. Темкина, постсоветское гендерное гражданство имеет ряд особенностей, мало совместимых с западными моделями по причине отсутствия в советское время идеологии невмешательства в частную жизнь со стороны государства и активного присутствия женщин на рынке труда. Их анализ показывает, что сформировались «неотрадиционные» практики постсоветского гендерного порядка, в котором происходит активное формирование автономной частной сферы и «приватизация» материнства и работы [Здравомыслова, Темкина, 2007].

Выделение частной сферы и ее жесткое противопоставление публичной сфере особенно заметны в формировании идеологии защиты частной жизни от вмешательства государства, тесно связанной с идеологией «традиционных ценностей», ставшей доминирующим дискурсом российских властей и политической элиты в последние десять лет [Муравьева, 2014; Chapnin, 2020]. Лозунг «защиты частной жизни» является основным лозунгом родительских организаций, борющихся за «традиционную семью», понимаемую как автономную от государства и защищенную от вмешательства государственной политики [Höjdestrand, 2017]. Их деятельность имеет два четких направления: 1) борьба против так называемой ювенальной юстиции; 2) борьба против специализированного гендерно-чувствительного законодательства, особенно законодательства о предотвращении насилия в семье. При обсуждении проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия» осенью 2019 года стало совершенно очевидно, что концепция гендерного гражданства обрела свое классическое звучание, то есть оказалась структурированной в рамках жесткого разделения на частное и публичное, в котором частное, идентифицируемое с семьей, материнством и детством, позиционируется как нуждающееся в защите от вмешательства государства, иначе произойдет разрушение семьи [Маркова, 2019].

Локализация международных норм по защите от насилия в семье, традиционные ценности и культурный суверенитет в действии

Законопроект о «Профилактике семейно-бытового насилия» предложил ряд правовых новелл, в самом названии используя традиционное для российской криминологии определение насилия в семье, а не более распространенное в литературе выражение «домашнее насилие» [Muravyeva, 2014]¹. Наиболее спорными и обсуждаемыми стали само определение семейно-бытового насилия и введение защитных предписаний. В поддержку законопроекта выступили женские общественные организации: критикуя определение, данное в ст. 1 законопроекта, они, однако, настаивали на необходимости принятия данного закона как защищающего права женщин и создающего более эффективную

¹ Муравьева М., Новокунская А. Закон о домашнем насилии – да или нет? // YouTube-канал «Европейский университет в Санкт-Петербурге». 13.05.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=m-ylrW7aFfA&list=PL4bzSxktNNjggptLS9QAntZpsPJQTV_9c&index=3&t=585s (дата обращения: 06.05.2021).

систему защиты от домашнего насилия¹. Консервативные организации, выступая против законопроекта и самой его необходимости, мобилизовали дискурс об угрозе семье и семейным ценностям, заклеив законпроект как результат бездумного импорта иностранных законов и происков феминисток и ЛГБТ-организаций². Согласно заключению на законопроект аналитического центра «Семейная политика.рф», представленного «негосударственными организациями, действующими в сфере защиты семьи, материнства, отцовства и детства, чтобы помочь российскому государству и обществу защищать, сохранять и укреплять институт семьи», в случае принятия закон окончательно разрушит семью, приведет к демографической катастрофе, потере суверенитета и гибели России [Правовой анализ..., 2019: 1].

Дискуссия, возникшая в процессе общественного обсуждения законопроекта, не является ни новой, ни оригинальной. В начале 2000-х годов Салли Мерри, исследовательница-антрополог права, обозначила данный процесс как локализацию международных правовых норм [Merry, 2003]. Данная локализация часто выливается в интенсивную дискуссию вокруг противопоставления «универсальных прав» «локальной культуре», составляющую суть концепции культурного суверенитета, или, другими словами, международные наднациональные инструменты защиты прав человека могут быть ограничены национальными суверенитетами в целях «правильной» интерпретации культурных нужд их граждан и культурных параметров, определяющих уклад в данной локальности, то есть традицией [Bayefsky, 1996; Hodžić, 2009].

Россия начала открыто эксплуатировать данную концепцию в конце 2000-х в процессе «консервативного поворота» [Ilyin, 2016; Великая, Овчарова, 2020]. Помимо официальной риторики защиты суверенитета, два важных события сигнализировали изменения в позиции РФ на международной арене. Первым событием было инициированное РФ в марте 2011 года в Совете по правам человека ООН обсуждение прав человека в свете защиты традиционных ценностей³, которое закончилось заключением специально созданного консультативного комитета о том, что традиционными ценностями являются свобода, достоинство и ответственность, и именно они служат основой для защиты прав человека⁴. В частности, в п. 9 со ссылкой на Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, разъяснялось:

¹ Каким быть российскому закону о профилактике домашнего насилия? // Голос Америки (иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента, и (или) российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента). 20.01.2020. URL: <https://www.golosameriki.com/a/russia-domestic-violence-law/5252595.html> (дата обращения: 06.05.2021).

² Гальперин А. Кто и почему выступает против закона о домашнем насилии // РИА Новости. 08.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191208/1562071651.html> (дата обращения: 06.05.2021).

³ ООН. Совет по правам человека. Шестнадцатая сессия. Пункт 3 повестки дня. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. A/HRC/RES/16/3. 08.04.2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G11/124/94/PDF/G1112494.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ ООН. Совет по правам человека. Двадцать вторая сессия Пункты 3 и 5 повестки дня. Исследование Консультативного комитета Совета по правам человека, посвященное вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества. A/HRC/22/71. 06.12.2012. URL: https://www.ohchr.org/documents/HRCouncil/AdvisoryCom/Session10/A.HRC.22.71_ru.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

«Согласно Специальному докладчику по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, основные ценности, защищаемые и поощряемые правами человека, в том числе достоинство, равенство и само понятие прав, были сформулированы в многочисленных литературных произведениях, в религии и культурной практике народов всего мира и получили формальное закрепление в международном праве в результате принятия консенсусных решений представителями государств — членов Организации Объединенных Наций в ходе многосторонних переговоров и благодаря пропагандистской деятельности групп гражданского общества»¹.

Вторым событием в том же 2011 году стал отказ РФ подписать конвенцию Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье или, сокращенно, Стамбульскую конвенцию², на основании несовместимости текста Конвенции и ее терминологии, то есть понятия гендер, с российскими правовыми документами. Надо отметить, что Стамбульская конвенция является камнем преткновения между Советом Европы и РФ по сей день. В 2018 году по результатам универсального обзора по правам человека в РФ, инициированного Советом по правам человека ООН, подписание и ратификация Стамбульской конвенции очередной раз оказались в рекомендациях для борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием³. В ответ РФ заявила, что «в стране имеются все необходимые юридические нормы административного и уголовного права для защиты женщин от насилия в семье, и их эффективность подтверждается правоприменительной практикой»⁴.

Такая позиция РФ может быть охарактеризована как «консервативная интерпретация права» (conservative jurisprudence, [Muravyeva, 2017]). Она необходима для эффективного функционирования концепции культурного суверенитета, так как ее целью является наиболее лояльное соблюдение правовой традиции интерпретации нормативно-правового документа. Когда речь идет о локализации международных правовых концепций, особенно понимаемых как «новых», как в случае с концепцией прав человека и, тем более, прав женщин, консервативная интерпретация права позволяет легитимировать ограничение прав и свобод ради соблюдения традиции [Muravyeva, 2017]. Эксплицитно данную позицию выразил Конституционный

¹ Там же. С. 4.

² Совет Европы. Конвенция № 210 по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье. Стамбул, 11.05.2011. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687?module=treaty-detail&treatynum=210> (дата обращения: 06.05.2021).

³ ООН. Совет по правам человека Тридцать девятая сессия 10–28 сентября 2018 года. Пункт 6 повестки дня. Универсальный периодический обзор. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору. Российская Федерация. 12.06.2018. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/212/11/PDF/G1821211.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ ООН. Совет по правам человека. Универсальный периодический обзор. Позиция по рекомендациям, высказанным в адрес Российской Федерации иностранными делегациями в ходе 3 цикла Универсального периодического обзора. A_HRC_39_13_Add.1. 14.05.2018. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/UPR/Pages/RUindex.aspx> (дата обращения: 06.05.2021).

суд в своем нашумевшем постановлении № 21-П от 14 июля 2015 года о проверке конституционности ратификации Европейской конвенции по правам человека в отношении исполнения решений Европейского суда по правам человека:

«[...] если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции»¹.

Таким образом, любые положения Конвенции, эксплицитно в ней не закрепленные — например, права женщин или представителей ЛГБТ-сообщества, нарушение которых часто интерпретируется через ст. 3 (запрещение пыток в случаях насилия по гендерному признаку) и ст. 12 (право на вступление в брак в случае отказа во вступление в брак негетеросексуальным парам), не могут быть использованы в РФ, так как данный смысл не был заложен при ее изначальном принятии в 1950 г. Такой способ интерпретации также называется оригинализмом (originalism), наиболее известным представителем и ревностным адептом которого являлся судья Верховного Суда США Антонин Скалия (1936–2016) [Bibas, 2016]. Основываясь на данных позициях, российские власти на рекомендации международных организаций по изменению национального законодательства согласно обязательствам по ратификации международных договоров отвечают по принципу «у нас итак все необходимые правовые нормы/законы есть». Такой аргумент против принятия гендерно-чувствительного законодательства довольно часто применялся и применяется российским законодателем в постсоветское время. В частности, в 1997 году при обсуждении в Государственной думе законопроекта «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье»², внесенного Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи, было сделано заключение о том, «что в Уголовном кодексе уже существует 50 уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность не только за тяжкие преступления, но и такие, как побои, истязания, угрозы

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 06.05.2021). §3.

² Законопроект № 97700685-2 от 11.03.1997 «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2> (дата обращения: 06.05.2021).

убийства и так далее. 12 статей в Семейном кодексе. [...] никакими новыми законами мы не избавим человека от насилия»¹.

В свете такого подхода неудивительно, что центральным аргументом против принятия законопроекта о семейно-бытовом насилии стало утверждение о наличии в РФ необходимого законодательства по защите от насилия в семье и сетования по поводу неэффективной работы полиции. Довольно распространена критика авторов законопроекта в бездумном переписывании международных документов, а именно Стамбульской конвенции. Участники общественного обсуждения часто используют Стамбульскую конвенцию как пример вторжения в российский культурный суверенитет, предполагая, что законопроект является слепком с конвенции. Противопоставление «мы — Запад» характерно для комментариев, требующих снять с рассмотрения законопроект²:

«Закон о семейно-бытовом насилии — “слово в слово” списано со Стамбульской конвенции, мы живем в традиционном обществе и не хотим такого равноправия как в Европе и в США, мы категорически против данного закона. Мы за крепкую и большую семью!» (В.Е., жен., 11.12.2019).

Интересно, что большинство поминающих Стамбульскую конвенцию черпают сведения о ней либо из других комментариев, либо с сайтов консервативных организаций. В одном из комментариев участница обсуждения признается, что прочитала конвенцию, следуя утверждениям о том, что она является основой закона, и «пришла в ужас»:

«Да, основой этого законопроекта является Стамбульская конвенция. Я внимательно ее прочитала, ужаснулась. Это они еще побоялись внести в эту редакцию статьи, например, № 14 “Образование” — требование “включения педагогического материала по таким вопросам, как равенство между мужчиной и женщиной, НЕСТЕРЕОТИПНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ, взаимное уважение”, или гл. 3, статья 12 — “Стороны принимают все необходимые меры по ВНЕДРЕНИЮ ИЗМЕНЕНИЙ в социальных и культурных моделях поведения женщин и мужчин с целью искоренения предрассудков обычаев, традиций... которые основаны на идее стереотипных представлениях о роли женщины и мужчины”, или статья 4 — “принятие мер по защите жертв должно быть обеспечено без дискриминации по признаку пола, расы... сексуальной ориентации, гендерной идентичности”. То есть пока что нам пытаются навязать первую часть Стамбульской конвенции — касающейся семьи. Если закон будет принят, следующим шагом будет эта часть, легализующая ЛГБТ» (Г.А., жен., 14.12.2019).

¹ Государственная Дума РФ. Стенограммы обсуждений. Заседание 109. 20.06.1997. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2> (дата обращения: 06.05.2021).

² Все цитаты приводятся так, как они опубликованы на сайте обсуждения: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 06.05.2021). Хотя на сайте указаны персональные данные участников (ФИО), мы оставили только инициалы, пол и дату поста.

Надо отметить, что авторка комментария стратегически цитирует статьи Конвенции и делает неожиданные выводы из текста. Конвенция разделена не на части, но на главы (всего 12 глав и 81 статья). Ст. 4 «Основные права, равенство и недискриминация» закрепляет обычные для международных договоров принципы запрета дискриминации и фокусируется прежде всего на женщинах. При цитировании ст. 14 авторка опустила фразу «когда это целесообразно». Таким образом, несмотря на прочтение документа, участники дискуссии все равно, скорее, выбирают из него те положения, которые подтверждают их страхи, нежели читают документ как целое. Таков и принцип критики законопроекта: выбираются те положения, за которые «зацепились глазом», что создает фрагментарное представление о законе.

Более того, процитированные в комментарии нормы следуют Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и резолюциям Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (№ 19 и 35); однако ни один из этих документов не удостоился внимания участников, хотя и присутствует обсуждение Конвенции о правах ребенка и Европейской конвенции о защите прав и свобод (ЕКПЧ). Благодаря активной кампании консервативных организаций (например, РВС¹) и разного рода экспертизам от них (например, [Правовой анализ..., 2019]) именно Стамбульская конвенция превратилась в угрозу культурному суверенитету и традиционным ценностям, и все потому, что принцип защиты от насилия формулируется в гендерной терминологии:

«Законопроект акцентируется на “семейно-бытовом насилии” исключительно по причине существования НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ рекомендаций, которыми по сути является не подписанная Россией “Стамбульская конвенция”, которая продвигает помимо борьбы с насилием против женщин ряд других представлений, которые как минимум неоднозначно воспринимаются в обществе: самый яркий пример, т.н. “гендерная идеология”» (Б.А., муж., 02.12.2019).

Требование отказаться от принятия новых законов также тесно связано с утверждением, что российское право содержит все необходимые нормы для эффективной борьбы с насилием:

«В действующем законодательстве Российской Федерации есть более 40 статей, которые дифференцированно (по степени причинения вреда здоровью) защищают всех жертв насилия. Законы предусматривают профилактику насильственных преступлений и запрет на совершение определенных действий со стороны виновного в насилии. Российское право не выделяет семейно-бытовое насилие в отдельную группу, поскольку 80% насильственных преступлений совершаются вне семьи, посторонними для жертвы лицами» (Т.Я., жен., 14.12.2019).

¹ URL: <https://rvs.su/> (дата обращения: 06.05.2021).

«Жертв насилия сейчас защищает около 40 статей УК РФ, и около 5 КоАП. Не надо изобретать велосипед, надо исполнять законодательство» (З.И., муж., 30.11.2019).

В свою очередь, плохая работа полиции и ностальгия по традиционным способам борьбы с семейно-бытовым насилием обнажают глубоко укоренившиеся представления о причинах насилия в семье:

«Я против законопроекта. В РФ есть Уголовный Кодекс, давайте соблюдать действующее законодательство! Необходимо, чтобы ответственные лица нашей полиции выполняли свои функции при обращении граждан. Лучше бы занялись вопросом как вернуть принудительное лечение алкоголизма и наркомании, чтобы оно было доступно всем слоям общества» (Б.Е., жен., 02.12.2019).

«Нужно имеющееся законодательство выполнять, а не придумывать бредовые, антиконституционные законы (а точнее, копировать западные)! Ввести ответственность для участковых на местах за игнорирование обращений от жертв насилия, любого насилия, а не только семейного» (П.Е., жен., 02.12.2019).

Сопrotивление принятию нового закона, как очевидно из приведенных комментариев и анализа дискуссии, тесно связано с необходимостью защиты собственной локальной идентичности, что является довольно важным процессом в постсоветской России. Как только изымается референция к Другому (Стамбульской конвенции в нашем случае), дискуссия становится прагматичной, понятной и знакомой: семейно-бытовое насилие есть результат алкоголизма, наркомании и общей криминогенной обстановки, плохой работы органов внутренних дел, проблем правоприменения. Без гендера, прав женщин, гендерной идеологии само по себе обсуждение сводится, собственно, к критике текста законопроекта, особенно определения семейно-бытового насилия и защитных предписаний, которые, по иронии, фреймируются внутри дискурса о правах человека.

Разрушение семьи или защита прав женщин: нарративы гендерного гражданства в публичном обсуждении законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия

Как было указано выше, наиболее бурную критику и дискуссию вызвали два сюжета в законопроекте: определение семейно-бытового насилия в ст. 2 и правовая новелла по введению защитных предписаний в ст. 24–25. В рамки данной статьи не входит обсуждение определения семейно-бытового насилия, предложенного в законопроекте, или правовой анализ необходимости защитных предписаний. Стоит лишь отметить, что определение в ст. 2 не только не содержалось в оригинальном законопроекте, разработанном экспертами,

и явилось неожиданностью для них¹, но и вызвало бурную критику со всех сторон, особенно со стороны юристов [Дюбан и др., 2020: 28–29]. Главной проблемой стало определение семейно-бытового насилия как умышленного деяния, причиняющего или содержащего угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, *не содержащего признаки административного правонарушения или уголовного преступления* (выделено мной. — М. М.) (Проект Федерального Закона, ст. 2). Данное определение отличается от принятого в отечественной криминологии определения семейно-бытового насилия, которое, наоборот, включает в данное понятие все насильственные действия, предусмотренные отечественным уголовным и административным правом, а также экономическое и психологическое насилие, осуществляемое членами семьи и ведущими совместное хозяйство в отношении друг друга (см. из последних [Сердюк, 2015]; см. обзор в [Muravyeva, 2014]). Оно также противоречит принципу криминализации любого насилия, особенно наносящего вред, на что участники общественного обсуждения сразу же обратили внимание:

«Если “семейно-бытовое насилие — деяние не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления” — тогда это что-то новое. От противоправных деяний вполне успешно защищают Уголовный и Административный Кодексы. От чего хотят защитить семью? Такое впечатление, что от нормальных традиционных человеческих отношений [...] Определения содержащиеся в законопроекте настолько двусмысленны и расплывчаты, что создается законодательная основа для легкого и безосновательного вмешательства государства и НКО в личную жизнь любого человека» (К.А., муж., 29.11.2019).

«Определение семейно-бытового насилия сформулировано очень широко; это понятие ограничено только умышленным характером деяния и тем, что оно не относится к административному правонарушению и преступлению [...] Отсюда возникает вопрос: какое насилие в контексте семейных отношений, не наказуемое по названным кодексам, имеется в виду? Не подпадает ли под рассматриваемую формулировку в большинстве случаев «насилие», неизбежное в супружеских отношениях (например, ссоры, психологически негативно влияющие на всех членов семьи, включая детей), или физические и психологические меры, необходимые для воспитания ребенка, чтобы он знал, что такое чувство стыда, что является хорошим, а что — дурным и т.п., или, наконец, применение силы к члену семьи, если его необходимо срочно спасти либо просто нужно спешить» (К.Н., муж., 15.12.2019).

¹ Горин В. Финальная версия законопроекта о домашнем насилии стала неожиданностью для его соавторов. Они назвали документ «реверансом в сторону фундаменталистов» // Meduza (иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента, и (или) российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента). 30.11.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/30/opublikovannyi-sovetom-federatsii-zakonoproekt-o-domashnem-nasilii-stal-neozhidannostyu-dlya-ego-soavtorov-oni-nazvali-dokument-reveransom-v-storonu-fundamentalistov> (дата обращения: 06.05.2021).

Приведенные выше комментарии довольно хорошо отражают основные опасения участников дискуссии, особенно мужчин, так как абсолютное большинство околоюридических размышлений в обсуждении принадлежит мужчинам. Все опасаются того, что «размытость» определения даст властям возможность вмешательства в то, что людям видится как «нормальные» семейные отношения, что, в свою очередь, воспринимается как ограничение их прав. Дискурс прав человека является центральным в данном обсуждении. И женщины, и мужчины ссылаются на Конституцию РФ и другие нормативно-правовые документы (Семейный кодекс, Гражданский кодекс, конвенции ООН, ЕКПЧ) как гарантирующие их права, противопоставляя им законопроект как документ, ведущий к ограничению прав и вмешательству в частную жизнь, идентифицируемую с семейной жизнью.

Тем не менее оказалась заметной разность дискурсов мужчин и женщин относительно прав. Мужчины в целом сосредоточились на абстрактных категориях с отсылкой к юридическим принципам:

«Предлагаемый законопроект противоречит принципам разумности, справедливости, адекватности, равенства и правовой определенности; нарушает Конституцию Российской Федерации и права граждан, которые она гарантирует; нарушает права граждан, гарантированные действующими законами; создает условия для проявления коррупции...» (К.С., муж., 15.12.2019).

Женщины сфокусировались на более детальном перечислении того, что в их понимании является нарушением прав:

«Я категорически против закона о семейном насилии. Во-первых, он нарушает права человека. Презумпцию невиновности и право на невмешательство третьих лиц в семейную жизнь. Считаю вмешательство НКО в семейную жизнь категорически недопустимым...» (К.М., жен., 14.12.2019).

Наиболее озабоченными нарушением прав оказались, однако, мужчины, особенно в связи с положением о защитном предписании. Ст. 24 и 25 предполагают использование защитного предписания для изъятия насильника с места совместного проживания с жертвой для охраны переживших насилие. Сам по себе охранный ордер (защитное предписание) является стандартным методом обеспечения безопасности членов семьи от насильника в процессе досудебного и судебного разбирательства, предусмотренным международными инструментами [Dowling et al., 2018]. Введение защитного предписания предполагалось еще в законодательных инициативах 1990-х годов, в частности в проекте ФЗ «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» 1997 года, упомянутом выше [Сидоренкова, Либоракина, 1998]. Однако в дискуссии защитное предписание выступает не только как инородный и чуждый трансплантат из Стамбульской конвенции, но и как инструмент нарушения права собственности мужчины:

«Я внимательно ознакомился с текстом закона, и категорически против данного законопроекта! Закон нарушает конституционные права и свободы прежде всего мужчин, а права и свободы “обижаемых” вполне защищает действующий уголовный кодекс РФ. Если без суда и следствия выбрасывать мужчину из его жилья по ложному заявлению — будет мятеж, причем кровавый» (М.Е., муж., 15.12.2019).

Рефрен «махинаций с жильем» в связи с защитным предписанием является довольно настойчивым. Основные опасения вызвала ст. 24, по которой защитное предписание выдается должностным лицом органов внутренних дел по заявлению пострадавших от семейно-бытового насилия:

«Этот законопроект содержит совершенно неприемлемые нормы, в частности: [...] 7) возможность любым заинтересованным лицам удалить навсегда любого владельца жилья из приглянувшейся квартиры или дома, соблазнить его жену/мужа и сожительствовать с ним припеваючи...» (Е.В., муж., 01.12.2019).

Как мужчины, так и женщины сразу определили женщин как потенциальных «аферисток» и «хищниц» до жилья:

«ЗАКОН НАРУШАЕТ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННОЕ ИМУЩЕСТВО. ДЕВУШКА ЖИВЕТ У ПАРНЯ, СКАЗАЛА, ЧТО ОН ЕЙ ДЕНЕГ НЕ ДАЛ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, ПАРНЯ ВЫСЕЛЯЮТ ИЗ ЕГО КВАРТИРЫ, ВЫДАЮТ ОХРАННЫЙ ОРДЕН, А ДЕВУШКА ЖИВЕТ ТАМ СКОЛЬКО ХОЧЕТ»¹ (Х.Я., жен., 01.12.2019).

«Закон открывает прекрасные перспективы для мошенниц всех мастей. Находим молодого человека с квартирой, затем получаем статус совместно проживающей, а затем статус страдающей и угнетаемой. Вуаля, тирана отселили жить к маме, и попробуйте теперь выселить жертву из Вашей квартиры. Вы хоть понимаете на какой поток будет поставлен этот бизнес в крупных городах?» (Б.В., муж., 29.11.2019).

Дискурс права собственности и опасения о его несоблюдении в связи с возможностью выселения по выданному полицией защитному предписанию тесно связан с дискурсом «нового частного», то есть с невмешательством в частную жизнь, понимаемую как невмешательство в дела семьи. Так как физическим пространством нахождения семьи является жилье, то «квартирный вопрос», еще с советских времен являющийся большой темой для российского общества, приобретает новое звучание. Абсолютное право собственности на жилье определяет демаркационную линию вмешательства государства в дела семьи: оно должно остаться за порогом квартиры.

¹ Так на сайте. — М. М.

Суверенитет семьи превращается в центральный и наиболее повторяемый аргумент против законопроекта. Разрушение семьи ведет к разрушению суверенитета страны:

«Суверенитет личности и семьи это неотъемлемое условие для суверенитета государства! Данный закон направлен на разрушение личности, разрушение семьи, на фрагментацию общества и на разрушение государства» (М.В., муж., 13.12.2019).

Оказываясь, как видится участникам дискуссии, в ситуации выбора между нужными правовыми мерами (защитой пострадавших от домашнего насилия) и суверенитетом семьи, участники выбирают суверенитет как необходимый инструмент гарантии прав:

«К сожалению, под видом самым благонамеренным у нас проводятся законы, подрывающие основы нашей жизни — личной и государственной. Под прицел манипуляций ставится семья, которая утрачивает свой суверенитет. Если даже есть что-то положительное (а оно, конечно, есть в желании законодательно оградить жертв домашнего террора), то те риски, которые открываются с принятием этого закона, — превосходят положительные моменты (и так поддерживаемые другими законодательными установлениями), по губительным следствиям для самого института семьи. Этого нельзя допустить. Считаю, что принятие этого закона подобно троянскому коню, из-за которого пала Троя. Я против его принятия» (Р.З., жен., 11.12.2019).

Действительно, «троянским конем» выступает здесь «частное» и неприкосновенность частной жизни. В процессе дискуссии очевиден пересмотр «частного» и значений, которые несет «частная жизнь» как «семейная жизнь». Идентификация частного с семьей и домом имеет важное значение для постсоветского субъекта, особенно для женщин [Усманова, 2009]. Дж. Уитман в свое время продемонстрировал разницу между европейским и американским подходом к «частному» [Whitman, 2004]. С его точки зрения, суть европейского понимания частного, частного связана с понятием достоинства и его уважения, с понятием репутации и важности самоопределения, в то время как американский подход более ориентирован на свободу, особенно свободу от государства. В европейской интерпретации частное ассоциируется с защитой частной жизни, которая может включать право на создание семьи, тогда как в американской интерпретации частное локализуется в семье и пространстве размещения семьи, обретая физические границы защиты частного [Whitman, 2004: 1160–1171]. В уитмановской интерпретации, участники общественного обсуждения придерживаются американского подхода к частному, так как постоянно предупреждают об опасности вмешательства в дела семьи с целью контроля над оной. В критику законопроекта часто входит утверждение, что закон будет использоваться государством для контроля над семьей:

«У России есть шанс остаться оплотом традиционной нравственности и хранительницей исконных семейных ценностей в цивилизованном мире. Если она отразит духовный натиск противников семьи как института. Не смотря на все старания подорвать авторитет родительства и семейного воспитания в нашей стране иностранными “благодетелям”, в России все равно большинство семей полноценные и благополучные. И они НЕ НУЖДАЮТСЯ в гос контроле и вторжении в свою частную жизнь» (Б.А., жен., 11.12.2019).

В результате участники дискуссии интерпретируют суверенитет как защиту от контроля третьих лиц и выделяют свое частное как сферу, где происходит саморегулирование без вмешательства публичных институтов, — характеристика, присущая либерализму. Таким образом, традиционные ценности выступают как ценности, гарантирующие либеральные практики саморегулирования и отсутствия контроля, четкое разделение на частное и публичное, автономию частного.

Заключение: новое частное и гендерное гражданство

Общественное обсуждение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» выявило ряд важных элементов, свидетельствующих о практиках локализации международных инструментов посредством теории культурного суверенитета и партиципаторной модели гендерного гражданства. Именно через участие в дискуссии граждане и гражданки реализовали свою «устойчивую связь с государством», артикулировав свои права и обязанности государства по их гарантии и защите. Основным требованием, однако, выступил тезис о гарантии «невмешательства в дела семьи» и защите семьи от такого вмешательства со стороны третьих лиц: мошенниц, похищающих жилье, НКО, и самого государства с его профилактикой и защитными предписаниями. Дискурс «невмешательства» фреймировался в рамках концепции прав и свобод, где последние выступают важным символом, характерным для постсоветских дискуссий. Противники законопроекта увидели в нем покушение на свободу, очередную попытку государства контролировать их частную жизнь, понимаемую как семейную жизнь.

В рамках концепции культурного суверенитета как женщины, так и мужчины, демаркировали границу, которую государство, с их точки зрения, обязано соблюдать и не нарушать: мы назвали данную локализацию «новым частным», подчеркивая, что предлагаемая интерпретация «частной жизни» в виде «семейной жизни» и защиты от вмешательства в оную, а также использование дискурса «традиционных ценностей» для ее обоснования, свидетельствует не просто об успешной локализации международных практик, но и принадлежности консервативного дискурса к классическим западным концепциям разделения на частную и публичную сферы. «Новое частное» в данной дискуссии приобрело физическую локализацию через рефрейминг

«квартирного вопроса», обсуждаемого в рамках абсолютного права частной собственности. В постсоветском контексте данной дискуссии владение жильем создает физическую границу неприкосновенности, барьер, который никто, прежде всего государство и его агенты, не может пересечь. Особенное раздражение и критику вызвали виды профилактики, которые позволяют общественным организациям оценивать жизнь семьи, то есть если вмешательство государства может восприниматься как необходимое зло, с которым трудно бороться, то вмешательство организаций, не наделенных официальным статусом, воспринимается просто как беспредел, так как дает возможность любому агенту выступать моральным оценщиком семейной жизни.

В процессе дискуссии были затронуты и другие важные для российского общества темы: «нормальные» семейные отношения, понимание семьи как института несвободы, право на использование дисциплины при воспитании детей, демографический упадок, и пр. Тем не менее все они проходили под лозунгами либеральных практик свободы от государства, иронично помещенных в дискурс заботы о его суверенитете.

Литература

Бороздина Е.А. Забота и социальное гражданство // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 84–93.

Великая Н.М., Овчарова О.Г. Консервативный поворот российского общества: гендерный акцент // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке / Под ред. Г.Г. Силласте. М.: НИИ экономики ЮФО, 2020. С. 34–43.

Дюбан Э., Давтян М., Фролова В. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации. Страсбург: Совет Европы, 2020. URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a05> (дата обращения: 06.05.2021).

Здравомыслова Е., Темкина А. Неотрадиционализм[ы] — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 201–212.

Кондаков А.А. Проклинаемая феминизм в зале суда: конструирование гендерного гражданства в процессе над «Pussy Riot» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. Т. 93. № 1. С. 156–175.

Маркова Я. Анализ официальной риторики противников принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Логико-философские штудии. 2019. Т. 17. № 3. С. 240–256. DOI: <https://doi.org/10.52119/lphs.2019.13.19.004>

Муравьева М.Г. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 625–638.

Правовой анализ проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». 2019. URL: <http://www.familypolicy.ru/rep/rf-19-051-01.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007.

Сердюк Л.В. Семейно-бытовое насилие. Криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2015.

Сидоренкова Т., Либоракина М.И. Правовые основы защиты от насилия в семье // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. Пятый международный симпозиум, 16–17 января 1998 г. М.: Дело, 1998. С. 332–340.

Усманова А. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах // Перекрестки. Журнал исследований Восточноевропейского пограничья. 2009. № 3–4. С. 88–105.

Bayefsky A.F. Cultural Sovereignty, Relativism, and International Human Rights: New Excuses for Old Strategies // Ratio Juris. 1996. Vol. 9. № 1. P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.1996.tb00225.x>

Bibas S. Justice Scalia's Originalism and Formalism: The Rule of Criminal Law as a Law of Rules // Public Law Research Paper. Philadelphia: University of Pennsylvania Law School, 2016. P. 16–32.

Chapnin S. The Rhetoric of Traditional Values in Contemporary Russia // Postsecular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States / Ed. by K. Stoeckl, D. Uzlaner. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2020. P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.15203/3187-99-3-11>

Dowling C. et al. Protection Orders for Domestic Violence: A Systematic Review // Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. 2018. № 551. P. 1–19.

Hodžić S. Unsettling Power: Domestic Violence, Gender Politics, and Struggles over Sovereignty in Ghana // Ethnos. 2009. Vol. 74. № 3. P. 331–360. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840903053113>

Höjdestrand T. Nationalism and Civicness in Contemporary Russia: Grassroots mobilization in Defense of Traditional Family Values // Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia / Ed. by K. Fábíán, E. Bekiesza-Korolczuk. Bloomington: Indiana University Press, 2017. P. 31–60. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt2005wgn.5>

Ilyin V. Anatomy of the Russian Conservative Turn // Globalization and New Socio-Political Trends / Ed. by F. Saccà. Roma: Eurilink, 2016. P. 103–124.

Merry S.E. Human Rights Law and the Demonization of Culture (and Anthropology along the Way) // PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. 2003. Vol. 26. № 1. P. 55–76. DOI: <https://doi.org/10.1525/pol.2003.26.1.55>

Meyer D.Z., Avery L.M. Excel as a Qualitative Data Analysis Tool // Field Methods. 2009. Vol. 21. № 1. P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822x08323985>

Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // Aspasia. 2014. Vol. 8. № 1. P. 90–124. DOI: <https://doi.org/10.3167/asp.2014.080106>

Muravyeva M. Conservative Jurisprudence and the Russian State // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. № 8. P. 1145–1152. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1377504>

Muravyeva M., Hoare J. Balanced Participation of Women and Men in Political and Public Decision Making in the Russian Federation: Report on European Best Practices. Strasbourg: Council of Europe, 2020.

Pateman C. Equality, Difference and Subordination: The Politics of Motherhood and Women's Citizenship // Beyond Equality and Difference. Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity / Ed. by G. Bock, S. James. London, N.Y.: Routledge, 1992. P. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203982266>

Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988.

Pateman C. Women and Democratic Citizenship. Berkeley: The Jefferson Memorial Lectures at the University of California, 1985.

Siiim B. Gender and Citizenship: Politics and Agency in France, Britain and Denmark. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139106672>

Turner B. Citizenship and Social Theory. London: Sage Publications, 1993.

Walby S. Is Citizenship Gendered? // Sociology. 1994. Vol. 28. № 2. P. 379–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038594028002002>

Whitman J.Q. The Two Western Cultures of Privacy: Dignity Versus Liberty // Yale Law Journal. 2004. Vol. 113. P. 1151–1221. DOI: <https://doi.org/10.2307/4135723>

Сведения об авторе:

Муравьева Марианна Георгиевна — кандидат исторических наук, профессор российского права и управления, Университет Хельсинки, Финляндия.
E-mail: marianna.muravyeva@helsinki.fi. **РИНЦ Author ID:** 149917; **ORCID ID:** 0000-0002-7880-0329; **ResearcherId:** F-1375-2015.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

.....

'My Family and I Are Absolutely against This Law': Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.2

Marianna G. Muravyeva

University of Helsinki, Helsinki, Finland

E-Mail: marianna.muravyeva@helsinki.fi.

The article examines how post-soviet legal initiatives on prevention of intimate partner and domestic violence relate to the concepts of gender citizenship and the “new private” which transformed gender order in the Russian Federation. To explore emerging concepts the article focuses on the discursive practices of the public debate on the draft law “On prevention of family-domestic violence,” which was released by the Federation Council for the online public discussion on 29 November 2019 and became the most debated draft law drawing 11,186 online entries as comments. Using grounded theory to identify main discursive clusters of the public debate, the article offers an analysis of how theories of cultural sovereignty and the “new private” which are articulated in contemporary Russian public space.

This analysis, supplemented by the examination of other legal and policy documents on prevention of violence against women, gender policy and human rights of women, resulted in conclusions that in post-soviet Russia the concept of gender citizenship has been developing in the close relationship with the concept of cultural sovereignty, which provides the State with legitimate ways to exercise a selective approach to the guarantees of human rights and reject gender-sensitive legislation on the grounds of protecting the family as a traditional value at the expense of human rights of women.

Keywords: gender citizenship; violence against women; domestic violence; cultural sovereignty; family-domestic violence; traditional values

References

Bayefsky A.F. (1996) Cultural Sovereignty, Relativism, and International Human Rights: New Excuses for Old Strategies. *Ratio Juris*. Vol. 9. No. 1. P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.1996.tb00225.x>

Bibas S. (2016) Justice Scalia's Originalism and Formalism: The Rule of Criminal Law as a Law of Rules. *Public Law Research Paper*. Philadelphia: University of Pennsylvania Law School. P. 16–32.

Borozdina E.A. (2015) Zabota i social'noe grazhdanstvo [Care and Social Citizenship]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10. P. 84–93. (In Russ.)

Chapnin S. (2020) The Rhetoric of Traditional Values in Contemporary Russia. In: Stoeckl K., Uzlaner D. (eds.) *Postsecular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States*. Innsbruck: Innsbruck University Press. P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.15203/3187-99-3-11>

Dowling C. et al. (2018) Protection Orders for Domestic Violence: A Systematic Review. *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice*. No. 551. P. 1–19.

Dyuban E., Davtyan M., Frolova V. (2020) *Issledovanie po voprosam predotvrashcheniya i bor'by s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem, v tom chisle v situatsiyah social'nogo neblagopoluchiya, v Rossijskoj Federacii* [Research on the prevention and combating of violence against women and domestic violence including in situations of social disadvantage in the Russian Federation]. Strasburg: Sovet Evropy. URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a05> (accessed 6 May 2021). (In Russ.)

Hodžić S. (2009) Unsettling Power: Domestic Violence, Gender Politics, and Struggles over Sovereignty in Ghana. *Ethnos*. Vol. 74. No. 3. P. 331–360. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840903053113>

Höjdestrand T. (2017) Nationalism and Civicness in Contemporary Russia: Grassroots mobilization in Defense of Traditional Family Values. In: Fábíán K., Bekiesza-Korolczuk E. (eds.) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Bloomington: Indiana University Press. P. 31–60. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt2005wgn.5>

Ilyin V. (2016) Anatomy of the Russian Conservative Turn. In: Saccà F. (ed.) *Globalization and New Socio-Political Trends*. Roma: Eurilink. P. 103–124.

Kondakov A.A. (2014) Proklinaya feminizm v zale suda: konstruirovaniye gendernogo grazhdanstva v processe nad "Pussy Riot" [Cursing Feminism in the Courtroom: Constructing Gender Citizenship in the "Pussy Riot" Trial]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An Inviolable Reserve. Debates about Politics and Culture]. Vol. 93. No. 1. P. 156–175. (In Russ.)

Markova Ya. (2019) Analiz oficial'noj ritoriki protivnikov prinyatiya zakonoproekta "O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossijskoj Federacii" [An Analysis of the Official Rhetoric against the Enactment of the Draft Bill "On Domestic Violence Prevention in the Russian Federation"]. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and Philosophical Studies]. Vol. 17. No. 3. P. 240–256. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52119/lphs.2019.13.19.004>

Merry S.E. (2003) Human Rights Law and the Demonization of Culture (and Anthropology along the Way). *PolLAR: Political and Legal Anthropology Review*. Vol. 26. No. 1. P. 55–76. DOI: <https://doi.org/10.1525/pol.2003.26.1.55>

Meyer D.Z., Avery L.M. (2009) Excel as a Qualitative Data Analysis Tool. *Field Methods*. Vol. 21. No. 1. P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822x08323985>

Muravyeva M. (2014) Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia. *Aspasia*. Vol. 8. No. 1. P. 90–124. DOI: <https://doi.org/10.3167/asp.2014.080106>

Muravyeva M. (2017) Conservative Jurisprudence and the Russian State. *Europe-Asia Studies*. Vol. 69. No. 8. P. 1145–1152. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1377504>

Muravyeva M., Hoare J. (2020) *Balanced Participation of Women and Men in Political and Public Decision Making in the Russian Federation: Report on European Best Practices*. Strasbourg: Council of Europe.

Muravyeva M.G. (2014) Traditsionnye tsennosti i sovremennye sem'i: pravovye podhody k traditsii i modernu v sovremennoj Rossii [Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 4. P. 625–638. (In Russ.)

Pateman C. (1985) *Women and Democratic Citizenship*. Berkeley: The Jefferson Memorial Lectures at the University of California.

Pateman C. (1988) *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press.

Pateman C. (1992) Equality, Difference and Subordination: The Politics of Motherhood and Women's Citizenship. In: Bock G., James S. (eds.) *Beyond Equality and Difference. Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity*. London, N.Y.: Routledge. P. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203982266>

Pravovoj analiz proekta Federal'nogo zakona "O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossijskoj Federacii" [Law Analysis of the Draft Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation"] (2019) URL: <http://www.familypolicy.ru/rep/rf-19-051-01.pdf> (accessed 6 May 2021). (In Russ.)

Serdyuk L.V. (2015) *Semejno-bytovoe nasilie. Kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj analiz* [Family and Domestic Violence. Criminological and Criminal Law Analysis]. Moscow: Yurлитinform. (In Russ.)

Sidorenkova T., Liborakina M.I. (1998) Pravovye osnovy zashchity ot nasiliya v sem'e [Legal bases of protection from domestic violence]. *Kuda idet Rossiya? Transformaciya social'noj sfery i social'naya politika. Pyatij mezhdunarodnyj simpozium, 16–17 yanvarya 1998 g.* [Where is Russia going? Transformation of the social sphere and social policy. The Fifth International Symposium, January 16-17, 1998]. Moscow: Delo. P. 332–340. (In Russ.)

Siim B. (2000) *Gender and Citizenship: Politics and Agency in France, Britain and Denmark*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139106672>

Turner B. (1993) *Citizenship and Social Theory*. London: Sage Publications.

Usmanova A. (2009) Utrachennaya privatnost': "tekhnologii" deprivacii v sovetskom i post-sovetskom kontekstah [Lost privacy: "technologies" of deprivation in the Soviet and post-Soviet contexts]. *Perekrestki. Zhurnal issledovanij Vostochnoevropskogo pogranich'ya* [Intersections. Journal of Studies of the Eastern European Borderland]. No. 3–4. P. 88–105. (In Russ.)

Velikaya N.M., Ovcharova O.G. (2020) Konservativnyj povorot rossijskogo obshchestva: gendernyj akcent [The conservative turn of Russian society: gender emphasis]. In: Sillaste G.G. (ed.) *Gendernye resursy i formirovanie novogo gendernogo poryadka v XXI veke* [Gender resources and the formation of a new gender order in the XXI century]. Moscow: NII ekonomiki YUFO. P. 34–43. (In Russ.)

Walby S. (1994) Is Citizenship Gendered? *Sociology*. Vol. 28. No. 2. P. 379–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038594028002002>

Whitman J.Q. (2004) The Two Western Cultures of Privacy: Dignity Versus Liberty. *Yale Law Journal*. Vol. 113. P. 1151–1221. DOI: <https://doi.org/10.2307/4135723>

Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) Neotradicionalizm[y] — transformaciya gendernogo grazhdanstva v sovremennoj Rossii [Neotraditionalism[s] — the transformation of gender citizenship in modern Russia]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskij podkhod* [Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: EUSPb. P. 201–212. (In Russ.)

Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) (2007) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskij podkhod* [Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: EUSPb. (In Russ.)

Author bio:

Marianna G. Muravyeva — Candidate of Historical Sciences, Professor of Russian Law and Administration, University of Helsinki, Finland. **E-mail:** marianna.muravyeva@helsinki.fi. **RSCI Author ID:** 149917; **ORCID ID:** [0000-0002-7880-0329](https://orcid.org/0000-0002-7880-0329); **ResearcherId:** F-1375-2015.

Received: 30.06.2021
Accepted: 10.09.2021

Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.3

Ссылка для цитирования:

Здравомыслова Е. А. Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 65–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.3>

For citation:

Zdravomyslova E. A. (2021) Late Soviet Sociology about Old Age and Gender: There Were Theoretical Insights. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 65–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.3>

Здравомыслова Елена Андреевна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: zdrav@eu.spb.ru

Автор изучает, как в позднесоветских социологических текстах конструировался социально-гражданский статус людей старшего возраста и какие гендерные различия устанавливались в этом конструировании. Для вторичного анализа отобраны статьи и монографии, написанные на основании исследовательских проектов, осуществленных в 1970-х — начале 1980-х годов несколькими советскими социологическими коллективами. Автор показывает, что советские социологи, создавая знание о старшем поколении, маневрировали между нормативностью идеологии и позитивистским знанием. Их исследования были ориентированы на нормативную модель активного долголетия по-советски и проверяли ее реализуемость в позднесоветский период. На уровне манифестных суждений советские социологи выступали с критикой «буржуазной» концепции старения как разрыва общественных связей. Однако результаты проведенных ими эмпирических исследований показали, что значительная часть советских граждан старшего возраста сокращали культурное потребление, круг их общения сужался, а потребность в общении росла; они не имели планов жизни на пенсии, были склонны к пассивному поведению, среди них было мало пенсионеров-общественников,

¹ За неоценимую помощь в подготовке статьи автор выражает благодарность Е. Головахе, О. Куценко, А. Низамовой, К. Галкину, Е. Тыкановой, В. Воронкову и анонимным рецензентам.

институциональная поддержка активного долголетия была недостаточной. Социологи конструировали выход на пенсию как маркер биографического перехода, осмысляемого гражданами старшего возраста как критический опыт множественных утрат и вызов новой семейной роли. Таким образом, социологи критиковали советские паттерны старения. Женский опыт пенсионного перехода и жизни на пенсии описывался как более позитивный по сравнению с мужским. Женщины в меньшей степени страдают от одиночества, сохраняют социальные связи, накопленные на других этапах жизненного пути, более склонны вести социально активный образ жизни, особенно в сфере культурного потребления, часто с удовлетворением относятся к новым семейным ролям. Хотя советские социологи зачастую ограничивались прикладными задачами, ориентированными на запрос партийно-государственных аппаратов, автор показывает, что в их работах содержатся инсайты, которые могут быть полезными и для современных исследований старения в России. Среди эмпирически фундированных теоретических находок — идея пенсионного перехода, модель «пенсионной болезни», представления о преждевременном старении и своеобразии активного долголетия по-советски, модель гендерного разрыва, который представляет мужчин как более уязвимых, а женщин — как более адаптированных к жизни на пенсии.

Ключевые слова: советская социология; старшее поколение; гендер; старение; социальный конструктивизм; пенсионеры

Введение

В этом тексте я анализирую, как советские социологи осмысливали опыт старения в позднесоветском обществе¹ и свойственные ему гендерные различия. Меня интересует, как конструируется социально-гражданский статус людей старшего возраста в позднесоветских социологических текстах и какие гендерные различия устанавливаются в этом конструировании.

Каков концептуальный горизонт выполнения этой аналитической задачи, то есть зачем и кому это нужно сегодня? Исследователи отмечают, что работы советских социологов в настоящее время мало кому интересны, авторы забыты и написанные ими тексты не востребованы [Sokolov, 2017]. Однако, на мой взгляд, обращение к забытым социологическим текстам имеет смысл, и в ходе изложения я постараюсь прояснить, в чем он заключается. Советская социология рассматривается здесь как система экспертного знания, работающая как аппарат вертикальной связи между партией-государством и обществом. Социологическое знание в условиях авторитарного политического устройства носит двойственный характер. С одной стороны, оно производит ответы на социальный заказ государственного аппарата, который продуцируют

¹ В терминологии советского официального дискурса позднесоветский период назывался обществом развитого социализма.

гражданские статусы и иерархии, направляя ресурсы учетным категориям граждан. С другой стороны, социологическая экспертиза помогает обнаружить зазор между нормативными суждениями, сформулированными в официальном дискурсе, и свидетельствами о социальной реальности, сконструированными социологами. Такой разрыв между словами официального порядка и словами социологического порядка, если он усматривается властными инстанциями, становится аргументом в пользу политики реформирования в отношении конкретных процессов и категорий граждан [Titarenko, Zdravomyslova, 2017].

Социологическое внимание к различным категориям граждан — советским сословиям — направлялось повесткой официального дискурса и распределялось неравномерно. Одни социально-демографические категории оказывались в центре официального дискурса и обслуживавшей его экспертной системы социального знания, другие вытеснялись на периферию внимания. Что касается (поло)возрастных категорий, то в фокусе интереса советских социологов находились группы, занимавшие высшие позиции идеологически сформированной возрастной стратификации — «зрелый возраст» и «молодежь». Старшие возрастные группы оставались на маргиналиях социологического дискурса. Такие предпочтения внимания объясняются, на наш взгляд, бдительностью ресурсной идеологии — государство проявляло интерес к тем категориям граждан, которые являются ресурсами производства и воспроизводства, а не к тем, кто удалился «на заслуженный отдых» и бесперспективен с точки зрения идеологии развитого социализма. Социологи, занимающиеся маргинальными для официального дискурса темами, сетовали на тщетность своих попыток достучаться до власти и особенно остро ощущали «горький вкус невостребованности» результатов своей работы [Грушин, 1999].

И, тем не менее, в позднесоветский период создавалась социология старшего возраста как относительно автономное направление социального знания, появлялись институции, проводились эмпирические исследования, публиковались их результаты, организовывались всесоюзные съезды и даже международные встречи. В данном тексте представлены основные параметры социологического конструирования старшего возраста и гендерных различий в этой возрастной категории с опорой на эмпирические исследования, которые используются как вторичные источники. Описание и анализ не претендуют на полный охват источников. Для вторичного анализа отобраны исследовательские работы, написанные на основании проектов, осуществленных в 1970-х — начале 1980-х годов несколькими советскими социологическими коллективами. Члены этих коллективов были хорошо знакомы друг с другом, они составляли выраженный тематический сегмент становившегося и претендовавшего на автономию социологического сообщества: они цитировали одни и те же источники и друг друга. В частности, к этой группе авторов относятся В.Д. Шапиро (Москва, ИКСИ АН СССР), Н.В. Панина (Киев, Институт социальной геронтологии АМН СССР) и А.В. Дмитриев (Ленинград, ИСЭП АН СССР). Каждый из них руководил несколькими коллективными проектами; каждый идентифицирован по вкладу в знание о позиции граждан старшего возраста в СССР. Так, Наталья Панина — автор

нормативной концепции социальной адаптации к жизни на пенсии; Владимир Шапиро — основоположник советской социальной геронтологии, он создал социальный портрет советского пенсионера, представляя разные аспекты этого гражданского статуса; Анатолий Дмитриев анализировал социальные проблемы, с которыми сталкивались пожилые люди. Эти авторы оказались самыми яркими, самыми цитируемыми, хотя вклад в развитие тематики внесли целые научные коллективы (в списке литературы приведены наиболее часто упоминаемые источники). Все работы базируются на эмпирических исследованиях, проведенных на основании стандартизированных массовых репрезентативных опросов, изучении бюджетов времени; они опираются на наиболее влиятельные труды советских социологов [Гордон, Клопов, 1972; Грушин, 1967; Социально-психологический..., 1977]. Исследователи измеряли разные параметры социального положения пожилых людей и их отношение к собственному опыту. Все исследовательские проекты содержат рекомендации, адресованные партийно-хозяйственным органам управления. Профессионализм советских социологов — «советников Чингиз-Хана» (как назвал их Борис Грушин [Грушин, 1999]) — утверждался в той модальности производства социологического знания, которую Майкл Буравой назвал *policy sociology* (прикладные социальные исследования). Их заказчиком было государство, а тексты адресовались в основном органам управления, но также социологическому сообществу и публике [Burawoy, 2005]. Рекомендации социологов были призваны улучшить положение граждан, способствовать реализации их социальных прав, декларированных партийно-государственными документами, и преодолению отдельных недостатков функционирования системы. Иногда социологи печатались в периодике и прессе или транслировали полученное знание через журналистов-посредников, а их идеи становились известными широкой публике¹. Советские социологи были академически робкими и неамбициозными. Они крайне редко претендовали на создание теории, ограничивая себя прикладными задачами. Однако мне представляется, что в их работах содержатся инсайты, которые могут быть полезными и для современных исследований старения в России.

Текст статьи состоит из нескольких частей. Сначала представлены базовые принципы социологической концептуализации старшего возраста как гражданского статуса. Затем осмысливаются основные тематизации исследований, представляются ключевые социальные модели жизни людей старшего возраста, проблемы, которые им атрибутируются социологами, и предлагаемые рецепты решения. После этого обсуждается гендерное фреймирование старшего возраста, в основе которого лежат полученные социологами сведения о различиях мужского и женского опыта старения в контексте позднесоветского периода. В завершение приводятся аргументы

¹ Публикационная активность в СМИ носит характер вспышек кампаний внимания, мотивированных календарным политическим принципом актуальности. См., например: *Дмитриев А.В.* Ветеран не хочет покоя // Ленинградская правда. 1977. 18 августа; *Дружкин Х.* О возрасте пенсионеров // Правда. 1977. 1 августа; *Жадаев В.* Если пенсионер хочет трудиться // Литературная газета. 1977. 27 июля; *Земчук Н.* Возраст пенсионера // Правда. 1977. 28 июня.

в пользу своевременности вторичного анализа забытых и выпадающих из обсуждения исследований советской социологии старшего возраста в контексте актуализации проблематики стареющего общества в России.

Борьба за актуальность

В позднесоветской социологии тема старения не была популярной. Исследователи, которые обратились к этой проблематике в 1970-е годы, указывали с сожалением, что социально-демографическая группа пожилых граждан выпала из поля зрения советских социологов. «В противоположность другим этапам жизненного цикла, таким как юность или детство... учение о старости и влиянии населения старшего возраста на общество в известной мере отрицалось или игнорировалось» [Дмитриев, 1980: 7]. На наш взгляд, такая исследовательская слепота объясняется местом социологического знания в аппарате идеологического контроля: социология ограничивала свои притязания прикладными заказными исследованиями, которые фокусировались на продуктивных категориях граждан, а старшее поколение рассматривалось как отработавшее, находящееся «на заслуженном отдыхе», а значит, находящееся на периферии внимания заказчика.

Определяя свое место в системе производства социального знания, советские исследователи старшего возраста приписывали себя к междисциплинарной области социальной геронтологии, в которой долгое время лидирующее положение занимали медики, прежде всего социальные гигиенисты и гериатры [Шапино, 1980], наследуя советским традициям изучения омолаживания и активного долголетия (напр., [Френкель, 1945], см. подробнее: [Krementsov, 2014]). Действительно, Институт геронтологии АМН СССР, основанный в 1958 г. в Киеве, стал всесоюзным центром производства медицинского и социального знания о старших возрастах жизни. Под его эгидой организовывались международные и всесоюзные конгрессы, издавался ежегодник «Геронтология и гериатрия», проводились исследования. Социологи в этот период пришли к мнению, что необходимо компенсировать очевидную нехватку внимания к гражданам старшего возраста с их стороны. Борясь за признание нового направления исследований, Дмитриев объявил социологию старшего возраста генерализующей дисциплиной в трехуровневой структуре социальной геронтологии. На уровне личности эта дисциплина изучает поведение и аттитюды стареющего человека, на среднем уровне — взаимодействие пожилых и старых людей с социальными институтами и микросредой, на социетальном уровне — их роли в обществе в целом и влияние на него. Стремясь легитимизировать свой академический интерес, социологи развивали идею о социальной актуальности и прагматической востребованности изучения старшего поколения и старости. При этом они обращались к тем же аргументам, которые воспроизводятся исследователями сегодня. Они указывали на глобальный социально-демографический тренд постарения населения (рост численности пожилых, рост продолжительности жизни и низкая рождаемость

в развитых странах) [Шапиро, 1983: 17]. Исследователи также указывали, что социологическое знание о социально-демографической группе — часть заботы советского государства о гражданах старшего возраста, которые являются адресатами системы социального обеспечения. Кроме того, отмечался инструментально-политический мотив интереса: «пенсионеры могут и хотят приносить пользу обществу» и могут стать частью резервной армии труда [Дмитриев, 1980: 5].

Позиционируя советское общество в глобальном демографическом контексте, авторы с сожалением отмечали, что в СССР продолжительность жизни ниже, чем во многих развитых странах, и, тем самым, отсылали к феномену преждевременного старения и умирания, характерному для определенного поколения — возрастной когорты советских граждан [Урланис, 1968]¹.

Концептуальные и идеологические основания эмпирических исследований

Рассмотрим ключевые концептуально-идеологические принципы, которые лежали в основании эмпирических социологических исследований граждан пожилого возраста в позднесоветский период (развитого социализма). Их источниками были положения исторического материализма, адаптированные к изучению жизненного пути человека старших возрастов, биомедицинские и психологические представления о старении и директивные документы партийно-государственных органов. В дизайне исследований преобладали апробированные методологии изучения социально-профессиональных групп, их отношения к труду, семейным отношениям и досуговым практикам [Гордон, Клопов, 1972; Грушин, 1967; Социально-психологический..., 1977; Харчев, 1979].

В целом на эпистемологическом уровне советские социологи рассуждали в рамках социально-конструктивистского подхода к изучению жизненного пути и возрастных границ. Старение рассматривалось ими как длительный биосоциальный процесс, границы которого условны и подвержены историческим изменениям. «Не существует универсальной границы, отделяющей старость от среднего возраста», «старение индивидов и групп происходит неодинаково — у одних раньше, у других — позже». «Увеличение средней продолжительности жизни, характерное явление для современной эпохи, меняет взгляды исследователей на возрастную периодизацию» [Шапиро, 1983: 17].

В определении «объективных» возрастных границ старшего возраста социологи использовали принятое медицинским авторитетом ВОЗ различие возрастных категорий: Люди в возрасте 60–74 лет — пожилые, 75–89 — старые,

¹ Особый интерес социальной геронтологии вызывали долгожители, образ жизни которых стал объектом антропологических экспедиций, организованных АН СССР в сотрудничестве с американскими исследователями, начиная с 1977 года (Абхазия, Азербайджан, Украина).

90 лет и старше — долгожители¹. В основе этой градации лежит представление о здоровье и психофизиологическом функционале пожилых людей.

Утверждая свое право на экспертизу, исследователи подвергали критике повседневный эйджизм, который противоречил идейным принципам равенства граждан всех возрастов, провозглашенным Конституцией СССР, и объективному научному подходу². Повседневному дискурсу исключения исследователи противопоставляли истинно научный социологический подход, опирающийся, с одной стороны, на положения исторического материализма, а с другой — на структурно-функционалистскую парадигму и ее вариант — теорию возрастной стратификации. Шапиро подчеркивал: «Определение старости должно быть функциональным, связанным с основными изменениями в социальных ролях индивида» [Шапиро, 1983: 9; Пиотровский, 1972]. Таким образом, продвигалась идея различения хронологического (по году рождения), биологического (по состоянию здоровья), социально-гражданского (по статусу, определяемому выходом на пенсию и ролевым ожиданиям) и психологического (по самоатрибуции) возрастов. В фокусе социологического интереса находился социальный возраст — гражданский статус пожилых и старых людей.

Разметка жизненного пути человека создается исходя из возрастной социальной стратификации, в основе которой лежит нормативный критерий вовлеченности в сферу общественного (вос)производства. На базе этого критерия исследователи выделили три крупные нормативные социально-возрастные категории советских граждан: учащиеся, активные трудовые кадры и пенсионеры [Кон, 1978; Ланцев, 1976]. Так социологическое знание внесло свой вклад в закрепление институционализированного жизненного пути советского гражданина и нормативных границ возрастов жизни. Социальный конструктивизм, лежащий в основе производства знания о пожилых, предполагает интерпретацию жизненного пути, возраста и гендера как результатов работы социальных институтов [Riley et al., 1972; Ageing..., 2019]. Предметом изучения становятся возрастно-ориентированные роли и ожидания, нормализующие жизненный путь советского человека. Так, например, социологи Б.А. Гордон, Э.В. Клопов и Е.Б. Груздева развивали концепцию жизненного цикла — вариант концепции жизненного пути (life-course approach). Они рассматривали жизненный цикл как последовательность возрастных периодов (или этапов) в жизни человека, различающихся сменой функций и ролей в социальной системе в целом, и в системе воспроизводства и воспитания подрастающего поколения в особенности. Каждому этапу жизненного цикла соответствуют свои роли и особенности повседневного поведения. Их совокупность называется «социальным возрастом» социальной личности [Гордон

¹ Градации возраста утверждены Рекомендациями, принятыми на Симпозиуме по классификации и номенклатуре периодов старости и старения, в 1962 г. в Ленинграде.

² «В некоторых определениях периода старости, — писал Шапиро, — содержатся в явной или неявной форме оценочные суждения, подчеркивающие физиологическую или социальную специфику этого возраста: зима жизни, увядание, угасание, дряхлость, возраст признания заслуг» [Шапиро, 1983: 18].

и др., 1977]. В рамках такого нормативного подхода, подчеркивающего жесткие возрастные границы, старость определяется как этап жизни, «когда обычно завершается собственная активная трудовая деятельность человека» [Гордон и др., 1977: 140; см. также: Кон, 1978]. Аналогичным образом социальный геронтолог Наталья Панина ввела в советскую социологию понятие «возрастно-ролевые ожидания», определяя их как нормы и требования, предъявляемые к индивидам, достигшим границ определенного возраста, и отражающиеся в ожидании от них включения в круг определенных ролей, соотносящихся с данным возрастом и социальным статусом» [Панина, 1980].

Предметом социологических исследований старения, таким образом, оказываются нормы и ожидания для возрастного этапа — особый возрастной гражданский статус, определяемый объективными и субъективными показателями [Дмитриев, 1980: 18]. Объективным показателем этого нового гражданско-возрастного статуса (или социального возраста) считается номинальный возраст выхода на пенсию¹. Исследователи также выделили субъективный, или психологический, возраст, который определяется самооатрибуцией в соответствии с саморегистрацией в анкете в качестве пожилых или старых. В 1970-е годы граница пожилого возраста у мужчин составляла 62 года, а у женщин — 60 лет [Панина, 1980; Шапиро, 1980]. Началом старости мужчины считали 73 года, а женщины — 71 год [Шапиро, 1983]². Выявив субъективный возраст и сопоставив его с хронологическим и социальным возрастом, исследователи пришли к двум выводам. Во-первых, субъективный возраст на два года и пять лет (в зависимости от пола) превышал социальный, или пенсионный, возраст. Во-вторых, были выявлены различия в субъективном определении возраста по признаку пола. Субъективно женщины ощущают себя пожилыми и старыми раньше мужчин, несмотря на то что фактически их продолжительность жизни больше. Таким образом, методология определения возраста показала потенциальное гендерно маркированное противоречие между социально-возрастной атрибуцией и самооатрибуцией. Общество может относить человека к категории пожилых и старых по критерию пенсионного возраста, в то время как субъективно человек может опираться на другие критерии.

Выявленное расхождение между хронологическим возрастом, установленной законом границей пенсионного возраста и субъективным возрастом осмысливалось как недооценка государством и обществом потенциала социальной активности пенсионеров, в том числе трудовой. Кроме того, такое различие позволило социологам определить свою тематику — изучение социального положения советских пенсионеров по старости.

Авторы выявили характеристики социального возраста, или гражданского статуса, пенсионеров. Это особое советское сословие, которому

¹ Дмитриев отмечал, что институциональная формальная граница не является точным признаком принадлежности к пожилому возрасту, так как «далеко не все граждане пожилого возраста оформляют статус пенсионеров» [Дмитриев, 1980: 17].

² А. Левинсон отмечает, что в начале 2000-х годов субъективной границей старости респонденты считали возраст 62 года [Левинсон, 2005].

приписывались возрастные особенности, изучаемые медициной и психологией; они — адресаты государственной системы социального обеспечения (объектами велфера); вовлечены в работу ветеранских общественных организаций (по месту прежней работы и по месту жительства); им свойственно особое положение в семейной системе и ценностные ориентации [Дмитриев, 1980: 28; Шапиро, 1980; Ачаркан, Соловьев, 1975; Александрова, 1974; Карсаевская, Шаталов, 1978]. Несмотря на общность гражданского статуса, уподобленного сословию, авторы признавали разнообразие организации жизни пенсионеров по старости в зависимости от их возраста (пожилой или старческий), гендерной принадлежности, связанности с другими социальными группами и степени вовлеченности в социальную жизнь.

Таким образом, мы видим три основных сочетанных критерия выделения возрастной категории — биомедицинский, социально-гражданский и субъективно-психологический. Внимание социологов прежде всего привлекал гражданский старший возраст — сословие советских пенсионеров, включая и его субъективное измерение.

Идеологические основания исследований формулировались в многочисленных отсылках к работам классиков марксизма-ленинизма и партийно-государственным документам — Конституции СССР (1977), резолюциям съездов КПСС, Закону о пенсии. Отсылки к этим документам с соответствующими случаями цитатами приводились, как правило, в начальных и финальных параграфах текстов, носили обязательный ритуальный характер и свидетельствовали о лояльности авторов доксе. Однако, на наш взгляд, прочитанные сегодня эти идеологические мантры помогают также прояснить расхождение декларируемых принципов и сконструированного социологами знания о социальном сословии, а также увидеть реформаторскую направленность социологической экспертизы. Обозначим ключевые позиции официального дискурса о гражданах старшего возраста, работающие как идеологические постулаты (к которым нужно стремиться гражданину и обществу).

Во-первых, принцип гражданского равенства по возрастному критерию предполагает, что пожилые, старые, молодые и зрелые граждане обладают равными правами, «дискриминация по возрастному признаку полностью исключена из жизни нашей страны, где не могут существовать никакие проявления геронтофобии, присущие буржуазному обществу» [Дмитриев, 1980: 21]. Во-вторых, социалистический принцип межпоколенной солидарности, который предполагает «идейно-политическое и моральное единство всех возрастных групп, общность их целей, взаимопомощь и сотрудничество» [Дмитриев, 1980: 21]. В-третьих, структурообразующий принцип общественно полезной активности, характерный для советского общества, гласит, что активность пожилых людей как мера участия в жизни общества «является важнейшим и единственно подлинным социологическим показателем степени постарения человека... рост продолжительности жизни имеет смысл, когда пожилые включены в активную трудовую деятельность не только в сфере производства» [Дмитриев, 1980: 16].

Заявляя о своей приверженности этим принципам, социологи все проявления дискриминации и исключения по критерию возраста объявляли временными недостатками, с которыми общество и государство обязаны бороться. Авторы утверждали, что в основе специальной социологической теории старения лежит концепция активности человека.

Критика теории старения как утраты связей с обществом (disengagement theory of aging)

Советские социологи вписывали свои рассуждения в современный им международный геронтологический дискурс и воспроизводили существовавшую в то время полемику между двумя направлениями социологии старения: приверженцами «концепции ухода от дел» и сторонниками концепции активного старения. Развивая тезис об активном долголетии как нормативной модели жизни в старшем возрасте в условиях развитого социализма, советские исследователи подвергали критике *disengagement theory of aging*, разработанную Е. Каммингом и В. Генри на эмпирическом материале исследования, проведенного в 1950-х годах в Канзас-Сити [Cumming, Henry, 1961; Henry, 1964]. Одновременно с западными критическими геронтологами, выдвигавшими концепцию третьего возраста [Hochschild, 1975], советские авторы ратовали за «пересмотр дефицитной модели старения» и «теории освобождения от дел», как перевел название этой концепции В. Шапиро. Авторы предложили рассматривать старость как активный период жизни в том случае «если пожилой человек не просто является объектом обеспечения, сохраняется баланс между тем, что пожилой человек получает от окружения и что ему отдает» [Шапиро, 1983: 92]. Панина предложила свой перевод названия — «теория разобщения» [Панина, 1979]. По мнению исследовательницы, эта теория вполне адекватно отражает нормы старения в индивидуалистическом буржуазном обществе. Разобщение начинается с выходом на пенсию и детерминируется дважды — объективными структурами и субъективными факторами. С одной стороны, общество отторгает пожилых людей; с другой — они сами отстраняются от активной общественной жизни и испытывают внутреннюю потребность в дистанцировании. Панина подвергает критике нормативность теории разобщения и утверждает, что «в социалистическом обществе статус личности определяется степенью включенности в общественную жизнь и существуют объективные условия активной долголетней жизни людей» [Панина, 1980: 43].

Таким образом, мы видим, что советские социологи считали активное долголетие нормативной моделью жизни в старшем возрасте, желаемым и достижимым в период развитого социализма образцом. Эмпирические исследования были направлены на выяснение того, насколько эта идеологема реализуется, насколько активны пожилые и старые люди, что препятствует их активности, какая активность желательна, что должно сделать государство, чтобы стимулировать и поддерживать гражданское активное долголетие.

Идеологически предпочитаемая форма активности, занимавшая социологов, — общественно полезный труд. Именно поэтому наибольшее внимание ученых привлекало изучение *человека на пенсии* (так называется книга

Шапиро, вышедшая в серии «Социология и жизнь» [Шапиро, 1980]). Изучение старшего возраста превратилось в изучение особого гражданского статуса, наделяемого особыми правами и управляемого особыми нормативными регуляторами. Описывая своеобразное сословие пенсионеров по возрасту — их функционал, ожидания, роли и аттитуды, — социологи принимали участие в институционализации этапов жизненного пути советского человека наряду с законодательно фундированной социальной политикой, определявшей меры социальной поддержки граждан.

Рассмотрим далее несколько наиболее выразительных тематизаций позднесоветских социологических исследований пожилых пенсионеров, которые до сих пор представляются достойными для дальнейшего теоретизирования.

Тема 1. Выход на пенсию как трудный биографический переход

Социологи доказывали, что выход на пенсию был ключевым событием биографии советского человека, независимо от пола. Это событие маркировало наступление нового жизненного этапа, смену образа жизни, изменения гражданского статуса. Отличие пенсионного перехода от других переломных событий жизненного пути, по мнению Паниной, которая особое внимание уделяла этой проблематике, заключается в размытости (диффузности) конвенциональных правил и неопределенности ролевых ожиданий для пенсионеров. Но эта неопределенность оценивалась отрицательно. Если в более молодом возрасте изменение социального статуса приводит, как правило, к расширению социальных функций, к включению в новый, но вполне институционализированный круг ролей, то положение пенсионера связано с множественными утратами — утратой привычного ритма жизни, завоеванного авторитета, сужением социальных и межличностных контактов, материальными потерями. Основное приобретение пенсионера — это свободное время, которое можно использовать в соответствии с интересами, потребностями, жизненными ориентациями пожилого человека. Однако данные показывали, что этого не происходило. Наблюдалось «заметное снижение участия пожилых людей в тех видах активности, которые могут рассматриваться как компенсирующие утрату основной ведущей трудовой активности» [Панина, 1979; 1987: 2]. Отсутствие ролевой определенности и переживание утраты создает эффекты тревоги, может сказаться на состоянии здоровья и самооущении — развитии «пенсионной болезни»¹.

Исследования киевской группы [Москалец, 1980; Москалец, Сачук, 1976; Сачук, Панина, 1983; Стеженская, Сачук, 1972; Панина, 1978; 1979; 1980; 1984а; 1984б; 1987; Панина, Сачук, 1982; Социальная среда..., 1970; Чеботарев и др., 1975] показали, что большинство работников на пороге выхода на пенсию соглашались с суждениями о том, что у них отсутствуют планы на ближайший период жизни и общие жизненные цели; они хотели «спокойно дожить» или «спокойно умереть». Исследователи видели в этом отсутствии горизонтов

¹ «Пенсионная болезнь» описывается как «комплекс различных болезненных проявлений, вызванных нарушением адаптивного процесса к статусу пенсионера» [Сачук, Панина, 1983: 32].

будущего травмирующую неопределенность жизни после выхода на пенсию. На субъективно-аффективном уровне они отмечали **страхи перед выходом на пенсию**, которые недооценивались ближайшим окружением и обществом в целом. По данным Шапиро и др., советские граждане в 1970-е годы ожидали, что жизнь на пенсии будет сопровождаться ухудшением здоровья, сужением круга общения, увеличением объемов домашней работы; в оценках жизни на пенсии явно доминировали негативные последствия прекращения работы¹ [Шапиро, 1976а; 1976б; 1980; 1983].

Социологи утверждали, что травматичный статусный переход требует адаптации и институциональных поддержек, смягчающих биографический удар. Все комментарии указывают на нехватку социальных поддержек для обеспечения активного и благополучного старения и усиливающую роль семьи в адаптации к новому периоду жизни.

Тема 2. Семья и жизнь пенсионера

Другим важнейшим аспектом изменения образа жизни пенсионера является «возвращение в семью», которое также проблематизировалось исследователями, а вслед за ними и информантами. Авторы отмечали, что положение пожилых людей в семье играет на поздних этапах жизненного цикла исключительную роль. Значимость семейных отношений усиливается схлопыванием горизонтов социальной активности. Статус пенсионера в обществе в значительной степени определяется его позицией в семейной системе [Шапиро, 1980; 1983; Дмитриев, 1980; Панина, Сачук, 1982; Янкова, 1978].

При этом семейная позиция и сопряженные с ней практики неоднозначно оценивались гражданами, переживавшими статусный переход. Социологи вновь обращали внимание на неопределенность и неоднозначность ситуации, противоречивые свидетельства. Они выделяли позитивные и негативные стороны осемейнивания жизни после выхода на пенсию. С одной стороны, данные эмпирических исследований подтверждали идеологему солидарности семейных поколений, позитивно оцениваемую вовлеченность пожилых в жизнь многопоколенной семьи, в которой «наиболее сильным фактором, связывающим старшее и среднее поколения, являются внуки» [Шапиро, 1983: 68]. Однако выделялись и часто отмечавшиеся пенсионерами негативные последствия новой позиции в семейной системе: непомерное увеличение нагрузки по дому, сопряженное с возрастом ухудшение здоровья и материального положения, ощущение своего одиночества; ухудшение отношений с родственниками и материальная зависимость от них, а также «полное отсутствие занятий» [Шапиро, 1983: 69]. Приверженность к новым семейным ролям нередко заставляет пенсионеров идти на компромисс, жертвуя другими потребностями и беря на себя дополнительные нагрузки домашней работы. Отказ от собственных интересов и служение семье приветствовались средним поколением, и это интерпретировалось исследователями как неверное

¹ «...Так, отмечают улучшение здоровья 47% неработающих пенсионеров, в то время как ожидают этого всего 9% работающих. Реальное увеличение помощи семье отмечают 43%, ожидаемое — 16%» [Шапиро, 1983: 63].

отношение, принижающее самость пожилого человека (сегодня мы назвали бы его эйджистским). Д.И. Валентей даже сформулировал тезис о «скрытом трудоиспользовании неработающего пенсионера в семье, когда он создает условия для полноценной работы своим детям и для воспитания внуков [Валентей, 1977; цит. по Дмитриев, 1980]. В этом тезисе звучит завуалированное признание эксплуатации старшего поколения со стороны взрослых детей. Предупреждала о рисках полной вовлеченности пенсионеров в семейные роли и Панина. Она называла полную идентификацию пенсионеров с жизнью среднего и младшего семейных поколений «духовным иждивенчеством», которое свидетельствует об «отсутствии общественно и лично значимых жизненных целей в пожилом и старом возрасте» [Панина, 1980].

В целом все исследователи пришли к выводу о возрастании значимости опекунов функции взрослых детей в отношении пожилых родителей пропорционально ухудшению состояния здоровья последних, зависимость пожилых граждан от семьи и детей рассматривалась как неизбежная, но чреватая проблемами. Организация заботы и ухода в обществе развитого социализма была нормативно семейноцентрична¹. Данные подтверждали, что общественные формы заботы и обслуживания пожилых граждан не развиты. В связи с этим социологи призывали консервировать норму и интегрировать представителей третьего семейного поколения в нуклеарную семью, не считывая на помощь государства.

Тема 3. Возрастное сокращение активности и дефицит общения

Согласно продвигаемой советскими социологами норме активного старения, успешная адаптация к новому гражданскому статусу предполагает деятельное участие людей старшего возраста в социальной жизни. Однако адаптация осложнена сокращением контактов с людьми и институтами и неразвитостью инфраструктуры. Исследователи отмечали, что деятельность и общение могут способствовать благополучию в старости. Они дедуктивно выделили три вида активности, которые могут сохранить активный образ жизни в старшем возрасте: домашняя работа («хозяйственно-бытовая деятельность в семье»), воспитание внуков и занятия общественной работой. Эти виды деятельности, по мнению исследователей, могут компенсировать отсутствие привычной работы и порождают новые возможности для совладания с угрозой дефицита общения. Ученые отмечали разрыв между потребностями и возможностями пожилых граждан. С одной стороны, обостряется их интерес к общению. С другой стороны, опросы зафиксировали сужение социальных связей, сокращение контактов, которое отрицательно сказывается на общем благополучии и удовлетворенности жизни и приводит к так называемой пенсионной болезни — апатии, скуке, схлопыванию жизненных горизонтов. Данные всех исследований демонстрируют гендерный профиль

¹ «Реализация установки на раздельное проживание со временем оборачивается другой стороной медали — одиночеством старого человека в период жизни, когда ему необходима повседневная помощь и поддержка, а иногда и просто присутствие в квартире близких людей» [Панина, 1987: 22].

проблемы. Мужчины в большей степени ощущают утрату социальных связей, чем женщины: «увеличение числа контактов, по данным Института геронтологии, отмечают лишь 4% мужчин и 4% женщин, а уменьшение — 73 и 56% соответственно» [Панина, 1980; Дмитриев, 1980; Шапиро, 1980]. Исследователи объяснили гендерный дисбаланс поло-ролевыми различиями на этапе занятости. «Поскольку социальные связи мужчин преимущественно связаны с работой, после выхода на заслуженный отдых у них происходит уменьшение межличностных контактов в большей степени, чем у женщин, которые в течение всего жизненного пути поддерживают регулярные контакты с близкими людьми, соседями и друзьями» [Дмитриев, 1980: 56]. Непропорционально большее сокращение социальных связей у пожилых мужчин рассматривается как угроза их благополучию. Исследователи, таким образом, пришли к выводу, что женщины на пенсии более благополучны, чем мужчины [Стеженская, Сачук, 1972; Урланис, 1968].

Подведем итоги исследований пенсионного перехода. Выход на пенсию описывался советскими социологами как переломное событие жизненного пути, запускающее двуединый процесс: расставание с трудовым статусом и «возврат» в семью, насыщенный преимущественно негативными ожиданиями и страхами. Новый гражданский статус сулит неопределенность и исключение, утрату позиций в разных сферах жизни, рост множества обременительных и часто нежелательных нагрузок домашнего труда, сокращение круга общения. Страхи перед пенсионным переходом исследователи оценивают как преувеличенные (хотя, возможно, это эффект методики). Позитивная сторона нового гражданского статуса связывается с ростом объема свободного времени для самореализации, отсутствием жесткой регламентации деятельности — однако позитив недооценивается пожилыми информантами, а горизонты планирования жизни сокращаются. Пенсионеры не планируют будущее, зачастую определяют свой статус как вторичный — определяемый по отношению к детям и внукам, а жизнь на пенсии — как угасание.

Рисуя картину травматичного пенсионного перехода, советские социологи проблематизировали жизнь пожилых людей и предлагали в качестве рецепта решения проблемы разработать совокупность мер социальной адаптации пенсионеров. Приспособление к новому статусу должно быть обеспечено сверху и снизу. Чтобы избежать социального разобщения, которое, несомненно, угрожает советскому пенсионеру, государство должно готовить людей к жизни на пенсии, разрабатывать целевые программы адаптации, стимулировать пенсионеров к активному долголетию и преодолению того состояния, которое социальные геронтологи называли «пенсионной болезнью». В качестве нормативного и желаемого образа жизни описывалось активное долголетие, соответствовавшее идеологическим принципам позднесоветского общества и подтвержденное научными изысканиями в качестве гаранта благополучия. На мой взгляд, социологи сделали нетривиальное научное открытие, но не придали ему нужной формы, которая бы позволяла настаивать на теоретическом достижении. Они обнаружили, что тезисы неприемлемой с идейной

точки зрения буржуазной теории старения как разрыва связей с обществом, по сути, подтверждаются эмпирическими исследованиями, посвященными советским гражданам пожилого возраста.

Тема 5. Потенциал использования труда пенсионеров в народном хозяйстве.

Опираясь на свои изыскания, исследователи критиковали действовавшее законодательное закрепление пенсионного возраста. С цифрами в руках они оппонировали правовой норме универсального возраста выхода на пенсию, аргументируя свою позицию данными о сохранении работоспособности и компетенций у 80% неработающих пенсионеров, которые могли бы составить резервную армию занятости и отдалить выход на заслуженный отдых со всеми присущими ему статусными испытаниями. «Установление единого пенсионного возраста приводит к нарушению прав — к тому, что право ухода на пенсию приобретают не только те пожилые люди, которые не в состоянии работать, но и те, кто сохраняет частичную и даже полную трудоспособность» [Шапиро, 1983: 23]. Еще одним аргументом в защиту дифференцированного подхода к пенсионному возрасту выступают субъективные предпочтения — выбор самих пожилых людей, многие из которых продолжают работать, достигнув возрастного рубежа.

Обсуждая перспективы продолжения работы в пенсионном возрасте, исследователи выделили профессиональные, образовательные и гендерные различия. Данные опросов о планах продолжения работы в пенсионном возрасте показывали, что ресурс занятости был распределен неравномерно. Он фактически был исчерпан для работников промышленности; гораздо более привлекательными для работающих пенсионеров были сферы услуг и управления. Занятость пенсионеров больше всего коррелировала с состоянием здоровья, чуть менее значимыми были образование, пенсионный стаж и пол. В соответствии с данными, гораздо чаще оставались работать люди с высоким уровнем образования и квалификации, профессионалы, мужчины. Мужчины чаще оставались работать на прежних рабочих местах, а женщины гораздо чаще меняли рабочее место и даже сам профиль занятости в пенсионном возрасте. В целом большую часть работающих пенсионеров составляли мужчины [Шапиро, 1983; Эглите, 1977; Дмитриев, 1980; Янкова, 1978; Ачаркан, Соловьев, 1975].

Поскольку резервы трудовой мобилизации пенсионеров по возрасту не были исчерпаны, социологи рекомендовали вовлекать их в занятость, особенно на рабочих местах с дефицитом кадров. Они отмечали, что привлечение пенсионеров в сферу оплачиваемого труда должно сопровождаться особыми условиями организации их занятости (гибкий рабочий день, частичная занятость). Такие рекомендации прямо резонируют с повесткой социального заказа¹. Подчеркивая объективный и субъективный потенциал использования

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 сентября 1979 года № 850 «О мероприятиях по материальному стимулированию работы пенсионеров в народном хозяйстве».

труда пенсионеров, социологи еще в позднесоветское время подготавливали аргументы для пересмотра границ пенсионного возраста и дифференцированного подхода к прекращению трудовой деятельности по возрасту.

Типы пенсионеров

Надеюсь, мне удалось показать, что советские исследователи проблематизировали социально-гражданский статус пенсионера по возрасту и продвигали нормативную модель активного старения, которая вполне соответствует и современной им международной дискуссии, и сегодняшней национальной «Стратегии в отношении граждан пожилого возраста».

При этом они выстроили две дихотомические типологии пенсионеров на основании критериев занятости и активного образа жизни неработающих пенсионеров.

На материалах исследований, проведенных под научным руководством В. Шапиро в различных регионах СССР, выделены два типа граждан старшего возраста — **работающие и неработающие** пенсионеры. Они рассматриваются как различные реальные поколения. Эмпирически подтверждаются существенные различия в их установках и ценностях, отношении к общественной работе, страхах в отношении пенсионной жизни, состоянии здоровья и проч. В целом работающие пенсионеры представлены как более субъективно благополучные и удовлетворенные жизнью. Страхи утраты статуса, переживание исключения (социальное одиночество) и даже ухудшение здоровья характерны в большей степени для неработающих пенсионеров.

Среди неработающих пенсионеров, в свою очередь, выделяются две модели образа жизни, которые оцениваются полярным образом: **пассивные и активные пенсионеры**. Критерий типологии — степень социальной активности, которая трактуется как мера социальной адаптированности к новому гражданскому статусу (социально-возрастной роли). В публикациях можно проследить расхождения в определении социальной активности и содержательной наполненности этой категории. Ряд социальных геронтологов киевской группы (Головаха, Панина, Сачук, Стеженская, Москалец и др.) рассматривали социальную активность инклюзивно, включая в это понятие широкий диапазон видов деятельности в разных сферах жизни: это и семейно-бытовые занятия, и потребительские, досуговые практики (просмотр телепередач, чтение, посещение зрелищных мероприятий), и межличностное общение, и прогулки и т. п.

Другие авторы (напр., Шапиро, Дмитриев) выстраивали иерархию социальной активности и в качестве приоритетной формы социальной вовлеченности пенсионера выделили участие в практической общественной работе по месту жительства и месту прежней работы. На самом деле речь о тех видах деятельности, которые в современной литературе описываются как волонтерские, или добровольческие. Таким образом, с точки зрения советской идеологии активного старения волонтерская деятельность пожилых граждан оценивалась как наиболее предпочитаемая. Сначала мы опишем критикуемую, но массовую модель пассивного пенсионера, а затем желаемую, но

статистически мало распространенную модель пенсионера-общественника, которые выстраиваются на материале эмпирических исследований.

Пассивные пенсионеры представлялись как проблемная категория, они считались неадаптированными, их образ жизни рассматривался как недостаточно рациональный, способствующий ухудшению здоровья и чувства удовлетворенности жизнью. Пассивность исследователи связывали с отсутствием ценностных ориентаций и связанных с ними жизненных планов, имеющих общественную значимость и направленность [Головаха, Панина, 1989]. Пассивный пенсионер также незначительно вовлечен в жизнь семьи (как по объему затрачиваемого времени, так по субъективной значимости), не ориентирован на домашнюю работу; для этой категории характерно резкое сокращение досуговой активности и коммуникативных связей. Пассивный пенсионер поражен «пенсионной болезнью». «Возрастает лишь участие пенсионеров в тех видах деятельности, которые по характеру двигательной активности и социальных контактов можно отнести к пассивному досугу (просмотр телепередач, чтение газет, отдых на скамейке и т. п.)» [Панина, 1984а: 23].

Как особенно уязвимые для пассивного образа жизни представлены одиноко проживающие люди, которые демонстрируют наиболее «низкие показатели в сфере социальной активности, особенно в тех видах деятельности, которые связаны с общением — общественная работа, посещение гостей, культурно-массовых мероприятий, групп здоровья...» [Панина, 1987: 3–4]. Исследователи отмечали, что таких пенсионеров достаточно много¹. Данные показали, что пассивных пенсионеров, жизнь которых грустна и бесперспективна, ожидаемо больше среди мужчин. Ученые объяснили выявленный гендерный дисбаланс эффектом гендерных различий в структуре занятий на более ранних этапах жизненного пути. Благодаря усвоенным гендерным ролям женщины на всем протяжении жизни больше вовлечены в досуговые и семейно-бытовые формы активности, и в старости этот дисбаланс сохраняется [Панина, Сачук, 1982: 43]. К вопросу о гендерных различиях мы обратимся ниже.

Важнейшей причиной пассивности во всех социально-демографических группах считается «сложившийся на протяжении жизненного пути личности стереотип пассивного проведения свободного времени» [Головаха, 1982: 3]. В целом исследователи пришли к выводу, что образ жизни в значительной мере определяется влиянием сложившегося на протяжении жизненного пути стереотипа поведения и не претерпевает существенных изменений после выхода на пенсию [Головаха, 1982; Москалец, Сачук, 1976; Москалец, 1980].

Пенсионер-общественник — редкий тип

Негативной культурной модели пассивного угнетенного пенсионера противопоставлен нормативный тип пенсионера-общественника². Такой пенсионер вовлечен в общественную работу, которая считается в этом

¹ Панина отмечала, что большинство обследованных ею пожилых людей вели пассивный, характеризующийся низким уровнем социальной активности образ жизни — 83-96% по разным социально-демографическим группам [Панина, 1980].

² Исследования проведены Шапиро в 1973-1975 г. в Москве и в 1978-1979 г. в Херсоне.

дискурсе высшей формой социальной активности пожилых. Содержательное наполнение общественной активности — «выполнение поручений, заданий, обязанностей идеологического, организационного, контрольно-ревизионного, воспитательного, просветительского и др. порядка» [Шапино, 1983: 74]. Данные эмпирических исследований показывали, что, несмотря на пропагандистские усилия, большинство советских пенсионеров не было вовлечено в общественную работу. В общественной работе участвовали только «каждый 10–16-й неработающий на производстве беспартийный пенсионер» [Шапино, 1983: 76; см. также: Головаха, Панина, 1989].

Ядро группы пенсионеров-общественников составляли члены КПСС, которые либо сохранили связь со своим трудовым коллективом, либо активно участвовали в общественной работе по месту жительства. Здоровье, образование, принадлежность к категории служащих были значимыми факторами, позитивно коррелировавшими с участием в общественной работе. Среди мотивов выполнения общественной работы — участия в волонтерской деятельности — выделялись: желание быть полезным конкретным людям и обществу; мотив общения и компенсаторная функция общественной работы как альтернативы «бесцельному существованию, надежный способ противостоять медленному угасанию духовных и физических сил» [Шапино, 1983: 100]. Все исследования подтвердили гендерные различия вовлеченности в общественную работу на всем протяжении жизни: мужчины, независимо от возраста, опережали женщин по этим показателям, выход на пенсию увеличивал гендерный разрыв. В качестве главной причины мужского перевеса в практической общественной работе называлась их меньшая загруженность домашними, семейными делами [Дмитриев, 1980: 69].

В целом авторы отмечали благотворное влияние общественной работы на мироощущение и общую оценку пожилым человеком своего социального положения и нормализовали гендерные различия, объясняя их поло-ролевыми предпочтениями. Отмечая расхождение нормы и реальности, они выражали сожаление, что тип пенсионера-общественника не является массовым. В качестве барьеров волонтерства пенсионеров назывались ориентация на пассивный образ жизни, предпочтения семейно-бытовой активности и недостаточная активность институций в привлечении общественников старшего возраста.

Гендер и жизнь пенсионера

Обобщим гендерные различия, выделенные исследователями. В целом переход и гражданский статус пенсионеров обсуждались в гендерно-нейтральных тонах. Однако данные демографической статистики и массовых опросов заставили исследователей увидеть гендерную асимметрию, или дисбаланс, который свидетельствует о более низкой степени адаптированности мужчин к новому гражданскому статусу и меньшей вовлеченности

женщин пенсионного возраста в сферу оплачиваемого труда и практики общественной работы¹.

Во-первых, исследователи отмечали более высокую смертность мужчин, которая сказывалась в различиях в пропорции мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше в таких республиках, как РСФСР, БССР, УССР, ЭССР [Дмитриев, 1980; Шапиро, 1980: 16]. Эти статистические различия, приводившие к феминизации старшего возраста, большему распространению вдовства среди женщин, заставляли исследователей думать о преждевременном старении и смертности мужчин, их большей уязвимости [Урланис, 1968].

Во-вторых, исследования демонстрируют гендерные различия в планах и смысловых горизонтах жизни на пенсии. «У неработающих пенсионеров-мужчин ориентация на работу продолжает занимать доминирующее положение. У неработающих пенсионерок на первые места выдвигаются ценности, связанные с семьей, отдыхом и здоровьем» [Шапиро, 1980: 40]. Значительная их часть стремится посвятить свою жизнь семье и внукам; они рассматривают новое осемейнивание как нормативную модель жизни на пенсии.

В-третьих, гендерные различия проявлялись в практиках жизни на пенсии. Среди работающих пенсионеров было существенно больше мужчин, и чем больше становился пенсионный стаж, тем более выражен был гендерный разрыв. При этом мужчины-пенсионеры чаще продолжали работать в профессиях квалифицированного труда. Работающие пенсионерки обычно меняли место работы, при этом их статус чаще снижался. После выхода на пенсию чаще меняли работу женщины с низкой квалификацией и невысоким образованием. Для них занятость в пенсионном возрасте была вызвана в основном материальной необходимостью, стремлением сохранить экономическую самостоятельность. Но при этом именно в женском сегменте занятости в условиях феминизации ряда рабочих мест фиксировалась нужда в трудовых резервах. Советская экономика испытывала дефицит в работниках женских профессий средней и низшей квалификации — были востребованы медсестры, сиделки, учителя младших классов. Государство предпринимало особые усилия по привлечению женщин пенсионного возраста к работе в лечебных учреждениях и домах для престарелых [Шапиро, 1980: 77].

В-четвертых, социологи утверждали, что в целом мужчины переживали пенсионный переход тяжелее, чем женщины. «Резкий пенсионный переход, особенно для мужчин, не удлиняет, а снижает продолжительность жизни» [Дмитриев, 1980: 35]. Большая подверженность мужчин «пенсионной болезни» связывалась со склонностью к пассивному образу жизни, дефицитом общения. Проблема одиночества в пожилом возрасте, как указывал Дмитриев, также особенно обостряется у мужчин, поскольку палитра активностей и контактов у женщин больше. Женщины также более активно вовлечены в культурный досуг. В общем, их старость, если пользоваться словами Паниной, более адаптирована, они в большей степени довольны своей жизнью, для них более

¹ Об изменении социальной позиции женщин пенсионного возраста см. [Григорьева, Сизова, 2018].

характерны паттерны активного долголетия. И хотя исследователи отмечали различия в образах жизни по критериям образования, уровню квалификации и здоровья в социально-демографических группах женщин и мужчин, в целом они рассуждали в категориях простой гендерной дихотомии, опираясь на простые распределения ответов по категориям мужчин и женщин.

Гендерные различия в переживании выхода на пенсию, в отношении занятости и социальной активности объяснялись отсылками к поло-ролевой дифференциации и неравенству в степени вовлеченности в семейно-хозяйственную деятельность на протяжении всего жизненного пути. Паттерн двойной нагрузки и баланса оплачиваемой занятости и домашних забот, характерный для опыта женщин, в старшем возрасте показывает свою оборотную сторону. Именно потому, что в период профессиональной занятости женщины теснее связаны с семьей и развивают сети близких связей, они менее драматично переживают пенсионный переход и легче обретают смыслы в жизни на пенсии. «Социальные роли женщины (мать, бабушка, домашняя хозяйка) помогают ей легче приспособиться к новым условиям жизни, связанным с утратой большого количества профессиональных и других контактов после выхода на пенсию» [Дмитриев, 1980: 64]. Домашние женские роли рассматривались советскими социологами как интериоризованные и способные компенсировать профессиональную занятость женщин.

Заключение

Мы показали, что советские социологи, создавая знание о старшем поколении, маневрировали между нормативностью идеологии и позитивистским знанием. Их рассуждения были интегрированы в международный дискурс. Их исследования были ангажированы — ориентированы на нормативную модель активного долголетия по-советски. Они формулировали нормативную модель активного долголетия как гендерно-нейтральную и проверяли ее валидность и реализуемость в позднесоветский период. На уровне манифестных суждений советские социологи выступали с критикой «буржуазной» концепции старения как разрыва общественных связей. Подробное ознакомление с их работами показывает, что они старались выявить потенциал социальной активности российских граждан старшего возраста — пенсионеров по старости — и проверить положения *disengagement theory* на советском материале. Результат эмпирических исследований показал, что нормативная модель активного долголетия по-советски является лишь идеологемой. Значительная часть советских граждан старшего возраста сокращала культурное потребление, круг их общения сужался, а потребность в общении росла; они не имели планов жизни на пенсии, проявляли склонность к пассивности. Пожилые люди испытывали страх перед выходом на пенсию, этот переход они воспринимали как критический опыт множественных утрат и вызов новой семейной роли. Таким образом, социологи подтверждали, что многие советские пожилые

люди страдали от «пенсионной болезни» и переживали разобщение — разрыв социальных связей и опыт социального исключения.

Женский опыт жизни на пенсии описывался как более позитивный по сравнению с мужским. Хотя доля женщин среди пенсионеров-общественников была незначительна, они в меньшей степени страдали от одиночества, сохраняли социальные связи, накопленные на других этапах жизненного пути, были более склонны вести социально активный образ жизни, особенно в сфере культурного потребления, часто с удовлетворением относились к новым семейным ролям.

Исследователи продемонстрировали, что смена гражданского статуса — переход в категорию неработающих пенсионеров — является потрясением, которое требует ресурсов адаптации, эмоциональной работы и институциональной поддержки. Социологи показали, что от перехода на пенсию страдают те, кто «жил работой». А среди таких «работоголиков» больше мужчин. Авторы высказали предположение, что резкая смена ритма и образа жизни — главная причина заболеваний мужчин в первые годы после выхода на пенсию. Призывы к долголетию и эффективной адаптации в меньшей степени были ориентированы на женщин, чем на мужчин.

Мы не оставляем без критики проанализированные тексты и лежащие в их основе исследования. Отметим, что гендерный анализ носил латентный характер. Различия описывались, но они не были фокусом исследовательского интереса. Понимание социальной активности достаточно узкое — три вида деятельности не дифференцированы и носят явно нормативный характер. Критика методологии эмпирических исследований у авторов отсутствует. Фактически социологи ограничивали свое внимание гражданами третьего возраста. За редким исключением без внимания оказались различные аспекты долговременного ухода и социальной помощи гражданам старшего возраста, ограниченным в своей самостоятельности, хрупким пациентам гериатрии. Активная поддержка нормативной семейной модели жизни в старшем возрасте предлагалась как безальтернативная. В целом одинокое проживание — тенденция, которая все более выражена в современном обществе, — описывалось как маргинальное, как источник пассивного старения, симптом неблагополучия, нежелательный сценарий.

Обсуждаемые в этой статье работы по советской социологии старения трудно найти, их не переиздавали, они практически не цитируются современными авторами. Однако их интересно читать с позиции сегодняшней реинкарнации социальной геронтологии в России. Конечно, ритуальные ссылки на материалы съездов КПСС и работы классиков марксизма-ленинизма затемняют содержание, но анализ данных создает знание о социальном положении, проблемах и возможном реформировании политики в отношении пожилых граждан, и даже позволяют найти теоретические инсайты, которые могли бы быть разработаны в дальнейшем. Наиболее интересные, на наш взгляд, находки — идея пенсионного перехода, модель «пенсионной болезни», представления о преждевременном старении и своеобразии активного долголетия по-советски для мужчин и женщин.

Литература

Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Ленинградский университет, 1974.

Ачаркан В.А., Соловьев А.Г. Работающие пенсионеры. М.: Юридическая литература, 1975.

Валентей Д.И. Люди «третьего возраста» // Пожилые люди в нашей стране. М.: Наука, 1977. С. 10–17.

Головаха Е.И. Свободное время пенсионеров и особенности его использования // Геронтология и гериатрия. Киев: Институт геронтологии АМН СССР, 1982. С. 32–59.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Критерии и принципы разумной организации жизни // Разумная организация жизни личности: проблемы воспитания и саморегулирования. Киев: Наукова думка, 1989. С. 88–104.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. М.: Наука, 1972.

Гордон Л.А., Клопов Э.В., Груздева Е.Б. Этапы жизненного цикла семьи и быт работающих женщин // Изменение положения женщин и семья. М.: Наука, 1977. С. 139–150.

Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. № 2. С. 109–135. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>

Грушин Б.А. Горький вкус не востребуемости // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 205–228.

Грушин Б.А. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.

Дмитриев А.В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. Л.: Наука, 1980.

Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские проблемы геронтологии. М.: Наука, 1978.

Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 76–86.

Ланцев М.С. Социальное обеспечение в СССР (экономический аспект). М.: Экономика, 1976.

Левинсон А.Г. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 18–29.

Москалец Г.М. Социально-гигиенический анализ бюджетов времени пенсионеров крупного города. Автореферат диссертации канд. мед. наук. Киев: Киевский медицинский институт, 1980.

Москалец Г.М., Сачук Н.Н. Социально-гигиенические аспекты изучения образа жизни населения в пред- и пенсионном возрасте // III Всесоюзный съезд геронтологов и гериатров: Тез. и реф. докл. Киев, 1976. С. 24.

Панина Н.В. Возрастные особенности динамики образа жизни после прекращения трудовой деятельности // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Л.: Ленинградский государственный университет, 1984а. С. 87.

Панина Н.В. Духовные потребности пожилых людей: особенности формирования и критерии разумности // Філософська думка. 1984б. № 5. С. 16–28.

Панина Н.В. Жизненный путь личности (вопросы теории и методологии социально-психологического исследования). Киев: Наукова думка, 1987.

Панина Н.В. Подготовка к выходу на пенсию как условие адаптации к статусу пенсионера // Социологические исследования. 1979. № 3. С. 101–107.

Панина Н.В. Проблемы социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионеров. Автореферат диссертации канд. философ. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1980.

Панина Н.В. Роль санитарной и психологической подготовки в формировании рационального образа жизни в пенсионном возрасте // Вопросы геронтологии. Киев: Институт геронтологии АМН СССР, 1978. С. 80–86.

Панина Н.В., Сачук Н.Н. Старшее поколение в современной семье // Семья и общество. М.: Наука, 1982. С. 39–57.

Пиотровский Е. Изменившиеся представления о старости // 9-й Международный конгресс геронтологов. Доклады. Т. 1. Киев, 1972. С. 81–84.

Сачук Н.Н., Панина Н.В. Методические рекомендации по проведению комплексной подготовки к рациональному образу жизни в пенсионном периоде. Киев: Минздрав УССР, 1983.

- Социальная среда, образ жизни и старение. Киев: Институт геронтологии АМН СССР, 1970.
- Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В.А. Ядова. М.: Мысль, 1977.
- Стеженская Е.И., Сачук Н.Н. Демографические сдвиги в современном обществе и трудовая активность населения старших возрастов // Ведущие проблемы Советской геронтологии: материалы к IX международному конгрессу геронтологов. Т. 3. Киев, 1972. С. 258–261.
- Урланис Б.Ц. История одного поколения. М.: Мысль, 1968.
- Френкель З.Г. Удлинение жизни и активная старость. Л.: ГИУВ, 1945.
- Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
- Чеботарев Д.Ф., Сачук Н.С., Стеженская Е.Н. Социальные аспекты геронтологии в условиях научно-технической революции // Соревнование двух систем. Экономика социализма и всемирное хозяйство. М.: Наука, 1975. С. 216–232.
- Шапиро В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М.: Наука, 1983.
- Шапиро В.Д. Факторы занятости пенсионеров в общественном производстве: опыт социологического исследования. Автореферат диссертации канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1976а.
- Шапиро В.Д. Факторы трудовой активности пенсионеров // Социологические исследования. 1976б. № 1. С. 102–112.
- Шапиро В.Д. Человек на пенсии. М.: Мысль, 1980.
- Элите П. Труд имеющих право на пенсию // Пожилые люди в нашей стране. М.: Наука, 1977. С. 60–71.
- Янкова З. Советская женщина. Социальный портрет. М.: Политиздат, 1978.
- Ageing, the Body and the Gender Regime / Ed. by S. Pickard, J. Robinson. London: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429434952>
- Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240507000102>
- Cumming E., Henry W. Growing Old: The Process of Disengagement. N.Y.: Basic Books, 1961.
- Henry W. The Theory of Intrinsic Disengagement // Age with a Future / Ed. by P.F. Hansen. Philadelphia: F.A. Davis and Company, 1964.
- Hochschild A. Disengagement Theory: A Critique and Proposal // American Sociological Review. 1975. Vol. 40. № 5. P. 553–569. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094195>
- Krementsov N. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. N.Y.: Oxford University Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199992980.001.0001>
- Riley H. et al. Aging and Society: A Sociology of Age Stratification. Vol. 3. 3rd ed. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1972.
- Sokolov M. Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism // Serendipities. 2017. № 2. P. 183–212.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. Sociology in Russia: A Brief History. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-58085-2>

Сведения об авторе:

Здравомыслова Елена Андреевна — кандидат социологических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** zdrav@eu.spb.ru. **ПИНЦ Author ID:** 250505; **ORCID ID:** 0000-0001-7867-0221.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2021
Принята к публикации: 10.09.2021

Late Soviet Sociology about Old Age and Gender: There Were Theoretical Insights

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.3

Elena A. Zdravomyslova *European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia*
E-mail: zdrav@eu.spb.ru

The focus of the article is construction of old age and gender in the late Soviet sociology. The author is engaged in secondary analysis of the texts based on the empirical research conducted in the 1970s-1980s. The author argues that Soviet sociologists produced empirically based knowledge about Soviet elderly, which contradicted with ideological claims of the party state. Their texts were balancing between ideological loyalty and positivist knowledge. Researchers were well informed about international sociological discussion of the time: they criticized 'bourgeois' disengagement theory of ageing and hailed active ageing paradigm. Empirical studies confirmed however that the life of Soviet elderly was very different from the normative model of active ageing Soviet style. Not many aged citizens were engaged in social activities, most of them experienced shortage of contacts, loneliness and social exclusion. Biographical passage to retirement has been fearful and traumatic experience with lack of institutional help and family care as the preferred option. Men showed more vulnerability to the losses of retirement than women did who are claimed to be better adapted to the life outside paid job due to the Soviet gender contract. Thus, Soviet sociologists in fact were critical to the elderly care regime of the late-Soviet period, though expressed their criticisms in the veiled way under the disguise of the ideological clichés. Though Soviet sociological research was mostly policy oriented and is criticized for its 'theoretical poverty', the author argues that certain theoretical insights are fruitful and relevant for the current research on ageing in Russian society.

Keywords: soviet sociology; elderly; gender; aging; social constructivism; pensioners

References

- Acharkan V.A., Solov'ev A.G. (1975) *Rabotayushchie pensionery* [Working pensioners]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
- Aleksandrova M.D. (1974) *Problemy social'noj i psihologicheskoy gerontologii* [Problems of social and psychological gerontology]. Leningrad: Leningradskij universitet. (In Russ.)
- Burawoy M. (2005) For Public Sociology. *American Sociological Review*. Vol. 70. No. 1. P. 4–28. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240507000102>
- Chebotarev D.F., Sachuk N.S., Stezhenskaya E.N. (1975) Social'nye aspekty gerontologii v usloviyah nauchno-tekhnicheskoy revolyucii [Social aspects of gerontology in the context of the scientific and technological revolution]. *Sorevnovanie dvuh sistem. Ekonomika socializma i vsemirnoe hozyajstvo* [The competition of two systems. The economy of socialism and the world economy]. Moscow: Nauka. P. 216–232. (In Russ.)
- Cumming E., Henry W. (1961) *Growing Old: The Process of Disengagement*. N.Y.: Basic Books.
- Dmitriev A.V. (1980) *Social'nye problemy lyudej pozhilogo vozrasta* [Social problems of elderly people]. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Eglite P. (1977) Trud imeyushchih pravo na pensiyu [The work of those who are entitled to a pension]. *Pozhilye lyudi v nashej strane* [Elderly people in our country]. Moscow: Nauka. P. 60–71. (In Russ.)

Frenkel' Z.G. (1945) *Udlinenie zhizni i aktivnaya starost'* [Prolongation of life and active old age]. Leningrad: GIUV. (In Russ.)

Golovaha E.I. (1982) Svobodnoe vremya pensionerov i osobennosti ego ispol'zovaniya [Free time of pensioners and features of its use]. *Gerontologiya i geriatriya* [Gerontology and geriatrics]. Kiev: Institut gerontologii AMN SSSR. P. 32–59. (In Russ.)

Golovaha E.I., Panina N.V. (1989) Kriterii i principy razumnoj organizacii zhizni [Criteria and principles of a reasonable organization of life]. *Razumnaya organizaciya zhizni lichnosti: problemy vospitaniya i samoregulirovaniya* [Reasonable organization of personal life: problems of education and self-regulation]. Kiev: Naukova dumka. P. 88–104. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V. (1972) *Chelovek posle raboty* [A person after work]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V., Gruzdeva E.B. (1977) Etapy zhiznennogo cikla sem'i i byt rabotayushchih zhenshchin [Stages of the family life cycle and the life of working women]. *Izmenenie polozheniya zhenshchin i sem'ya* [Changing the status of women and the family]. Moscow: Nauka. P. 139–150. (In Russ.)

Grigoryeva I., Sizova I. (2018) Traektorii stareniya zhenshchin v sovremennoj Rossii [Aging Trajectories of Women in Modern Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 27. No. 2. P. 109–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>

Grushin B.A. (1967) *Svobodnoe vremya. Aktual'nye problem* [Free time. Current problems]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Grushin B.A. (1999) Gor'kij vkus nevestrebovannosti [The bitter taste of being unclaimed]. In: Batygin G.S. (ed.) *Rossijskaya sociologiya shestidesyatih godov* [Russian Sociology of the 60s]. Moscow: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut. P. 205–228. (In Russ.)

Henry W. (1964) The Theory of Intrinsic Disengagement. In: Hansen P.F. (ed.) *Age with a Future*. Philadelphia: F.A. Davis and Company.

Hochschild A. (1975) Disengagement Theory: A Critique and Proposal. *American Sociological Review*. Vol. 40. No. 5. P. 553–569. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094195>

Karsaevskaya T.V., Shatalov A.T. (1978) *Filosofskie problemy gerontologii* [Philosophical problems of gerontology]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Kharchev A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Kon I.S. (1978) Vozrastnye kategorii v naukah o cheloveke i obshchestve [Age categories in the sciences of man and society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 76–86. (In Russ.)

Kremontsov N. (2014) *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. N.Y.: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199992980.001.0001>

Lancev M.S. (1976) *Social'noe obespechenie v SSSR (ekonomicheskij aspekt)* [Social security in the USSR (economic aspect)]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Levinson A.G. (2005) Starost' kak institut [Old age as an institution]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 3. P. 18–29. (In Russ.)

Moskalets G.M. (1980) *Social'no-gigienicheskij analiz byudzheto vremeni pensionerov krupnogo goroda* [Social and hygienic analysis of the time budgets of pensioners of a large city]. Avtoreferat dissertacii kand. med. nauk [Abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences]. Kiev: Kievskij medicinskij institut. (In Russ.)

Moskalets G.M., Sachuk N.N. (1976) Social'no-gigienicheskie aspekty izucheniya obraza zhizni naseleniya v pred- i pensionnom vozraste [Socio-hygienic aspects of studying the lifestyle of the population in pre- and retirement age]. *III Vsesoyuznyj s'ezd gerontologov i geriatrov: Tez. i ref. dokl.* [III All-Union Congress of Gerontologists and Geriatricians: Theses and abstracts of reports]. Kiev. P. 24. (In Russ.)

Panina N.V. (1978) Rol' sanitarnoj i psihologicheskoy podgotovki v formirovanii racional'nogo obraza zhizni v pensionnom vozraste [The role of sanitary and psychological training in the formation of a rational lifestyle in retirement age]. *Voprosy gerontologii* [Questions of gerontology]. Kiev: Institut gerontologii AMN SSSR. P. 80–86. (In Russ.)

Panina N.V. (1979) Podgotovka k vyhodu na pensiyu kak uslovie adaptacii k statusu pensionera [Preparation for retirement as a condition for adaptation to the status of a pensioner]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 101–107. (In Russ.)

Panina N.V. (1980) *Problemy social'noj adaptacii pozhilyh lyudej k statusu pensionerov* [Problems of social adaptation of elderly people to the status of pensioners]. Avtoreferat dissertacii kand. filosof. nauk [Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophy]. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

Panina N.V. (1984a) Duhovnye potrebnosti pozhilyh lyudej: osobennosti formirovaniya i kriterii razumnosti [Spiritual needs of the elderly: features of formation and criteria of reasonableness]. *Filosofs'ka dumka* [Philosophical thought]. No. 5. P. 16–28. (In Russ.)

Panina N.V. (1984b) Vozrastnye osobennosti dinamiki obraza zhizni posle prekrashcheniya trudovoj deyatelnosti [Age-related features of lifestyle dynamics after termination of employment]. *Sovremennye problemy prikladnoj sociologii i social'noj psihologii v trudovyh kolektivah* [Modern problems of applied sociology and social psychology in labor collectives]. Leningrad: Leningradskij gosudarstvennyj universitet. P. 87. (In Russ.)

Panina N.V. (1987) *Zhiznennyj put' lichnosti (voprosy teorii i metodologii social'no-psihologicheskogo issledovaniya)* [The life path of the individual (questions of the theory and methodology of socio-psychological research)]. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.)

Panina N.V., Sachuk N.N. (1982) Starshee pokolenie v sovremennoj sem'e [The older generation in the modern family]. *Sem'ya i obshchestvo* [Family and society]. Moscow: Nauka. P. 39–57. (In Russ.)

Pickard S., Robinson J. (eds.) (2019) *Ageing, the Body and the Gender Regime*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429434952>

Piotrovskij E. (1972) Izmenivshiesya predstavleniya o starosti [Changed ideas about old age]. 9-j *Mezhdunarodnyj kongress gerontologov. Doklady* [The 9th International Congress of Gerontologists. Reports]. Vol. 1. Kiev. P. 81–84. (In Russ.)

Riley H. et al. (1972) *Aging and Society: A Sociology of Age Stratification*. Vol. 3. 3rd ed. N.Y.: Russell Sage Foundation.

Sachuk N.N., Panina N.V. (1983) *Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu kompleksnoj podgotovki k racional'nomu obrazu zhizni v pensionnom periode* [Methodological recommendations for conducting comprehensive preparation for a rational lifestyle in the retirement period]. Kiev: Minzdrav USSR. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1976a) Faktory trudovoj aktivnosti pensionerov [Factors of labor activity of pensioners]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 102–112. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1976b) *Faktory zanyatosti pensionerov v obshchestvennom proizvodstve: opyt sociologicheskogo issledovaniya* [Factors of employment of pensioners in public production: the experience of a sociological study]. Avtoreferat dissertacii kand. filosof. nauk [Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophy]. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1980) *Chelovek na pensii* [A retired person]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1983) *Social'naya aktivnost' pozhilyh lyudej v SSSR* [Social activity of elderly people in the USSR]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Social'naya sreda, obraz zhizni i starenie [Social environment, lifestyle and aging] (1970) Kiev: Institut gerontologii AMN SSSR. (In Russ.)

Sokolov M. (2017) Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism. *Serendipities*. No. 2. P. 183–212.

Stezhenskaya E.I., Sachuk N.N. (1972) Demograficheskie sdvigi v sovremennom obshchestve i trudovaya aktivnost' naseleniya starshih vozrastov [Demographic shifts in modern society and labor activity of the older population]. *Vedushchie problemy Sovetskoy gerontologii: materialy k IX*

mezhdunarodnomu kongressu gerontologov [Leading problems of Soviet gerontology: materials for the IX International Congress of Gerontologists]. Vol. 3. Kiev. P. 258–261. (In Russ.)

Titarenko L., Zdravomyslova E. (2017) *Sociology in Russia: A Brief History*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-58085-2>

Urlanis B.C. (1968) *Istoriya odnogo pokoleniya* [The history of one generation]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Valentej D.I. (1977) Lyudi "tret'ego vozrasta" [People of the "third age"]. *Pozhilye lyudi v nashej strane* [Elderly people in our country]. Moscow: Nauka. P. 10–17. (In Russ.)

Yadov V.A. (ed.) (1977) *Social'no-psihologicheskij portret inzhenera* [Socio-psychological portrait of an engineer]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Yankova Z. (1978) *Sovetskaya zhenshchina. Social'nyj portret* [A Soviet woman. Social profile]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Author bio:

Elena A. Zdravomyslova — Candidate of Sociology, Professor, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** zdrav@eu.spb.ru. **RSCI Author ID:** 250505; **ORCID ID:** 0000-0001-7867-0221.

Received: 13.06.2021

Accepted: 10.09.2021

На пути к женскому гражданству в России: 1860-е – 1917 год

DOI: [10.19181/inter.2021.13.3.4](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.4)

Ссылка для цитирования:

Юкина И.И. На пути к женскому гражданству в России: 1860-е — 1917 год // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.4>

For citation:

Yukina I.I. (2021) On the Way to Women's Citizenship in Russia: the 1860s-1917. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.4>

Юкина Ирина Игоревна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: irinayukina@gmail.com

В статье предпринята попытка рассмотреть развитие российского женского гражданства с позиций теории гражданства и описать основные направления и вехи его становления на отечественном историческом материале. В статье доказывается, что ключевыми субъектами формирования женского гражданства, с одной стороны, было женское, феминистское, суфражистское движение, которое ставило перед властью проблемы своей социальной (гендерной) группы и добивалось их решения, с другой стороны — «широкие женские массы», то есть женщины различных сословий и социальных групп, которые, меняя свои каждодневные практики, фактически расширяли свои гражданские права и обязанности. История женщин России как историческая дисциплина за последние годы накопила значительный фактический материал о различных сторонах жизни россиянок, что сделало возможным подобный историко-социологический анализ феномена женского гражданства в России.

Ключевые слова: женское гражданство; личные гражданские права; политические права; социальные права; социальный статус; женское, феминистское, суфражистское движение; гражданство как статус; гражданство как участие; гражданство как солидарность

1. Женское гражданство: теоретические подходы к изучению

Нира Юваль-Девис в своей известной книге «Гендер и нация» писала, что задача выработать теорию гражданства «несексистскую, нерасистскую, незападноцентристскую, но достаточно гибкую, чтобы реагировать на далеко идущие изменения в глобальном порядке или беспорядке» [Юваль-Девис, 2001: 154], наталкивается на барьер, который она обозначила, процитировав Мелани Филипс: «существует огромная потребность в понимании гражданства, хотя никто не обладает необходимым знанием для этого понятия» [Юваль-Девис, 2001: 120]. Пессимизм Мелани Филипс и Ниры Юваль-Девис понятен: категория гражданства пластичная, меняющаяся, переопределяющаяся, и вновь и вновь наполняющаяся новыми смыслами и выявляющая все новые грани неравенства. Сегодня в науке используются такие понятия, как «гендерное гражданство», «женское гражданство», «сексуализированное гражданство», а дефиниции «гендер», «этничность», «класс», «сексуальность», «возраст» стали важными в концептуализации неравенства и социальных иерархий.

Исторические и социологические исследования установили, что отношения мужчин и женщин с государством, гражданами которого они являются, строятся по-разному, и сегодня во многих странах гражданский статус мужчин и женщин различается даже в правовом смысле. В связи с этим возникают вопросы: что такое женское гражданство? Как оно формируется? Когда начался этот процесс? Кто его акторы? Как это происходило в России?

Вопрос упирается в понимание собственно феномена гражданства. Если рассматривать «гражданство» как определенный набор прав, которыми обладают граждане, и соответствующий им статус, то эта оптика позволяет констатировать, что женщины во всех «цивилизованных» странах до определенного времени обладали законодательно гораздо меньшим объемом прав, имели более низкий статус, чем мужчины, и не рассматривались в качестве полноценных политических субъектов. Их позиции в обществе опосредовались статусом жены, дочери, матери, сестры. В этом случае женское гражданство — это наличие у женщин субъектности и собственного статуса полноценного члена общества, а не статуса, определенного родом или семьей.

Основоположником понимания гражданства как набора прав и статуса является Т.Х. Маршалл, который изучал феномен гражданства в рамках исторических исследований. Гендерная рефлексия не была присуща Маршаллу, эту оптику применяли более поздние исследователи, опираясь на его теорию гражданства. «Начала» гражданства Маршалл отсчитывал с XVIII века — со старта капиталистической модернизации в Европе. Гражданство в его концепции это — формальный статус, который дает индивиду некоторый набор прав, признанных в данном сообществе «нормальными», и который сообщает ему «полноценность» членства в данном политическом сообществе [Marshall, 1964: 84]. Согласно модели Маршалла, круг индивидов, получавших права граждан, постепенно расширялся, как и тип прав, которые они получали.

Именно в ходе модернизации индивидум обретал личные гражданские, политические и социальные права. Маршалл описал эти права.

Гражданские права — это индивидуальные права и свободы, включавшие в себя личную свободу индивида — свободу передвижения, слова, мысли, вероисповедания, право собственности, право заключать договоры, право на правосудие. Политические права, политическое гражданство дает право участия в политической жизни государства в качестве избирателя, члена политической организации, партии. Социальные права, социальное гражданство у Маршалла означало право жить по стандартам, преобладающим в обществе, право на обязательный минимум экономического благосостояния, то есть доступ к образованию, здравоохранению, социальной защите. Реализуются гражданские права посредством соответствующих социальных институтов, через которые государство обеспечивает гражданам данного сообщества более или менее равные возможности пользования правами. Поэтому гражданство у Т.Х. Маршалла пассивно, имеет клиентелистский оттенок.

Ответ на вопрос, как происходило получение гражданства, дали другие исследователи. «Деятельностный» подход Б.С. Тернера [Turner, 1990] предполагает понимание гражданства не только как действия государства по определению прав и обязанностей граждан, но и действия самих граждан, их взаимоотношения с государством по поводу своих прав. С одной стороны, гражданин является получателем прав, гарантированных социальным договором, — пассивное гражданство. С другой стороны, он добивается прав и гарантий, их реализации через участие в коллективных действиях — активное гражданство. Одновременно с этим граждане, объединенные общими моральными ценностями, взаимной поддержкой и солидарностью, не просто борются за обладание некими правами и свободами, но вырабатывают свои представления об «общем благе», о «гражданских добродетелях» и желают участвовать в их создании и реализации, создают новые социальные практики. В рамках этого подхода возникли такие аналитические категории, как гражданство как статус, гражданство как участие, гражданство как солидарность и др.

Феминистские исследователи внесли свой вклад в анализ гражданства. Они доказали, что гражданство является гендерно-маркированной категорией. «Дифференцированный» подход, примененный феминистскими исследовательницами, обнаружил противоречие между равными правами всех индивидов и особыми правами женщин. Государство, конструируя гражданство женщин, выделяет их в особую категорию граждан, вменяя им в обязанность биологическое воспроизводство нации и зачастую ограничивая их в других правах. Инструментом служит экономическая, социальная, демографическая политика государства. Поэтому гражданские права женщин связаны с семьей, деторождением и, неизбежно, с проблемой совмещения различных видов своих гражданских прав. Таким образом, делается вывод, что женское гражданство другое, у него другая траектория развития, оно определяется политикой государства в отношении женщин как большой социальной группы, идеологией воспроизводства нации (биологического и культурного), поддерживается нормирующими суждениями и связанными

с ними социальными практиками [Здравомыслова, 2009]. Гражданство стало рассматриваться и как статус, и как средство включения индивида в сообщество, и как участие в создании «общего блага», и как совокупность практик, и как идентичность [Skijeie, Siim, 2000].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что женское гражданство — это набор личных, экономических, социальных и политических прав и обязанностей, которые, согласно принятому в данном обществе социальному контракту, государство предоставляет женщинам как социальной группе, и тот статус, который эти права и обязанности определяют.

2. «Начала» женского гражданства в России

Правовое положение женщин в Российской империи, как и женщин других стран Европы и Америки в XIX веке, характеризовалось юридическим и фактическим неравенством, которое строилось на концепции неравенства женщин и мужчин, пришедшей из римского права. Неравноправие мужчин и женщин было правовой нормой, поддерживалось представлениями о женщинах, самоопределением (идентичностью) самих женщин и реализовывалось в соответствующих социальных практиках. Государственная гендерная идеология включала в себя идею о «природной слабости» женщин и их зависимости от мужчин. Нравственным основанием этого подхода выступало христианское вероучение, согласно которому жена сотворена после мужа — создана для мужа как помощница, «подобная ему». В научной среде господствовали теории, утверждавшие, что женщины не только физически, но и умственно слабее мужчин; их воля, рациональность и потребность в свободе отрицались.

Проблема женского гражданства в России была поднята в годы Великих реформ (1860-1870-е) как часть общего модернизационного проекта, включавшего в себя обсуждение вопроса о гражданских правах и обязанностях подданных империи. Реформы затронули все сферы жизни. Накопленная энергия общества высвободилась, как распрямляющаяся сжатая пружина. Критике, обсуждению и пересмотру подвергались едва ли не все установления и представления, формировались новые ценности (всесословность, равенство перед законом, право на правосудие, на защиту в суде, на общественные инициативы и др.), новые нормы поведения и новые социальные практики. «Все пошло в переборку» — говорили в то время. Образованные женщины, преимущественно дворянского сословия, почувствовали вызов времени и так же, как мужчины, пожелали участвовать в обновлении страны. Одновременно с этим они озвучили проблемы своей социальной группы, а именно отсутствие личной свободы, зависимое положение женщины в семье, отсутствие права на профессиональное образование и профессиональную занятость. Весь этот комплекс проблем вошел в публичный дискурс под названием «женский вопрос». Женщины потребовали себе «человеческих» прав, то есть, по факту, мужских прав. Собственно, с этого момента начался поход

за женским гражданством — за женской субъектностью и за собственным социальным статусом, не опосредованным статусом отца, супруга, наличием или отсутствием последнего.

3. Личные права женщин в Российской империи в XIX веке

Правовое положение женщин закреплялось не только в нормах частного и публичного права, но и в правовых обычаях, которые оказали существенное влияние на жизнь женщин. Крестьянство вообще жило по законам «обычного права», привилегированные сословия — по «писаному праву».

Прежде всего, женщины были ограничены в личных правах. Здесь важно отметить, что законодательство Российской империи не было одинаковым для всей страны. Набор прав и обязанностей формировался в зависимости от сословной, конфессиональной принадлежности женщины и от места ее проживания. Например, западные регионы в силу исторических причин находились под сильным влиянием Гражданского кодекса Наполеона (1804), который жестко ограничивал права женщин.

Сословная принадлежность женщины определяла набор ее прав. Например, женщины привилегированных сословий по сравнению с женщинами непривилегированных обладали правом имущественной самостоятельности, что позволяло им заниматься благотворительностью, предпринимательской деятельностью и даже иметь больше прав, находясь под стражей. Права замужних и незамужних женщин также различались, а конфессиональная принадлежность женщины отражалась в тонкостях законодательства, особенно в вопросах брака и еще более — развода.

Самый сильный разрыв в юридической неравноправности женщин с мужчинами был «паспортный», то есть в получении собственного удостоверения личности или вида на жительство. Мужчины получали бессрочные паспорта в 21 год. Кроме того, у них могли быть другие документы, удостоверяющих личность (например, указ о принятии на службу выступал как вид на жительство). Мужской паспорт носил семейный характер — в нем содержались сведения о жене и несовершеннолетних детях. Женщина вписывалась в паспорт мужа наравне с детьми, и только с согласия супруга могла получить отдельный вид на жительство. Незамужняя женщина — с разрешения отца. Очень часто женщину выписывали из паспорта отца и вписывали в паспорт мужа. Если она уже имела отдельный вид на жительство, то перед венчанием он изымался и оставался на хранении в церкви среди документов о бракосочетании. В случае нахождения без мужа женщине полагалось иметь свой отдельный вид на жительство, выданный либо в полиции, либо по месту службы мужа, и всегда с его согласия и на срок, который он определил [Веремченко, 2007]. Таким образом, свобода передвижения женщин была сильно ограничена.

Поступать на работу и учебу замужняя женщина могла только с письменного разрешения мужа, незамужняя — с разрешения родителей, опекунов. И здесь паспортные ограничения также служили серьезным препятствием.

Семейное законодательство Российской империи основой брака устанавливало институт власти мужа и его статус главы семьи, что делегировало супругу реальные властные права над женой и детьми. Личные права и обязанности супругов в Своде законов были записаны, скорее, в виде нравственных постулатов, чем юридических требований. Муж был обязан «любить свою жену как собственное тело, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки». От жены требовалось «повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании» [Женщина в праве, 1895: 91–92]. Но при этом ограничения в личных правах замужних женщин были реальные. Кроме уже упомянутых паспортных ограничений, женщины не могли без согласия своих мужей заключать договор личного найма, поступать на службу, в учебные заведения, участвовать в гражданском процессе, защищая свои права, уезжать без согласия мужа, выписывать векселя и принимать по ним ответственность, если не производили торговли от своего имени. Жена была обязана проживать совместно с мужем, следовать за ним, и супруг имел право принудительно вернуть жену при помощи полиции, если последняя уехала без его разрешения. Институт отеческой власти устанавливал преимущественное право отца в воспитании детей, избрания для них образа жизни, в управлении и пользовании имуществом несовершеннолетних детей, а также представлении детей во всех делах.

Вступление в брак с человеком более высокого сословия давало женщине повышение ее социального и правового статуса. В соответствии с законом, жена имела право на все права и преимущества мужа, сопряженные с его состоянием, чином или званием, которое она сохраняла и во вдовстве, и при разводе. Жена именовалась по званию своего мужа и не теряла данного права, даже если муж по приговору суда лишался прав состояния [Верременко, 2007].

В отличие от западноевропейских законов, по которым брак создавал общую собственность супругов под управлением мужа, российское гражданское право закрепляло принцип раздельного владения имуществом супругами. Исключение составляли западные регионы империи, в которых под влиянием Кодекса Наполеона действовали нормы, ограничивающие права женщин в пользу мужа. Но женщины были существенно ущемлены в наследственных правах. Ближайшее право наследования после родителей принадлежало сыновьям, дочерям полагалась меньшая доля наследства — 1/8 в движимом и 1/14 в недвижимом имуществе. При отсутствии сыновей сестры делили между собой имущество родителей в равных долях. По боковым линиям — от теток, дядьев и других родственников — сестры при наличии братьев вообще не получали ничего [Женщина в праве, 1895: 100].

Даже несмотря на наличие широких (по меркам XIX века) имущественных прав, многие женщины в повседневной жизни руководствовались традиционными моделями поведения.

Реформистские 1860-е годы не принесли женщинам никаких прав. Их гражданский статус, т.е. женское гражданство, определялся опосредовано через статус жены, дочери, сестры, и полноценным субъектом они не признавались. Реформы реализовывались мужчинами-политиками в мужском публичном пространстве, и их бенефициарами были мужчины. Претензии женщин на участие в публичной жизни общества, на расширение своих прав разбивались о привычные мыслительные схемы и представления о ролях, обязанностях, «врожденных» качествах и способностях женщин, жизнь которых должна была протекать, согласно официальной идеологии, в лоне семьи под контролем мужчин, без каких-либо собственных достиженческих целей в публичной сфере.

Но женщины образованных групп желали чувствовать себя полноценными членами общества, участвовать в «современных тенденциях», то есть в создании общего блага. Их так и называли — «женщинами с тенденциями», позднее «новыми женщинами». Прежде всего, это были женщины элитарных, влиятельных групп — дворянки, горожанки, имеющие по факту больше возможностей, материальных и нематериальных ресурсов — времени, знаний, связей и т.д. Их не устраивал тот гражданский статус, который они имели в силу своей «половой принадлежности». Им хватило образования, амбиций, политической воли, понимания ситуации в стране для борьбы за свою «полноценность». Они стали расширять пространство женских гражданских прав, формировать женские «гражданские добродетели» на основе представлений об особом женском милосердии и врожденной женской доброте. Начали они с благотворительных проектов в пользу различных групп населения, таких как «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» (1859) или «Общество распространения полезных книг Московского дамского общества» (1861). Но довольно быстро они переключились на поддержание своей гендерной группы — женщин. По сути, это были рациональные практики формирования женской гражданской идентичности, женского гражданства, то есть обретения гражданства через собственную деятельность — гражданство как участие, и его коллективным актором стало зародившееся женское движение.

Безусловно, никто из организаторш женского движения в поздние 1850-е и 1860-е годы не оперировал понятием «гражданство», но они опирались на центральную идею гражданства — права каждого индивида (в том числе женщин) на определенный набор «человеческих» прав (в данном случае равных мужским) и признание этих прав данным сообществом «нормальными». Другой важной идеей движения была идея о ценности женской личности, о ее особых качествах, необходимых обществу, таких как милосердие, сострадание, честность, трудолюбие и др., которые мыслились как имплицитно присущие женщине. Ценность женщины как нового социального актора, раскрытие ее

потенциальных возможностей в интересах самой женщины и всего общества — основные константы зарождающейся идеологии движения за права женщин, противостоящей официальной идеологии.

4. Право на труд

Первой проблемой, которая встала перед россиянками в динамично меняющемся российском обществе, была проблема оплачиваемой занятости в общественном производстве, то есть право на труд. Поход за экономическим гражданством начался в силу очевидных причин — многие дворянки остались без средств к существованию. Обеднение дворянства в результате реформ с особой остротой поставило проблему хлеба насущного именно перед женщинами дворянского сословия. Им, в отличие от мужчин, путь в любые сферы занятости, кроме крестьянского, фабричного труда и проституции, был закрыт. Это означало, что оплачиваемая женская занятость была возможна только с катастрофическим понижением статуса, собственно, с гражданской смертью. Проблема еще состояла в том, что любая занятость женщин привилегированных сословий в общественном производстве рассматривалась в российском обществе как понижение их статуса. Это отношение к занятости женщин преодолевалось с трудом и самими женщинами. М.Н. Вернадская¹ со страниц «Экономического вестника» призывала современниц идти в торговлю, журналистику, педагогику, сельское хозяйство и утверждала, что «в одном труде истинная свобода женщины» [М.В., 1858: 911]. Ей активно возражали. Публицист А. Пальховский, например, пенял Вернадской, что женщины таким образом «нарушат законы природы, правящие их нравственно-физическим организмом» [Пальховский, 1858: 501]. Л.Н. Толстой прямо демонстрировал мужскую заинтересованность в женском репродуктивном и сексуальном труде: «Отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина <...> никакой надобности нет придумывать исход для отрожавших и не нашедших мужа женщин: на этих женщин без контор, кафедр и телеграфов всегда есть и было требование, превышающее предложение. Повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщины» [Толстой, 1984: 686].

Претензии женщин на оплачиваемую занятость, даже в силу экономической необходимости, раздражали и пугали. На этих женщин оказывалось сильное психологическое давление, их поведение оценивалось как «неприличное». Например, одна из основательниц женского движения, известная впоследствии переводчица Анна Николаевна Энгельгардт в 1862 году встала за конторку книжного магазина на Невском проспекте. «Помню, как Петербург был изумлен, — писал современник. — Когда в магазине Серно-Соловьевича явилась за прилавком молодая красивая женщина в синих очках. <...> Встать женщине за прилавок было тогда так же необыкновенно, как лицеисту, служащему

¹ Мария Николаевна Вернадская (1831–1860) — первая женщина-экономист в России, сотрудница журнала «Экономический указатель».

в Государственном совете, сделаться купцом. <...> Но тогда и стояние за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отрешением от сословности и предрассудков, прав рождения. А чтобы выступить с таким протестом, требовался не только смелый энергичный ум, но и смелый и энергичный характер» [Шелгунов и др., 1967: 134]. Добавим, что для супруга Анны Энгельгардт артиллерийского офицера Александра Николаевича Энгельгардта работа жены стоила офицерского суда чести по обвинению в недостаточном материальном обеспечении семьи и принуждении жены к работе. Одобряемое женское поведение не предполагало деятельности в публичной сфере, самостоятельности, не имело достиженческой компоненты.

Претензии «новых женщин» поддержали так называемые «печальники женского вопроса» — разного рода «прогрессисты» от умеренных до радикальных. Один из «печальников» — историк и публицист С.С. Шашков — так описывал консервативный лагерь, выступавший против новых женских требований: в авангарде — духовенство, вторую колонну составляет «тяжелая артиллерия статуты, уложений, сводов законов и кодексов», далее следуют представители науки — юристы, естественники, политэкономы, историки, а за ними «волнуется пестрая толпа обывателей всех стран и народов» [Шашков, 1871: 335].

Государство, со своей стороны, пыталось снизить остроту экономических проблем определенных категорий дворянок — вдов, незамужних девиц. Но делалось это в рамках концепции физической и умственной «недостаточности» женщин и приличествующих им ролей и моделей поведения. Открытие приютов и богаделен, учреждение пенсий для «благородных вдов» и т.д., ситуацию, разумеется, не изменили. Инициативы женских организаций по созданию рабочих мест для женщин, несмотря на их малочисленность, давали образец женской самозанятости и женской солидарности, что пугало власть. Так, учредительницам Женской издательской артели было отказано в регистрации (1862 г.) именно на том основании, что в артель входили одни женщины. В итоге артель зарегистрировали как частное предприятие Н.В. Стасовой и М.В. Трубниковой, что российское законодательство позволяло. Это было деятельное расширение и освоение экономических прав женщинами при помощи взаимной поддержки, то есть гражданство создавалось как солидарность.

Экономическая целесообразность работала на женщин, и в 1864 году императорским указом в Великом княжестве Финляндском женщины были допущены на телеграфную службу в виде опыта на три года и с ограничением в жаловании (не более 300 рублей в год). В первую очередь это было связано с нехваткой телеграфистов, знающих русский язык, но практически сразу эта практика была перенесена в русские губернии.

Власть металась, выработывая политику в отношении женщин и женской занятости, то делая шаг вперед, принимая во внимание изменившуюся экономическую ситуацию, то отступая назад. 14 января 1871 года Александр II подписал указ «О допущении женщин на службу в общественные

и правительственные учреждения». На основании этого указа женщины могли работать по телеграфному ведомству, в медицинских учреждениях (акушерками, сестрами милосердия), в образовательной сфере (учительницами младших классов женских гимназий, классными дамами, гувернантками), их стали принимать конторщицами, переписчицами и на другие низшие обслуживающие должности. Пользуясь предоставленными возможностями, женщины буквально «просачивались» во всевозможные учреждения на различные позиции, стремясь расширить их спектр. В том числе они пошли в частные поверенные, так как для этого не требовалось юридическое образование. Но 30 апреля 1875 года министр юстиции К.И. Пален издал циркуляр, который запрещал судебным учреждениям выписывать женщинам лицензии на право «хождения по чужим делам». Это противоречило указу императора 1871 года, на что Сенат указал министру. 7 января 1876 года последовал другой императорский указ «О неприменении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», прямо запретивший женщинам быть частными поверенными, а Учреждение судебных установлений (закон о судоустройстве) дополнилось ст. 406/19, гласившей, что «Женщины не могут получать звание частного поверенного по судебным делам» [Крестьянников, 2020: 39]. С этим были не согласны многие государственные мужи. Комиссия министра юстиции Н.В. Муравьева по пересмотру Судебных уставов в 1894-1899 гг. пыталась дать женщинам право выступать частными поверенными и частными ходатаями без образовательного ценза. Член Комиссии сенатор Н.Н. Мясоедов поддерживал право женщин на профессию частного поверенного, но поправка в законодательство так и не была внесена. На практике женщины продолжали выступать защитниками, но только по доверенности от подсудимого («адвокаты ad hoc»), так как ст. 406/19 запрещала им быть частными поверенными, но не защитниками по доверенности от подсудимого. Судебные чиновники смотрели на это сквозь пальцы, так как, с одной стороны, адвокатов не хватало, а с другой — судебные уставы позволяли «в отдельных случаях» «защиту в органах правосудия чужих прав на непрофессиональной основе», и пол такого защитника не был оговорен [Решетников, 2012: 181].

Женщины боролись за свое право на адвокатуру почти 50 лет. Невозможно коротко описать все виды деятельности, победы, поражения, удачи и разочарования на этом пути. Адвокатессы сотрудничали с феминистскими организациями, создавали в них свои подотделы, подавали петиции, давали бесплатные консультации женщинам, участвовали в феминистских акциях, например в ревизии свода законов Российской империи в отношении прав женщин для I Государственной Думы. Одновременно с этим они добивались открытия юридических факультетов на высших женских курсах, допуска женщин в качестве вольнослушательниц на юридические факультеты в университетах, разработали законопроект «О допущении лиц женского пола в число присяжных и частных поверенных». Законопроект был передан в комиссию судебных реформ 1 мая 1911 г., разослан 300 членам Государственной Думы и 24 января 1912 г. одобрен Думой. После чего он был передан на утверждение в Государственный совет, где в ходе слушаний 23-24 января

1913 г. успешно отклонен. После отказа Госсовета женщины-юристки приняли решение работать дальше «вплоть до получения положительного решения» [Отчет Московского отдела..., 1913: 23], которое было получено только в 1917 году. Постановление Временного правительства «О допущении женщины к ведению чужих дел в судебных установлениях» от 1 июня 1917 г. открыло им право на профессию адвоката на равных с мужчинами основаниях.

Аналогичная борьба велась в каждой профессии, каждая позиция приобреталась в результате долгой кропотливой работы с законодателем, с лицами, принимающими решения, через влияние на общественное мнение, утверждение новых представлений о женщинах, подтвержденных новыми массовыми женскими практиками и солидарными действиями. Право на труд, на пенсию, на равную оплату за равный труд, на статусные позиции в своей профессии — все это достигалось в ходе многолетней работы. Экономическое гражданство было получено только благодаря деятельному участию и солидарности.

5. Право на образование

Главным препятствием на пути женщин к профессиональной занятости в «интеллигентных» профессиях и к экономической независимости были не только представления об ограниченности их природных возможностей, о приличном и неприличном женском поведении, но и отсутствие доступа к профессиональному образованию.

Право на образование обычно относят к социальным элементам гражданства, но можно отнести и к личным правам, как право на самореализацию, образ мысли и жизни, и к экономическим правам, как обязательное условие занятости. В XIX веке право на образование более уместно отнести именно к экономическому гражданству как важной составляющей в борьбе за право на труд. Желание достичь профессионального статуса, стать представительницей образованного интеллигентного (среднего) класса с достойной оплатой своего труда, не скатиться в низшие слои с потерей статуса, полученного при рождении, сформировали требование женщин на доступ к высшему образованию.

Борьба за высшее образование — еще один образец реализации женского гражданства как участия и как солидарности. Получению высшего образования препятствовали отсутствие личных прав (на свободу передвижения, на получение паспорта, письменное разрешение родителей/супруга на учебу) и отсутствие доступа к университету. Закон о высшем образовании и университетский устав были гендерно нейтральными, поэтому появление в 1859 году в стенах университетов женщин в качестве вольнослушательниц было правомерным. Но это был вызов, нарушение конвенций. Поэтому неудивительно, что новый университетский устав (1864 г.) прямо запретил женщинам быть вольнослушательницами. В 1864 году последние «незванные гости университетов» были изгнаны из Санкт-Петербургского университета и

Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. Высшее образование юридически стало мужской привилегией. Пришлось создавать собственную систему женских университетов в виде Высших женских курсов, которые, после продолжительной борьбы, были разрешены в университетских городах под ответственность одного из местных профессоров. Разного рода женские курсы давали возможность женщинам получить высшее образование — система Высших женских курсов с университетской программой, Женские врачебные курсы, Высшие женские педагогические курсы, Высшие женские политехнические курсы, Высшие женские сельскохозяйственные курсы, юридические, естественно-научные, богословские и т.д. Но их выпускные свидетельства не приравнивались к университетским дипломам и ставили женщин в позицию аутсайдеров на рынке труда.

На протестной волне 1905 года правительство позволило вольнослушательницам сесть на студенческую скамью в университетах, а в 1908, после спада протеста, их опять попросили на выход. Только в 1915 году произошло уравнивание Высших женских курсов с мужскими университетами. В стране к тому времени насчитывалось 28 специальных высших заведений для женщин, созданных «общественностью» [Женский вестник, 1915: 198]. В 1917 году из 59 негосударственных высших учебных заведений 30 предназначались для женщин, 27 для лиц обоего пола и 2 для мужчин [Иванов, 1991: 396].

Известный философ, историк и политический деятель Ф.А. Степун ярко описал этот женский путь к образованию: «Упорство, с которым дочери московской и петербургской знати, а впоследствии и “кухаркины дети” пробивали себе путь к высшему образованию, носило характер подлинного героизма» [Степун, 1956: 264].

6. Репродуктивные права

Следующей важной ступенью на пути к полноценному гражданству стало требование права на репродуктивный выбор. В данный исторический период это право логично рассматривать как личное, а не социальное право женщин, прежде всего потому, что никакой социальной поддержки материнства на уровне государства не было, только частные благотворительные инициативы. Риторика и аргументация на тему контрацепции и аборта строилась именно вокруг гражданских прав женщин. Женщина, рожавшая 8-10 раз, фактически исключалась из экономической, культурной и общественной жизни, ее жизнь сводилась к беременностям, родам, уходу за детьми. Равноправки — участницы женского движения — рассматривали право на аборт и контрацепцию именно с позиции социального исключения женщины. Стоит ли говорить, что церковь, официальная идеология категорически отрицали саму возможность репродуктивного выбора женщин?

В решении этой проблемы у женщин в союзниках оказались врачи и юристы. По российскому законодательству аборт был уголовно наказуем и для врачей, и для женщин. Для врачей аборт был уголовно наказуем без всяких

исключений, ст. 100 Уложения о наказаниях освобождала от ответственности в «крайних случаях» только женщину [Либерман, 1914: 149]. Уголовное преследование не стало заградительным барьером — на рубеже веков распространение нелегального аборта шло быстрыми темпами. К нему обращались женщины всех классов и состояний. Врачи и правоведы говорили о «громком распространении искусственного выкидыша» [Гиммельфарб, 1914: 145], об «эпидемии искусственных выкидышей» [Труды XI Пироговского..., 1913: 216]. «И светская дама <...> и проститутка, и горничная, и фабричная работница <...> совершают одни преступления» [Мандельштам, 1914: 136]. Таким образом, официальная идеология и нормативные акты радикально расходись с массовым репродуктивным поведением женщин.

Врачи производили аборт либо в экстренных случаях — при угрозе жизни женщины, либо в «исключительных» случаях, то есть под давлением женщин, либо спасали женщин после неудачных криминальных абортов. Юристы, со своей стороны, фиксировали снисходительное отношение к «искусственному выкидышу» как населения, так и присяжных. По некоторым оценкам, дела о производстве аборта доходили до суда в менее чем 1% случаев, и не менее 75% получали оправдательный вердикт присяжных [Либерман, 1914: 152]. Правоведы, наряду с врачами, выступали за то, чтобы сделать законодательство в вопросе преследования за «искусственный выкидыш» более отвечающим реалиям жизни.

В дискуссиях об абортах на Пироговских съездах¹ активное участие принимали женщины-врачи, в большинстве своем выступавшие за их легализацию. Так, врач Императорского СПб родильного дома К.Н. Бронникова призывала Пироговский съезд «ясно и определенно сказать, что он считает женщину *свободной личностью, имеющей все права таковой* (курсив — И.Ю.) на свою судьбу, и в частности в вопросе о детях, и добиваться изменения законодательства в смысле полной ненаказуемости аборта» [Двенадцатый..., 1913: 212]. О.П. Пирожкова (Московская городская больница): «Выход может быть только один: предоставить женщине полную свободу распоряжаться самою собою» [Пирожкова, 1911: 107].

Сторонники декриминализации аборта подчеркивали именно гражданскую составляющую права женщины на аборт: «Как сын, как муж, как гражданин, как мужчина я протестую против того, чтобы <...> всякую женщину, такую же *свободную и равноправную гражданку, как и я* (курсив — И.Ю.), превращали в родильный аппарат» [Грин, 1914: 48].

В дискуссиях и прессе был поднят вопрос о государственной поддержке материнства и детства: «Наши законодатели думают об охране зародыша, об охране жизни в утробе матери, но когда ребенок родился, они им больше не интересуются. Они не думают о принятии широких общественных мер и о проведении социальных реформ, необходимых для охраны уже существующих детей» [Покровская, 1914: 104].

¹ Пироговские съезды — съезды членов «Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова» (1883-1917), объединявшие врачей России всех медицинских специальностей.

Секция по искусственному выкидышу на XII Пироговском съезде (1913 г.) приняла резолюцию, в которой женщины определялись дееспособными субъектами, имеющими право на прерывание беременности не только по медицинским, но и социальным показаниям, и предложила законодателю пересмотреть закон в сторону ненаказуемости женщин и врачей. Общая резолюция съезда была менее радикальна, но также предлагала отменить уголовное преследование за «искусственный выкидыш» и начать работу в «сфере государственных и социальных реформ» по поддержке материнства и детства.

X Общее собрание Русской группы Международного союза криминалистов (1914 г.) приняло резолюцию, в которой оценило наказуемость плодозигнания «противоречащей как юридическим основаниям наказуемости, так и требованиям уголовной политики» и призвала «исключить изгнание плода из числа преступных деяний» [Десятый съезд..., 1914: 84].

Законодательное решение проблемы осталось в наследство советской власти, которая решила его по радикальному варианту, предложенному в 1913 году секцией по искусственному выкидышу XII Пироговского съезда. 18 ноября 1920 года постановлением Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР «Об искусственном прерывании беременности» гражданки Советской России получили право на бесплатный аборт не только по медицинским, но и по социальным основаниям.

7. Политические права

Последними в ряду прав, формирующих полноценное гражданство, были политические права. До 1905 года они не выдвигались женской общественностью по причине отсутствия в стране парламентской системы как таковой. Но как только требование избирательных прав и создания выборных представительных органов прогремело над страной, сразу появились женщины, которые попытались вписать женские избирательные права в повестку политических партий: «Женщины встrepенулись повсеместно, во всех городах заговорили об одном и заволновались одной мыслью — отвоевать политическое равноправие, послать своих представительниц в Государственную Думу и отстоять через представительство их равноправие во всех областях» [Женский вестник, 1905: 145]. Эти требования не были услышаны — первый избирательный закон в Российской империи (6 декабря 1905 г.) проигнорировал женщин, как и некоторые другие категории граждан. Женские издания отреагировали соответствующим образом: «Конец прошлого года не только разрушил надежды женщин на равноправность, но и поставил перед ними в высшей степени удивительный вопрос: могут ли они считаться населением или нет?» [Женский вестник, 1906: 1].

В ответ, как это уже было не раз апробировано женским движением, создавались новые организации (суфражистские), в том числе Женская прогрессивная партия, целью которых стало получение для женщин избирательных

прав. Цель была достигнута в рекордно короткие по историческим меркам сроки — за 12 лет. Этому предшествовала колоссальная работа с партиями, фракциями в Государственной Думе, профессиональными союзами, земцами, прессой по продвижению самой идеи женщины-избирательницы, по формированию образа женщины-гражданки и ее гражданских «добродетелей». Под давлением женских организаций в I Государственной Думе была создана Комиссия по вопросам равноправия, для которой Союз равноправия женщин разработал законопроект о гражданских правах женщин. Законопроект предусматривал: 1) избирательные права всех женщин в выборах всех уровней; 2) право занимать все должности по государственной, общественной службе и по выборным делам; получать все звания, кроме званий действительной военной службы; 3) право на все виды образования в системе совместного образования; 4) равные наследные права; 5) право на раздельное имущество супругов; 6) право на раздельное жительство супругов [Проект законоположений..., 1907: 378]. Законопроект был передан в Думу накануне ее досрочного роспуска (9 июля 1906 г.) и потому рассмотрен не был. Однако, по мнению современников, I Государственная Дума была готова его принять.

Женские организации продолжили работу с парламентскими фракциями, прежде всего с трудовиками и кадетами, которые более других откликнулись на их предложения. Через трудовиков были инициированы многие законопроекты. Не все они прошли в Думе, но те, что были приняты, частично реализовали требования законопроекта 1906 года. Среди них законы: «О мерах пресечения торга женщинами в целях разврата» (1909), «О расширении прав наследования по закону лицами женского пола и права завещания родовых имений» (1912), «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» (1914). В результате гражданские права россиянок значительно расширились. Женщины могли самостоятельно получать вид на жительство, проживать отдельно от супруга, поступать на работу и учебу по собственному усмотрению, обязываться векселями.

На время Первой мировой войны задача получения политического гражданства была отложена. Деятельность женских организаций сосредоточилась на помощи фронту. Открытие лазаретов, организация пунктов питания для беженцев, призрение сирот и проч. равноправки воспринимали как гражданскую женскую ответственность. Эту стратегию освоения прав гражданства можно рассматривать с позиций категории гражданства как ответственности. Создание женских батальонов смерти также стоит в ряду добровольно взятой на себя женской гражданской ответственности.

Возвращение к проблеме избирательных прав произошло после Февральской революции. 3 марта 1917 года Временное правительство опубликовало Декларацию, в которой объявило о подготовке к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. О политических правах женщин не было сказано ни слова, то есть первый правовой акт новой власти, закладывающий основу избирательной системы России, проигнорировал

женщин. «Когда речь заходит о правах, то под словом «всеобщее» мужчины подразумевают только самих себя», — прокомментировал ситуацию «Женский вестник» [Женский вестник, 1917: 40].

Лидером движения за избирательные права женщин стала Лига равноправия женщин. Уже на следующий день 4 марта министру-председателю Временного правительства кн. Г.Е. Львову лично в руки была вручена резолюция Лиги с требованием объявить «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право без различия пола, вероисповедания и национальности». Петиции женских организаций со всей страны и женские делегации к Временному правительству, кампания в прессе, женские митинги, женские демонстрации — все это было организовано за две недели. А 19 марта 40-тысячная демонстрация женщин под лозунгами «Место женщины в Учредительном собрании» прошествовала по Невскому проспекту к Таврическому дворцу, где заседало Временное правительство, и встала у дворца, выдвинув ультиматум: «Мы не уйдем отсюда, пока не получим ответа» [Закута, 1917: 6]. Все эти действия переломили ситуацию — обещания были вынужденно даны. Но еще четыре месяца равноправки отслеживали процесс прохождения избирательного закона. Представительницы от женских организаций вошли в «Особое совещание по выработке законопроекта о выборах в Учредительное собрание», в другие согласительные комиссии. В результате Постановление Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях» (15 апреля 1917 г.) дало женщинам право баллотироваться в городские думы. «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание» (20 июля 1917 г.) дало всем «российским гражданам обоего пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет», пассивное и активное избирательное право. Оно вступило в силу 11 сентября 1917 года.

Заключение

История досоветского российского женского гражданства имеет отчетливую траекторию развития — оно создавалось в конфликте интересов и противостоянии государства и женщин как большой социальной группы. С одной стороны, оно формировалось повседневными массовыми практиками женщин, которые осознавали ограниченность своих прав и возможностей и нарушали законы и предписанные им модели поведения, по факту расширяя свои права. С другой стороны, коллективным актором, представлявшим их интересы, выступило женское, феминистское, суфражистское движение, которое озвучивало интересы женщин, вносило их требования в политическую повестку, мобилизовывало женскую общественность на коллективные действия. В результате в досоветский период в России был сформирован высокий по меркам начала XX века женский гражданский статус, понятие «гражданка» получило конкретное наполнение и было воспринято населением.

Литература

Вереманко В.А. Дворянская семья и государственная политика России. СПб.: Европейский дом, 2007.

Гиммельфарб Г.И. Исторический очерк вопроса о выкидышах // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 141–147.

Грин И.В. Аборт — преступление или операция? Доклад, сделанный на XII Пироговском съезде. М.: Мысль, Н.П. Меснянкин и Ко, 1914.

Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб., 1913.

Десятый съезд Русской группы Международного союза криминалистов // Право. 1914. № 10. С. 824–839.

Женский вестник. 1905. № 5.

Женский вестник. 1906. № 1.

Женский вестник. 1915. № 11.

Женский вестник. 1917. № 3.

Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. № 4. СПб., 1895.

Закута О. Как в революционное время Всероссийская Лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин. Петроград, 1917.

Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009. С. 108–135.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX веков. М., 1991.

Крестьянников Е.А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 38–46. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/63/5>

Либерман Я.Э. Изгнание плода в русском законодательстве // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 147–153.

Мандельштам И.Г. Пандемия искусственного выкидыша и меры борьбы с ней. Показания к выкидышу // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 134–141.

М.В. (Вернадская М.Н.) Еще раз о женском труде // Экономический указатель. 1858. Т. 92. № 40. С. 906–911.

Отчет Московского отдела Лиги Равноправия женщин за 1911–1912 гг. М., 1913.

Пальховский А. Еще о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе // Атеней. 1858. Кн. 24. Ч. III. С. 487–503.

Пирожкова О.П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV Съезда Общества российских акушеров и гинекологов. СПб., 1911. С. 103–109.

Покровская М.И. К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4. С. 104.

Проект законоположений о женском равноправии // Первый женский календарь на 1907 год. СПб., 1907. С. 374–421.

Решетников Г.Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 179–186.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

Толстой Л.Н. Письмо к Н.Н. Страхову от 19 марта 1879 // Собрание соч. в 22 т. Т. 17. М., 1984.

Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1913.

Шашков С.С. Судьбы женщин, детоубийство и проституция. СПб., 1871.

Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967.

Юваль-Девис Н. Гендер и нация. М.: ЕIpa, 2001.

Marshall T.H. Citizenship and Social Class. Class, Citizenship and Social Development. N.Y.: Doubleday, 1964.

Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24. № 2. P. 189–217. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038590024002002>

Skijeje H., Siim B. Scandinavian Feminist Debate on Citizenship // International Political Science Review. 2000. Vol. 21. № 4. P. 345–360. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512100214002>

Сведения об авторе:

Юкина Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** irinayukina@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 487175; **ORCID ID:** 0000-0003-4845-8742.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

On the Way to Women’s Citizenship in Russia: the 1860s–1917

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.4

Irina I. Iukina

HSE University, St. Petersburg, Russia

E-mail: irinayukina@gmail.com

This article examines the development of Russian women’s citizenship from the standpoint of the theory of citizenship and describes the main directions and milestones of its formation on the historical material. The article proves that the main subjects of the setting up of women’s citizenship on the one hand are the women’s, feminist, suffragist movement, which put the problems of its social (gender) group before the authorities and sought their solution. On the other hand, there are ‘broad masses of women’, i.e. women of various classes and social groups, who, by changing their daily practices, actually expanded their civil rights and duties. The History of Russian Women as a historical discipline in recent years has accumulated significant factual material about various aspects of the life of Russian women, which made possible such a historical and sociological analysis of the phenomenon of women’s citizenship in Russia.

Keywords: women’s citizenship; personal civil rights; political rights; social rights; social status; women’s, feminist, suffragist movement; citizenship-as-status; citizenship-as-participation; citizenship-as-solidarity

References

Desaytyi s’ezd Russkoi gruppy Mezhdunarodnogo souza kriminalistov [10th Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists] (1914) *Pravo*. No. 10. P. 824–839. (In Russ.)

Dvenadcaty Pirogovskii s'ezd. Peterburg. 29 maya — 5 iunya 1913 [12th Pirogovsky Congress. Petersburg. May 29 — June 5, 1913] (1913) Vol. II. St. Petersburg. (In Russ.)

Gimmelfarb G.I. (1914) *Istoricheskii ocherk voprosa o vykidyshakh* [Historical Essay on Abortion Issue]. *Terapevticheskoe obozrenie* [Therapeutic review]. No. 5. P. 141–147. (In Russ.)

Grin I.V. (1914) *Abort — prestuplenie ili operaciya? Doklad, sdelannyi na XII Pirogovskom s'ezde* [Abortion — a Crime or an Operation? XII Pirogov Congress report]. Moscow: Mysl', N.P. Mesnyankin and Co. (In Russ.)

Ivanov A.E. (1991) *Vysshaya shkola v Rossii v konce XIX — nachale XX vekov* [Higher School of Russia in the late XIX — early XX centuries]. Moscow. (In Russ.)

Krestyannikov E.A. (2020) *Zhenskaya advokatura v dorevolucionnoi Rossii: sibirskii "sled"* [Women's Advocacy in Pre-revolutionary Russia: Siberian "Trace"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. No. 63. P. 38–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/63/5>

Liberman Ya.E. (1914) *Izgnanie ploda v russkom zakonodatel'stve* [Expulsion of the Fetus in the Russian Legislation]. *Terapevticheskoe obozrenie* [Therapeutic review]. No. 5. P. 147–153. (In Russ.)

Mandelstam I.G. (1914) *Pandemiya iskustvennogo vykidysha i mery bor'by s nei. Pokazaniya k vykidyshu* [The Pandemic of Artificial Miscarriage and Measures to Combat it. Indications for Miscarriage]. *Terapevticheskoe obozrenie* [Therapeutic review]. No. 5. P. 134–141. (In Russ.)

Marshall T.H. (1964) *Citizenship and Social Class. Class, Citizenship and Social Development*. N.Y.: Doubleday.

M.V. (Vernadskaya M.N.) (1858) *Eshe raz o zhenskom trude* [Once Again on Women's Labor]. *Ekonomicheskij ukazatel'* [Economic index]. Vol. 92. No. 40. P. 906–911. (In Russ.)

Otchet Moskovskogo otdela Ligi Ravnopraviya zhenshin za 1911–1912 gg. [Report of the Moscow Department of the League of Equal Rights for Women, 1911–1912] (1913) Moscow. (In Russ.)

Palkhovskiy A. (1858) *Eshe raz o zhenskom trude. Po povodu zhurnal'nykh tolkov ob etom voprose* [Once Again on Women's Labor. About the Magazine's Talks about this Issue]. *Atenej* [Athenaeum]. Vol. 24. Part III. P. 487–503. (In Russ.)

Pirozhkova O.P. (1911) *Statisticheskie dannye odnositel'no kolichestva vykidyshei v Moskovskikh gorodskikh bol'nicakh i gorodskikh rodil'nykh priutakh* [Statistical Data on the Number of Miscarriages in Moscow City Hospitals and City Maternity Shelters]. *Trudy IV S'ezda Obshchestva rossijskikh akusherov i ginekologov* [Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists]. St. Petersburg. P. 103–109. (In Russ.)

Pokrovskaya M.I. (1914) *K voprosu ob aborte* [On the Issue of Abortion]. *Zhenskii Vestnik* [Women's Herald]. No. 4. P. 104. (In Russ.)

Reshetnikov G.L. (2012) *K voprosu o zhenskoj advokature v dorevolucionnoi Rossii* [On "Women's advocacy" in Pre-revolutionary Russia]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal]. No. 1. P. 179–186. (In Russ.)

Proect zakonopoloshenii o zhenskom ravnopravii [Draft of Law on Women's Equality] (1907) *Pervyj zhenskij kalendar' na 1907 god* [The First Women's Calendar for 1907]. St. Petersburg. P. 374–421. (In Russ.)

Shashkov S.S. (1871) *Sud'by zhenshin, detoubiistvo i prostituciya* [The Fate of Women, Infanticide and Prostitution]. St. Petersburg. (In Russ.)

Shelgunov N.S., Shelgunova L.P., Mikhailov M.L. (1967) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Skijeie H., Siim B. (2000) *Scandinavian Feminist Debate on Citizenship*. *International Political Science Review*. Vol. 21. No. 4. P. 345–360. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512100214002>

Stepun F. (1956) *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Former and the Unfulfilled]. N.Y.: Izd-vo im. Chekhova. (In Russ.)

Tolstoy L.N. (1984) *Pis'mo k N.N. Strakhovu ot 19 marta 1879* [Letter to N.N. Strakhov. 19 March 1879]. *Sobranie sochinenij v 22 t.* [Collected works in 22 volumes]. Vol. 17. Moscow. (In Russ.)

Trudy XI Pirogovskogo s'ezda [Proceedings of the 11st Pirogov Congress] (1913) Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva putej soobshcheniya. (In Russ.)

Turner B.S. (1990) Outline of a Theory of Citizenship. *Sociology*. Vol. 24. No 2. P. 189–217. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038590024002002>

Veremenko V.A. (2007) *Dvoranskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii* [The Noble Family and the State Policy of Russia]. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (In Russ.)

Yuval-Davis N. (2001) *Gender i Naciya* [Gender and the Nation]. Moscow: Elpa. (In Russ.)

Zakuta O. (1917) *Kak v revolucionnoe vremya Vserossiiskaya Liga ravnopraviya zhenshin dobilas' izbiratel'nyh prav dlya russkikh zhenshin* [How in the Revolutionary Time the All-Russian League for Equal Rights of Women Achieved Electoral Rights for Russian Women]. Petrograd. (In Russ.)

Zdravomyslova E.A. (2009) *Gendernoe grazhdanstvo i abortnaya kultura* [Gender Citizenship and Abortion Culture]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Zdorov'e i doverie: gendernyj podhod k reproductivnoj medicine* [Health and Trust: A Gender Approach to Reproductive Medicine]. St. Petersburg: EUSPb. P. 108–135. (In Russ.)

Zhenshina v prave. S prilozheniem vsekh postanovlenii deistvuyushhego zakonodatel'stva, odnosyashegosya do lic zgenskogo pola [Woman in Law. With application of all resolutions of the current legislation relating to female persons] (1895) No. 4. St. Petersburg. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1905) No. 5. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1906) No. 1. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1915) No. 11. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1917) No. 3. (In Russ.)

Author bio:

Irina I. Yukina — Candidate of Sociology, Associate Professor, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** irinayukina@gmail.com. **RSCI Author ID:** [487175](#); **ORCID ID:** [0000-0003-4845-8742](#).

Received: 02.07.2021
Accepted: 10.09.2021

Полевые исследования

«Это всего лишь шутка!» Что такое обидная шутка для подростков?

DOI: [10.19181/inter.2021.13.3.5](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.5)

Ссылка для цитирования:

Гуляев П. Р. и др. «Это всего лишь шутка!» Что такое обидная шутка для подростков? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 112–129. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.5>

For citation:

Gulyaev P. R. et al. (2021) «It's Only a Joke!» What is an Offensive Joke among Adolescents? *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 112–129. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.5>

Гуляев Павел Романович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: pgulyaev@hse.ru

Титкова Вера Викторовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: vtitkova@hse.ru

Ходоренко Дарья Константиновна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: dkhodorenko@hse.ru

Тищенко Дмитрий Русланович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: drtischenko@edu.hse.ru

Сложно представить повседневное общение подростков без юмора и подшучивания друг над другом. Шутки в общении помогают укрепить дружбу, сгладить неловкость или поддержать статус в группе, однако порой они становятся средством унижения и буллинга. Несмотря на существование множества исследований, определить границу между шуточным и агрессивным высказыванием довольно сложно. Эта граница остается размытой. Цель работы — выявить характеристики, при которых шутка становится обидной и может перерасти в буллинг. В статье приводятся результаты анализа 72 интервью с учениками средней и старшей школы. Анализ интервью позволил выделить три признака обидной шутки. Во-первых, если шуточное высказывание подчеркивает отличия подростка от группы, заставляет воспринимать себя «неполноценным» при сравнении со сверстниками. Во-вторых, если между говорящим и собеседником есть разница в статусах и нет возможности ответить шуткой на шутку — шутка перестает быть частью диалога, а становится средством подкрепления неравенства. В-третьих, если не все участники в курсе «правил игры», то есть понимают контекст прочтения шутки. В итоге высказывание интерпретируется сторонами по-разному, что может привести к обиде. Результаты исследования могут быть полезными при разработке эффективных мер предотвращения буллинга в школьной среде.

Ключевые слова: коммуникация; шутки; юмор; агрессия; буллинг; подростки

Введение

Юмор — неотъемлемая часть ежедневного общения подростков, он связан с процессом социализации, помогает выстраивать социальные границы группы, создавать и сохранять статус в глазах сверстников, подавлять смущение или смягчать неприятные ситуации [Mills, 2018; Fine, De Soucey, 2005; Shapiro et al., 1991]. С одной стороны, юмор положительно сказывается на эмоциональном благополучии подростка независимо от того, в какой роли он выступает в процессе коммуникации — в качестве того, кто шутит, или того, в чей адрес направлено высказывание. С другой стороны, юмор может быть проявлением агрессии и частью буллинга.

Граница между шутливым и агрессивным высказыванием размыта. Буллинг — повторяющееся на протяжении некоторого периода времени поведение одного или нескольких индивидов, направленное на причинение психологического и физического вреда, социальную изоляцию одной или нескольких жертв посредством физической, вербальной и реляционной агрессии [Lee, 2011; Rigby, 2007; Handbook..., 2009]. Одно и то же вербальное действие может быть и шуткой, и агрессией [Mills, Carwile, 2009]. Разграничение можно провести по тому, как подростки участвуют в ситуации. Использование подшучиваний в процессе дружеского общения предполагает взаимное

чувство удовольствия и развлечение. Агрессия, направленная на жертву, не подразумевает взаимного развлечения, это односторонний процесс [Smith et al., 2009]. Современные исследования рассматривают обидные шутки как часть процесса буллинга и виктимизации [Fox et al., 2015; Klein, Kuiper, 2006; Søndergaard, 2018], но понимания того, когда именно шуточное действие/высказывание становится обидным, это не дает.

Часто подростки сами не воспринимают насмешки и поддразнивания сверстников как обидные, нередко они даже посмеиваются сами над собой, вызывая этим смех у окружающих, и не считают, что все перечисленное может иметь негативные последствия [Søndergaard, 2018; Postigo et al., 2019]. Подростки не осознают, какой вред могут нанести их шутки, направленные в адрес товарища. Данное в шутку прозвище годами кажется нормальным и допустимым для всех в классе, кроме человека, к которому оно было обращено. Для подростка, оказавшегося в центре такого внимания, пережитый опыт может привести к страху быть высмеянным [Brauer, Proyer, 2020], повышается риск возникновения психологических проблем в будущем [Feragen, Stock, 2016]. Исследования показывают, что порядка 67% учеников оказываются объектами шуток, а 8% дразнят сверстники на протяжении всей их школьной жизни [Feragen, Stock, 2016].

Ученые также не могут выделить однозначных тем, которые бы приводили к определению обидной шутки. Поводом для шутки в подростковой среде может стать что угодно: «странный» внешний вид или поведение, вес (как избыточный, так и худоба), академические достижения (как низкие, так и сильно высокие), этнический статус и многое другое [Kohlmann et al., 2008; Shapiro et al., 1991; Jones et al., 2005]. Из этого можно сделать предположение, что для оценивания шутки важна не ее тема, а *цель и контекст* ее произнесения.

Обязательный элемент шутки — контринтуитивность для понимания. Именно неожиданное несоответствие используемых шаблонов позволяет нам реагировать на некоторые высказывания как на юмористические и интерпретировать их смысл относительно обычной речи [Brewer, 2000; Shaw, 2010]. Поддразнивание складывается из юмора и неоднозначности, но также предполагает и возможную агрессию [Shapiro et al., 1991; Mills, Carwile, 2009]. Когда агрессия становится преобладающей частью высказывания, оно может использоваться с *целью* стигматизации жертвы и подчеркивания своего превосходства над объектом шутки [Magin et al., 2008]. Стигматизируются отличия человека (объекта шутки), подчеркивается, что он отличается от своего социального окружения (то есть *контекста*). Такое выделение характеристик, отличных от принятых и ценных в группе, лежит в основе выбора мишени для шуток: шутят над теми, кто отличается [Keltner et al., 2001; Shapiro et al., 1991]. В этой ситуации поддразнивания становятся элементом социального контроля за поведением членов группы [Shapiro et al., 1991]. Тогда мы имеем основание для следующих гипотез: *во-первых, если цель шутки — навредить ее объекту, то можно предполагать, что такая шутка должна расцениваться как обидная; во-вторых, основанием обидной шутки становятся отличия*

(стигматизация отличий), которые «проявляются» лишь в определенном контексте, то есть внутри какой-то социальной группы.

Неоднозначность шутки, ее необходимый элемент, затрудняет понимание цели высказывания — дружеская это беседа или уже агрессия. Следовательно, для объекта шутки становится первостепенной задача интерпретации такого высказывания. Иначе говоря, объект шутки должен понимать цель шутки. Расшифровка цели шутки опирается на множество факторов — имеет значение контекст высказывания, тон, мимика и жесты того, кто шутит, а также статус говорящего — это друг или враг [Shapiro et al., 1991; Jones et al., 2005; Keltner et al., 2001]; и подростки должны уметь это делать однозначно. Принадлежность к группе предписывает ее участникам нормативное поведение [Эльстер, 2011: 361–363, 375], это задает контекст, который ее участники должны уметь читать, чтобы понимать, какой тип шутки в данный момент уместен, какая на нее будет реакция и в какой конкретно момент шутка может обернуться агрессией. Только при наличии общего понимания «правил игры» — ситуации и обстоятельств общения — над шуткой будут смеяться [Søndergaard, 2018]. Таким образом, можно выдвинуть следующую гипотезу: правильное чтение контекста обуславливает, будет шутка оценена как обидная или нет.

Вслед за исследователями буллинга и юмора мы изучаем повседневные социальные взаимодействия подростков и показываем, в каких социальных условиях (контексте) шуточные высказывания воспринимаются как агрессия. Нас интересует, когда и почему происходит «поломка» повседневной коммуникации, которая приводит к классификации общения как «недружеского». Это «серая зона», когда действия оцениваются подростками уже не как дружеские, но еще не определяются как систематическая агрессия. Мы предлагаем более детальный подход к изучению социального взаимодействия в подростковой среде, нежели однозначное деление поведения на неагрессивное и агрессивное. Для этого обращаемся к определению буллинга, описываем обидные и необидные шуточные высказывания.

Данные и методы

Эмпирический материал собирался в рамках двух социологических экспедиций в Калужской области, организованных Научно-учебной лабораторией «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (СПб), в общей сложности четыре недели (с 7 по 21 июля 2018 г. и с 12 по 26 апреля 2019 г.). Командой из 20 человек исследователей и студентов были взяты и проанализированы 72 интервью с учениками 9-11 классов (средний возраст 15,6 лет, 43% девушек). Беседы велись как во время учебного года в школах, так и вне школы в период летних каникул¹.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Особенную благодарность выражаем Анне Яшиной, Линаре Белоруковой и Вере Лаврентьевой и говорим искреннее спасибо всем участникам экспедиций, которые сделали возможной эту работу.

В первой экспедиции исследователи вели дневники наблюдений, в которых подробно фиксировали содержание и ход интервью. Во второй экспедиции интервью записывались на диктофон, а затем расшифровывались. Для анализа мы использовали как дневники наблюдений, так и транскрипты интервью.

Из дневников наблюдений и транскриптов интервью мы извлекли и проанализировали описания 246 ситуаций шуток и буллинга. Одно интервью могло содержать от 1 до 6 историй/ситуаций. Затем, во-первых, мы классифицировали основные темы шуток; во-вторых, разделили ситуации на рассказанные автором шутки и объектом шутки; в-третьих, классифицировали реакцию всех участников, описанных в ситуации, а также говорящего и объекта шутки. Спорные случаи относительно кодировки ситуаций обсуждались авторами статьи.

Гайд для учеников состоял из нескольких блоков вопросов на тему их взаимодействия с учителями, родителями и сверстниками. Вопросы о взаимоотношениях со сверстниками были направлены на выявление случаев травли, издевательств, возможных причин виктимизации и агрессии, а также реакции сверстников и учителей на подобные случаи. Примеры из жизни информантов выступали для нас предметом особого интереса, поскольку они характеризовались информантами как обидные или необидные. В интервью информанты, как правило, не акцентировали свое внимание на случаях подшучивания и издевательств. Для получения интересующей нас информации требовалось задавать дополнительные вопросы и приводить примеры.

«К каждому найдется причина пристать»

Первое, на что мы обратили внимание, это кто и на какие темы шутит. Шутить могут друзья, одноклассники, учителя и другие взрослые. Подросток может стать объектом шутки в школе и за ее пределами: гуляя во дворе, посещая внешкольные занятия, в гостях и в интернете, везде, где он общается со сверстниками. Шутка — неотъемлемая часть общения.

«Если в школе и есть шутки, то необидные. Например, в классе есть высокие и низкие девочки. Низкую Аню зовут гномиком, но она никогда не обижалась. Тоненького мальчика называют качком, но он сам смеется, и за ним зацепилось. Есть Дзюба — так как футболист, и с похожей прической» (дневник 1, 2018).

Поводом для шутки может стать любая характеристика подростка, если из-за нее подросток отличается от других сверстников: внешность и телосложение (от комплекции до одежды), особенности здоровья (психического, физического), этническая принадлежность, характеристики семьи (например, богатая или бедная), школьная успеваемость (как низкая, так и высокая), личные вещи и одежда (например, «крутые» или «стремные»), интересы (например, музыкальные предпочтения), социальное окружение (с кем дружит

подросток, отношения с противоположным полом), статус новенького в классе и в школе, гендерная принадлежность.

Стоит подчеркнуть, что отличие возникает ситуативно. В одних группах поводом для колких высказываний становится академический успех: «[Меня] просто обзывали из-за хороших оценок» (расш. № 131, 2019); в других, наоборот, недостаточные академические способности.

«К каждому найдется причина пристать, может быть, в шутку. [Последний случай был] к нам мальчик из [другой] школы пришел в физмат класс, и он не проявляет таких способностей к математике, как мы здесь. Было пару раз, когда он только пришел и ему сказали “какой-то у тебя был странный физмат класс, когда у нас математика сильнее”. Это было в начале этого года» (расш. № 73, 2019).

Ребенок может отличаться цветом волос и получить прозвище Смурфик. Можно быть из деревни в городской школе или «бедным» среди «богатых» и столкнуться с подшучиваниями в свой адрес. Основание для шуток — какое-либо отличие от коллектива сверстников.

«В каждом классе есть люди, которые побогаче, которые помоднее одеваются. Другие приезжают из деревень, у них нет денег на то, чтобы хорошо одеться, и все такое. И у нас есть некоторые дети в классе, которые могут гнобить [бедных детей]» (расш. № 128, 2019).

Обидная шутка «задевает за живое»

Тема шутки сама по себе не является основным предиктором реакции на высказывание объекта шутки [Alberts et al., 1996]: тема может быть любой, но реакция возможна разная. По словам подростков, шутка становится обидной, если «шутить над тем, что [человек] изменить не может и [он] комплексует из-за этого» (дневник 5, 2018). Поэтому высказывания на эту тему «задевают очень сильно за живое» (расш. № 19042019, 2019) и становятся обидными.

«У нас у пацана [из класса] дома свиньи есть, козы есть. И иной раз его может затронуть [шутки на эту тему и прозвище свинопас], и тогда мы резко меняем тему» (расш. № 25, 2019).

Для объекта высказывания, подчеркивающего отличия или особенность, оно неприятно, поскольку заставляет чувствовать себя «другим», «отличным» при сравнении со сверстниками, которые находятся в более «выгодном» положении [Garandeau, Salmivalli, 2019], или поскольку вступает в конфликт с публичным представлением себя и не позволяет сохранять лицо [Keltner et al., 2001]. Тогда как с позиции говорящего шутка может помочь достичь несколько целей: во-первых, сохранить статус в группе за счет того, что подвергается

сомнению репутация объекта шутки [Keltner et al., 2001; Mills, 2018; Fine, De Soucey, 2005; Гофман, 2000], во-вторых, контролировать поведение членов группы [Shapiro et al., 1991]. Поддразнивание может заставить подростка увидеть свое отличие от других и изменить поведение [Bollmer et al., 2003; Nowakowski, Antony, 2013]. Например, высмеивание ошибок оказывается существенным сдерживающим фактором академических усилий студентов [Dietrich, Hofman, 2020].

Мы определяли шутку как обидную, если так ее воспринял объект шутки или шутник/наблюдатель. Для описания «обидной» шутки информанты в ответах использовали выражения «задирать», «слишком сильные подколы», «дразнить», «гнобить», «унижать», «кличка». Мы выделили несколько маркеров обидной шутки. Так, шутки станут обидными, если:

- сверстники в коллективе отпускают шутки в адрес только одного человека;
- шутки принимают форму неприкрытого оскорбления;
- шутки носят систематический характер;
- шутки апеллируют к тому, что нельзя в себе изменить;
- шутки направлены на «слабых»;
- неправда, высказанная в форме веселого высказывания, тоже может обидеть.

Зачастую описываемые информантами ситуации нам как исследователям представлялись совсем не смешными. По большей части эти ситуации соответствовали критериям буллинга: они носили систематический характер и сопровождались дисбалансом сил [Olweus, 1994]. Поэтому мы предполагаем, что если даже сами подростки признают, что высказывания/действия заходят «слишком» далеко, то это требует внимания со стороны взрослых для разрешения неблагоприятной обстановки.

«Издевались над ней некоторые мальчики. Шутили. Очень сильные подколы, что доходили некоторые вообще до мата. Это что-то грубое для нее было. Я бы сказал, даже обидная кличка — “ерш”. Ей, наверно, очень обидно было. По имени и фамилии ее почти никто не звал, иногда по фамилии, ее по кличке называли. Обзывали иногда [по поводу] учебы, она тоже не слишком хорошо училась. Когда вызывали к доске, доходило до того, что они прям в голос говорили обзывательства, кличку; и полкласса смеялось» (расш. № 110, 2019).

«Группа двоечников, которые задирают девочек, зло и обидно над ними шутят. Девочки стараются с ними не общаться, “отшивают” их. В их классе есть мальчик “одиночка-недотрога”, которого они тоже стараются унижить» (дневник 6, 2018).

Подростки, сталкивающиеся с обидными высказываниями ежедневно, годами, вероятно, не в состоянии постоять за себя и дать отпор. Им может потребоваться помощь, чтобы справиться с ситуацией. Шутники/хулиганы,

в отличие от их жертв, могут обладать превосходными социальными навыками, позволяющими им использовать не только агрессивные шутки, но даже аффилиативный стиль юмора, манипулируя группой и консолидируя ее вокруг себя [Klein, Kuiper, 2006]. Шутки становятся инструментом в руках популярных учеников: они чаще дразнят других и их высказывания более агрессивны, чем у подростков, которые не пользуются таким высоким признанием среди сверстников [Keltner et al., 2001; Kraus et al., 2014]. Так как дети и подростки понимают цели своих шуток [Smit, 2018], мы пришли к выводу, что обидная шутка может обладать еще одной чертой буллинга — желанием причинить вред [Rosen et al., 2017]. Подростки могут использовать агрессивный стиль юмора для причинения вреда сверстникам [Klein, Kuiper, 2006].

«Без подколов нет дружбы»: мы шутим, они шутят

Распознать **необидное** высказывание сложнее: об этом определенно может сказать только объект шутки. Во-первых, одно и то же высказывание в разном контексте и от разных людей может восприниматься как обидное, так и нет. Шутки с матом могут быть обидными, но от близких друзей не всегда, или же, наоборот, близкие друзья могут шутить без мата, но задеть «проблемную точку» и этим обидеть. Во-вторых, как мы видели из обзора предыдущих исследований, агрессоры склонны оценивать поведение как неагрессивное. По этой причине нами было проанализировано, какую позицию в диалоге занимал информант и каким было изложение подростка, оказавшегося объектом шуток.

Мы выделили два ключевых условия, при которых шутка не считалась ее объектом обидной, — это:

- равенство позиций в группе,
- однозначное понимание шутки.

При этом тема шуток может быть любой, а высказывание может содержать матерную лексику и быть агрессивным. По сути, эти два критерия противоположны критериям обидной шутки.

Критерий равенства членов группы при общении проявляется по-разному. Первый важный результат, который мы выделяем из интервью: шутка и даже агрессия не обидны и не задевают подростка, если не направлены в адрес конкретного человека регулярно, если любой в группе может стать ее объектом.

«Шутят [даже с матом] над всеми, не таргетированно. Такие шутки никого особо не задевают» (дневник 2, 2018).

В случае таких целенаправленных шуток ее объект не чувствует, что он отличается от других сверстников. Сегодня шутят над одними, завтра над другими; члены группы равновероятно могут стать жертвами колкой реплики.

Второе проявление равенства — пошутить и посмеяться могут все участники коммуникации. Такие шутки, являясь частью повседневного общения подростков [Søndergaard, 2018], требуют от них определенного уровня навыков [Mills, 2018; Fox et al., 2015]; нужно уметь пошутить так, чтобы, например, поддержать дружбу или сгладить напряженности в группе [Søndergaard, 2018; Mills, 2018; Shapiro et al., 1991; Janhonen, 2017] и при этом никого не обидеть. Как показывает наше исследование, шутки, встроенные в систему дружеского общения подростков, не воспринимаются как обидные. Шутка становится приглашением к взаимному развлечению и удовольствию [Smith et al., 2009].

«Порой ты сидишь, сидишь, и девочки [говорят:] “Не смотри на меня, ты меня не достоин”, я могу им сказать: “Почему я тебя не достоин? Это ты меня не достойна”. Порой я могу всех начать подстебывать, безобидно. Порой и меня могут, я не буду к этому плохо относиться» (расш. № 43, 2019).

«Мы не обижаемся, они скидывают, мы скинем [мемы друг про друга]» (расш. № 7, 2019).

Шуточный дружеский диалог должен сопровождаться и равенством статусов говорящих: высказывание не должно создавать дисбаланс сил и унижать одного из участников. «Шутки-унижалки» (дневник № 134, 2019) недопустимы в равноправном общении. Важно не только чтобы шутка была смешной для человека, про которого она, но и чтобы он имел возможность ответить на нее. Одна из школьниц рассказала, что разыграла своего одноклассника в ответ на его розыгрыш.

«Наши мальчики [из класса] могли завести вторую страницу и с нее писать “Привет! Как дела? Хочу пообщаться”. В скором времени все равно узнавали, что это кто-то из одноклассников, или они сами признавались. После того, как меня [так] разыграли, я посмеялась и с другой страницы написала мальчику, который мне писал. Он тоже посмеялся и узнал меня» (расш. № 68, 2019).

Умение шутить и благонамеренность — не единственное, что нужно подростку, чтобы его шутка была оценена как безобидная. Безобидная шутка — это игра, где все понимают правила, все знают, как интерпретировать происходящее. Понимание правил дает возможность однозначно интерпретировать контринтуитивное высказывание или действие. Важно не только понимание, но и следование «правилам игры». В нашем исследовании мы видим, что такими играми становятся взаимные розыгрыши/мемы: все понимают правила — ты разыграл, и тебя могут разыграть, это не обидно. Созданные группой нормы поведения [Эльстер, 2011] становятся контекстом для понимания шутки. Контекст выступает одной из ключевых составляющих шутки [Alberts et al., 1996], он определяет ее значение и приемлемость. Вероятно, если бы описанная

ниже ситуация не предполагала контекста-предыстории («Он всегда делал розыгрыши, над ним никто не мог» (расш. № 47, 2019)), то такой розыгрыш мог бы быть воспринят иначе.

«Мы [подготовили] розыгрыш первого апреля. Розыгрывали одного человека. Мы купили симку, оформили и позвонили человеку. Это делали девочки. Типа так-то так-то, ты ей понравился. Он [мальчик, которого разыграли] у нас шутник такой. Он может рассказать анекдот, то да се, весь класс смеется. Выбрали его. Могли выбрать вообще кого угодно. Мы ему сказали, что это розыгрыш. Он посмеялся и сказал “реально красавчики, у вас получилось меня разыграть”. Он всегда делал розыгрыши, над ним никто не мог. Только в это раз [получилось]» (расш. № 47, 2019).

Контекст может создавать своеобразные правила «безопасности» для шуток. Нарушения этих правил становятся причиной санкций в виде ответных шуток, которые выходят за границы правил.

«В основном [шутят] мальчики над девочками, а бывает и наоборот. Когда наоборот — это плохо, их 16, а нас четверо. Но все равно они [мальчики] часто стебуются, иногда могут что-то на тему прически [придумать]. Конечно же, добрые. Их 16, а нас четверо, злых шуток не может быть!» (расш. №18042019_1, 2019).

Несоответствие контекста и происходящей в нем ситуации приводит к возникновению двусмысленности в интерпретации [Дуглас, 2000: 68]. Шутка, произнесенная вне определенного контекста, может быть расценена как агрессивная. Происходит расхождение в понимании между произносящим и воспринимающим. Более того, групповые нормы задают приемлемость высказываниям, например, относительно расистских шуток [Mulvey et al., 2016]. Несмотря на то, что нами понимается вся важность контекста, в данной работе у нас не было возможности в полной мере проверить его роль.

Вероятно, именно в силу описанных выше характеристик шутки — равенство участников ситуации и однозначность — колкие реплики от друзей не обидны. Друзья понимают правила и одинаково интерпретируют высказывания, общаются на равных и могут вместе посмеяться друг над другом и над собой. Предыдущие исследования показывают, что дружеские отношения обеспечивают более однозначное прочтение цели шутки и она воспринимается более доброжелательно, нежели шутка, исходящая от одноклассников. Например, шуточное высказывание от «посторонних» сверстников оценивается как большая угроза, и ему приписывается большая неоднозначность [Jones et al., 2005]. Схожие ситуации мы наблюдаем в наших интервью: если бы высказывание было сделано посторонним человеком, информанты расценили бы его как оскорбление.

«Надо мной тоже бывают разные шутки. Ну, “петушок” — из-за волос. Нет [не обижаюсь]. Как бы я понимаю, что они мои друзья, я понимаю, что это дружеские шутки, к ним не надо сильно строго относиться. Если бы это сказал какой-то незнакомый человек, это уже я бы воспринял не как шутку, как оскорбление» (расш. №22042019_1, 2019).

Уже в начальной школе дети используют разный стиль юмора — адаптивный и неадаптивный [Dowling, 2014]; хотя, как пишут Фокс и его коллеги в своем обзоре [Fox et al., 2015], среди учеников начальной школы шутки/дразнилки воспринимаются как однозначно плохие и не используются в отношении друзей, тогда как в старшей школе подшучивать над друзьями считается нормальным [Fox et al., 2015]. Со временем друзья становятся похожими друг на друга в стиле юмора, но, что особенно важно, они перенимают друг у друга именно аффилиативный юмор, то есть тот, что направлен на поддержание отношений и сглаживание конфликтов [Hunter et al., 2016].

Дети, которые не обладают навыками использования юмора, с большей вероятностью могут стать мишенью для агрессии и издевательств [Klein, Kuiper, 2006; Søndergaard, 2018; Fox et al., 2015]. В то же время умелое использование адаптивных стилей юмора связано со снижением риска виктимизации [Fox et al., 2015]; в частности, применение аффилиативного юмора (например, самоирония) могло бы помочь наладить социальные связи [Klein, Kuiper, 2006] и снизить нападки сверстников, в том числе в детских коллективах [Kuiper, 2014; Fox et al., 2015; Chiang et al., 2016]. Поэтому подростки иногда сами иницируют темы для шуток над собой, надеясь, что такой ответ на виктимизацию со стороны сверстников будет более эффективен, нежели обращение за помощью к взрослым [Søndergaard, 2018], и полагая, что юмор снизит риск их социального исключения, поможет вписаться в группу и наладит отношения со сверстниками [Sulkowski et al., 2014; Fox et al., 2015]. Однако со временем такая стратегия может привести к даже большей маргинализации [Søndergaard, 2018] и виктимизации [Fox et al., 2015], особенно если юмор становится чрезмерно самоуничижительным (self-defeating humor) [Klein, Kuiper, 2006]. Несмотря на то, что умение посмеяться над собой важно для сохранения дружеских отношений, следует понимать опасность, кроющуюся в таком поведении.

«В классе был азербайджанец, с ним хорошо общались, он сам и одноклассники шутили над его акцентом. Он мог в шутку начать говорить с акцентом» (дневник 4, 2018).

Краткое заключение

В работе описываются условия социального взаимодействия, при которых шуточные высказывания рассматриваются подростками как обидные/агрессивные. Были определены шесть признаков обидной шутки и два — дружеской шутки, которые можно свети к трем общим условиям:

1. Неравенство статусов говорящего и слушающего.

2. Отличие индивида (его внешности, поведения, интересов и т.д.) от представлений и норм в группе.

3. Наличие «правил игры», которым следует коллектив.

Шутка не является агрессией, если сохраняется условие равенства сторон. Это означает не только возможность пошутить в ответ на колкое высказывание, но и предполагает, что само высказывание не создает неравенство, например, подчеркивая отличия индивида от группы. Если подросток испытывает неприятные чувства от того, что он/она не соответствует тому, что считается принятым, ценным в среде сверстников, и тем более если отличительную черту нельзя изменить, то шутки на эту тему будут восприниматься как обидные. Различия в статусах говорящего и адресата не позволяют дать ответ на шутку, подчеркивающую отличие подростка от «всех». Сочетание этих двух характеристик контекста коммуникации не оставляет возможности «сохранить лицо» в глазах говорящего и группы.

Над высказыванием посмеются обе стороны коммуникации, если они обладают знанием, как его интерпретировать. Нормы в коллективе задают «правила», про что можно шутить и как интерпретировать. Если одна из сторон пренебрегает сложившимся порядком, то нарушается взаимопонимание, и объект шутки может оценить ее как оскорбление.

Намеренное оскорбление обидно, однако цель навредить еще не делает высказывание буллингом. Обидная шутка станет буллингом при условии, что она повторяется систематически и сопровождается дисбалансом сил. Дисбаланс сил — это разница не только в физической силе, но и в социальных статусах, численности сторон и так далее. При дисбалансе сил подросток не имеет возможности защитить себя от сверстников, особенно если против него весь класс. Если же объект высказывания может парировать шуткой/оскорблением, то это уже не ситуация буллинга.

Наша работа дополняет предыдущие исследования отношений в подростковых коллективах, показывая, что существует тип агрессивного поведения, ускользающий от взгляда ученых. Как мы показали, обидная шутка может обладать отдельными чертами буллинга, но им не являться. Возможно, ответив на вопрос, когда обидная шутка приобретает систематический характер и когда возникает дисбаланс сил, исследователи смогут лучше понять природу буллинга и разработать более эффективные превентивные программы. Мы, в свою очередь, продолжим работу в этом направлении, чтобы выявить возможные гендерные различия в шутках, последствия шуток на тему этнической принадлежности, бедности и других вероятных маркеров социального неравенства.

Литература

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Дуглас М. Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / Пер. с англ., под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

Alberts J.K., Kellar Guenther Y., Corman S.R. That's Not Funny: Understanding Recipients' Responses to Teasing // *Western Journal of Communication*. 1996. Vol. 60. № 4. P. 337–357. DOI: <https://doi.org/10.1080/10570319609374553>

Bollmer J.M. et al. Taking Offense: Effects of Personality and Teasing History on Behavioral and Emotional Reactions to Teasing // *Journal of Personality*. 2003. Vol. 71. № 4. P. 557–603. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.7104003>

Brauer K., Proyer R.T. Is It Me or the Circumstances? Examining the Relationships between Individual Differences in Causal Attributions and Dispositions toward Ridicule and Being Laughed at // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 165. P. 110–135. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110135>

Brewer W.F. Bartlett's Concept of the Schema and Its Impact on Theories of knowledge Representation in Contemporary Cognitive Psychology // *Bartlett, Culture and Cognition* / Ed. by A. Saito. London: Routledge, 2000. P. 69–89. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203457504_chapter_six

Chiang Y.C., Lee C.Y., Wang H.H. Effects of Classroom Humor Climate and Acceptance of Humor Messages on Adolescents' Expressions of Humor // *Child & Youth Care Forum*. 2016. Vol. 45. № 4. P. 543–569. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10566-015-9345-7>

Dietrich L., Hofman J. Exploring Academic Teasing: Predictors and Outcomes of Teasing for Making Mistakes in Classrooms // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020. Vol. 25. № 1. P. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1598449>

Dowling J.S. School-Age Children Talking about Humor: Data from Focus Groups // *Humor*. 2014. Vol. 27. № 1. P. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.1515/humor-2013-0047>

Feragen K.B., Stock N.M. A Longitudinal Study of 340 Young People with or without a Visible Difference: The Impact of Teasing on Self-Perceptions of Appearance and Depressive Symptoms // *Body Image*. 2016. Vol. 16. P. 133–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.01.003>

Fine G.A., De Soucey M. Joking Cultures: Humor Themes as Social Regulation in Group Life // *Humor*. 2005. Vol. 18. № 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1515/humr.2005.18.1.1>

Fox C.L., Hunter S.C., Jones S.E. The Relationship between Peer Victimization and Children's Humor Styles: It's No Laughing Matter! // *Social Development*. 2015. Vol. 24. № 3. P. 443–461. DOI: <https://doi.org/10.1111/sode.12099>

Garandeau C.F., Salmivalli C. Can Healthier Contexts Be Harmful? A New Perspective on the Plight of Victims of Bullying // *Child Development Perspectives*. 2019. Vol. 13. № 3. P. 147–152. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdep.12331>

Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective / Ed. by S.R. Jimerson, S.M. Swearer, D.L. Espelage. New York: Routledge, 2009. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203864968>

Hunter S.C., Fox C.L., Jones S.E. Humor Style Similarity and Difference in Friendship Dyads // *Journal of Adolescence*. 2016. Vol. 46. P. 30–37. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2015.10.015>

Janhonen K. The Roles of Humour and Laughter in Youth Focus Groups on School Food // *Journal of Youth Studies*. 2017. Vol. 20. № 9. P. 1127–1142. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1311404>

Jones D.C., Newman J.B., Bautista S. A Three Factor Model of Teasing: The Influence of Friendship, Gender, and Topic on Expected Emotional Reactions to Teasing during Early Adolescence // *Social Development*. 2005. Vol. 14. № 3. P. 421–439. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2005.00309.x>

Keltner D. et al. Just Teasing: A Conceptual Analysis and Empirical Review // *Psychological Bulletin*. 2001. Vol. 127. № 2. P. 229–248. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.2.229>

Klein D.N., Kuiper N.A. Humor Styles, Peer Relationships, and Bullying in Middle Childhood // *Humor*. 2006. Vol. 19. № 4. P. 383–404. DOI: <https://doi.org/10.1515/humor.2006.019>

Kohlmann C.W. et al. Fear of Being Laughed at in Children and Adolescents: Exploring the Importance of Overweight, Underweight, and Teasing // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01447>

Kraus M.W. et al. Teasing, Taunting, and the Politics of Politeness: High Sociometric Status Is Associated with Expectation-Consistent Behavior // *PloS one*. 2014. Vol. 9. № 8. P. e104737. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0104737>

Kuiper N.A. et al. Humor Styles and the Intolerance of Uncertainty Model of Generalized Anxiety // *Europe's Journal of Psychology*. 2014. Vol. 10. № 3. P. 543–556. DOI: <https://doi.org/10.5964/ejop.v10i3.752>

Lee C.H. An Ecological Systems Approach to Bullying Behaviors among Middle School Students in the United States // *Journal of Interpersonal Violence*. 2011. Vol. 26. № 8. P. 1664–1693. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260510370591>

Magin P. et al. Experiences of Appearance Related Teasing and Bullying in Skin Diseases and Their Psychological Sequelae: Results of a Qualitative Study // *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. 2008. Vol. 22. № 3. P. 430–436. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-6712.2007.00547.x>

Mills C.B. Child's Play or Risky Business? The Development of Teasing Functions and Relational Implications in School-Aged Children // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2018. Vol. 35. № 3. P. 287–306. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407516683557>

Mills C.B., Carwile A.M. The Good, the Bad, and the Borderline: Separating Teasing from Bullying // *Communication Education*. 2009. Vol. 58. № 2. P. 276–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/03634520902783666>

Mulvey K.L., Palmer S.B., Abrams D. Race Based Humor and Peer Group Dynamics in Adolescence: Bystander Intervention and Social Exclusion // *Child Development*. 2016. Vol. 87. № 5. P. 1379–1391. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12600>

Nowakowski M.E., Antony M.M. Reactions to Teasing in Social Anxiety // *Cognitive Therapy and Research*. 2013. Vol. 37. № 6. P. 1091–1100. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10608-013-9551-2>

Olweus D. Bullying at School: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1994. Vol. 35. № 7. P. 1171–1190. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.1994.tb01229.x>

Postigo S. et al. What Do Adolescents Say about Bullying? // *Annals of Psychology, Psychology, Healthy Medicine*. 2019. Vol. 22. № 1. P. 240–253.

Rigby K. *Bullying in Schools and What to Do about It*. Camberwell: ACER Press, 2007.

Rosen L.H., Scott S.R., DeOrnellas K. An Overview of School Bullying // *Bullying in School*. New York: Palgrave Macmillan, 2017. P. 1–22. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-59298-9_1

Shapiro J.P., Baumeister R.F., Kessler J.W. A Three-Component Model of Children's Teasing: Aggression, Humor, and Ambiguity // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1991. Vol. 10. № 4. P. 459–472. DOI: <https://doi.org/10.1521/jscp.1991.10.4.459>

Shaw J. Philosophy of Humor // *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 5. № 2. P. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2009.00281.x>

Smit B. Understanding Bullying Relationally // *South African Journal of Education*. 2018. Vol. 38. № 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.15700/saje.v38ns1a1586>

Smith H. et al. Teachers' Perceptions of Teasing in Schools // *Journal of School Violence*. 2009. Vol. 9. № 1. P. 2–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220903185522>

Søndergaard D.M. The Thrill of Bullying. Bullying, Humour and the Making of Community // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2018. Vol. 48. № 1. P. 48–65. DOI: <https://doi.org/10.1111/jtsb.12153>

Sulkowski M.L. et al. An Investigation into How Students Respond to Being Victimized by Peer Aggression // *Journal of School Violence*. 2014. Vol. 13. № 4. P. 339–358. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2013.857344>

Сведения об авторах:

Гуляев Павел Романович — преподаватель департамента информатики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** pgulyaev@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0003-3576-9103](https://orcid.org/0000-0003-3576-9103); **ResearcherID:** [AAD-1617-2021](https://orcid.org/AAD-1617-2021).

Титкова Вера Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** vtitkova@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [824523](https://elibrary.ru/824523); **ORCID ID:** [0000-0002-8919-6817](https://orcid.org/0000-0002-8919-6817); **ResearcherID:** [L-1690-2015](https://orcid.org/L-1690-2015).

Ходоренко Дарья Константиновна — аналитик Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** dkhodorenko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [940437](https://elibrary.ru/940437); **ORCID ID:** [0000-0001-7162-7511](https://orcid.org/0000-0001-7162-7511); **ResearcherID:** [P-5083-2017](https://orcid.org/P-5083-2017).

Тищенко Дмитрий Русланович — стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** drtischenko@edu.hse.ru.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

«It's Only a Joke!» What is an Offensive Joke among Adolescents?

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.5

Pavel R. Gulyaev *HSE University, St. Petersburg, Russia*
E-mail: pgulyaev@hse.ru

Vera V. Titkova *HSE University, St. Petersburg, Russia*
Email: vtitkova@hse.ru

Daria K. Khodorenko *HSE University, St. Petersburg, Russia*
Email: dkhodorenko@hse.ru

Dmitry R. Tishchenko *HSE University, St. Petersburg, Russia*
Email: drtischenko@edu.hse.ru

All of us cannot imagine adolescents' daily communication without humor and making fun of each other. Jokes can help strengthen friendships, smooth out the awkwardness, or maintain status in the group, but sometimes jokes become a means of humiliation and bullying. Despite many studies, determining the demarcation line between comic and

aggressive words is quite challenging. This border remains uncertain. This paper aims to identify characteristics in which a joke becomes offensive and can develop into bullying.

The article presents the results of a qualitative analysis of 72 interviews with middle and high school students. We identify three situations when a joke is perceived as aggression. Firstly, if a fun statement emphasizes the differences between the adolescent and the group, it makes one feel “inferior” compared to peers. Secondly, the difference in statuses between a speaker and an interlocutor exists, leading to no reply to a joke using a joke. In that case, the joke ceases to be a part of the dialogue and becomes a means of reinforcing inequality. Thirdly, if not all participants are aware of “the rules of the game,” they cannot understand the context of reading the joke. That means the statement is interpreted in different ways by the parties, leading to resentment.

The findings can help design effective bullying prevention measures in the school environment.

Keywords: communication; jokes; humor; aggression; bullying; adolescents

References

- Alberts J.K., Kellar Guenther Y., Corman S.R. (1996) That’s Not Funny: Understanding Recipients’ Responses to Teasing. *Western Journal of Communication*. Vol. 60. No. 4. P. 337–357. DOI: <https://doi.org/10.1080/10570319609374553>
- Bollmer J.M. et al. (2003) Taking Offense: Effects of Personality and Teasing History on Behavioral and Emotional Reactions to Teasing. *Journal of Personality*. Vol. 71. No. 4. P. 557–603. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.7104003>
- Brauer K., Proyer R.T. (2020) Is It Me or the Circumstances? Examining the Relationships between Individual Differences in Causal Attributions and Dispositions toward Ridicule and Being Laughed at. *Personality and Individual Differences*. Vol. 165. P. 110–135. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110135>
- Brewer W.F. (2000) Bartlett’s Concept of the Schema and Its Impact on Theories of knowledge Representation in Contemporary Cognitive Psychology. In: Saito A. (ed.) *Bartlett, Culture and Cognition*. London: Routledge. P. 69–89. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203457504_chapter_six
- Chiang Y.C., Lee C.Y., Wang H.H. (2016) Effects of Classroom Humor Climate and Acceptance of Humor Messages on Adolescents’ Expressions of Humor. *Child & Youth Care Forum*. Vol. 45. No. 4. P. 543–569. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10566-015-9345-7>
- Dietrich L., Hofman J. (2020) Exploring Academic Teasing: Predictors and Outcomes of Teasing for Making Mistakes in Classrooms. *International Journal of Adolescence and Youth*. Vol. 25. No. 1. P. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1598449>
- Douglas D.M. (2000) *Chistota i opasnost’: Analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo]. Transl. from Eng. by R. Gromovoy, Ed. by S. Ban’kovskaya. Moscow: Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Dowling J.S. (2014) School-Age Children Talking about Humor: Data from Focus Groups. *Humor*. Vol. 27. No. 1. P. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.1515/humor-2013-0047>
- Elster J. (2011) *Ob’yasnenie sotsial’nogo povedeniya: Eshche raz ob osnovakh sotsial’nykh nauk* [Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences]. Transl. from Eng., Ed. by A. Smirnov. Moscow: Id. dom VShE. (In Russ.)
- Feragen K.B., Stock N.M. (2016) A Longitudinal Study of 340 Young People with or without a Visible Difference: The Impact of Teasing on Self-Perceptions of Appearance and Depressive Symptoms. *Body Image*. Vol. 16. P. 133–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.01.003>
- Fine G.A., De Soucey M. (2005) Joking Cultures: Humor Themes as Social Regulation in Group Life. *Humor*. Vol. 18. No. 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1515/humr.2005.18.1.1>

Fox C.L., Hunter S.C., Jones S.E. (2015) The Relationship between Peer Victimization and Children's Humor Styles: It's No Laughing Matter! *Social Development*. Vol. 24. No. 3. P. 443–461. DOI: <https://doi.org/10.1111/sode.12099>

Garandeau C.F., Salmivalli C. (2019) Can Healthier Contexts Be Harmful? A New Perspective on the Plight of Victims of Bullying. *Child Development Perspectives*. Vol. 13. No. 3. P. 147–152. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdep.12331>

Goffman E. (2000) *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation self in every day life]. Transl. from Eng. by A.D. Kovalev. M.: Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Hunter S.C., Fox C.L., Jones S.E. (2016) Humor Style Similarity and Difference in Friendship Dyads. *Journal of Adolescence*. Vol. 46. P. 30–37. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2015.10.015>

Janhonen K. (2017) The Roles of Humour and Laughter in Youth Focus Groups on School Food. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 9. P. 1127–1142. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1311404>

Jimerson S.R., Swearer S.M., Espelage D.L. (eds.) (2009) *Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203864968>

Jones D.C., Newman J.B., Bautista S. (2005) A Three Factor Model of Teasing: The Influence of Friendship, Gender, and Topic on Expected Emotional Reactions to Teasing during Early Adolescence. *Social Development*. Vol. 14. No. 3. P. 421–439. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2005.00309.x>

Keltner D. et al. (2001) Just Teasing: A Conceptual Analysis and Empirical Review. *Psychological Bulletin*. Vol. 127. No. 2. P. 229–248. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.2.229>

Klein D.N., Kuiper N.A. (2006) Humor Styles, Peer Relationships, and Bullying in Middle Childhood. *Humor*. Vol. 19. No. 4. P. 383–404. DOI: <https://doi.org/10.1515/humor.2006.019>

Kohlmann C.W. et al. (2018) Fear of Being Laughed at in Children and Adolescents: Exploring the Importance of Overweight, Underweight, and Teasing. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01447>

Kraus M.W. et al. (2014) Teasing, Taunting, and the Politics of Politeness: High Sociometric Status Is Associated with Expectation-Consistent Behavior. *PLoS one*. Vol. 9. No. 8. P. e104737. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0104737>

Kuiper N.A. et al. (2014) Humor Styles and the Intolerance of Uncertainty Model of Generalized Anxiety. *Europe's Journal of Psychology*. Vol. 10. No. 3. P. 543–556. DOI: <https://doi.org/10.5964/ejop.v10i3.752>

Lee C.H. (2011) An Ecological Systems Approach to Bullying Behaviors among Middle School Students in the United States. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 26. No. 8. P. 1664–1693. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260510370591>

Magin P. et al. (2008) Experiences of Appearance Related Teasing and Bullying in Skin Diseases and Their Psychological Sequelae: Results of a Qualitative Study. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. Vol. 22. No. 3. P. 430–436. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-6712.2007.00547.x>

Mills C.B. (2018) Child's Play or Risky Business? The Development of Teasing Functions and Relational Implications in School-Aged Children. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 35. No. 3. P. 287–306. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407516683557>

Mills C.B., Carwile A.M. (2009) The Good, the Bad, and the Borderline: Separating Teasing from Bullying. *Communication Education*. Vol. 58. No. 2. P. 276–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/03634520902783666>

Mulvey K.L., Palmer S.B., Abrams D. (2016) Race Based Humor and Peer Group Dynamics in Adolescence: Bystander Intervention and Social Exclusion. *Child Development*. Vol. 87. No. 5. P. 1379–1391. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12600>

Nowakowski M.E., Antony M.M. (2013) Reactions to Teasing in Social Anxiety. *Cognitive Therapy and Research*. Vol. 37. No. 6. P. 1091–1100. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10608-013-9551-2>

Olweus D. (1994) Bullying at School: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 35. No. 7. P. 1171–1190. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.1994.tb01229.x>

- Postigo S. et al. (2019) What Do Adolescents Say about Bullying? *Annals of Psychology, Psychology, Healthy Medicine*. Vol. 22. No. 1. P. 240–253.
- Rigby K. (2007) *Bullying in Schools and What to Do about It*. Camberwell: ACER Press.
- Rosen L.H., Scott S.R., DeOrnellas K. (2017) An Overview of School Bullying. *Bullying in School*. New York: Palgrave Macmillan. P. 1–22. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-59298-9_1
- Shapiro J.P., Baumeister R.F., Kessler J.W. (1991) A Three-Component Model of Children's Teasing: Aggression, Humor, and Ambiguity. *Journal of Social and Clinical Psychology*. Vol. 10. No. 4. P. 459–472. DOI: <https://doi.org/10.1521/jscp.1991.10.4.459>
- Shaw J. (2010) Philosophy of Humor. *Philosophy Compass*. Vol. 5. No. 2. P. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2009.00281.x>
- Smit B. (2018) Understanding Bullying Relationally. *South African Journal of Education*. Vol. 38. No. 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.15700/saje.v38ns1a1586>
- Smith H. et al. (2009) Teachers' Perceptions of Teasing in Schools. *Journal of School Violence*. Vol. 9. No. 1. P. 2–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220903185522>
- Søndergaard D.M. (2018) The Thrill of Bullying. Bullying, Humour and the Making of Community. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 48. No. 1. P. 48–65. DOI: <https://doi.org/10.1111/jtsb.12153>
- Sulkowski M.L. et al. (2014) An Investigation into How Students Respond to Being Victimized by Peer Aggression. *Journal of School Violence*. Vol. 13. No. 4. P. 339–358. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2013.857344>

Authors bio:

Pavel R. Gulyaev — Lecturer, Department of Information Science, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** pgulyaev@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0003-3576-9103](https://orcid.org/0000-0003-3576-9103); **ResearcherID:** [AAD-1617-2021](https://orcid.org/AAD-1617-2021).

Vera V. Titkova — Candidate of Sociology, Junior Researcher, Laboratory of Sociology in Education and Science, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** vtitkova@hse.ru. **RSCI Author ID:** [824523](https://orcid.org/824523); **ORCID ID:** [0000-0002-8919-6817](https://orcid.org/0000-0002-8919-6817); **ResearcherID:** [L-1690-2015](https://orcid.org/L-1690-2015).

Daria K. Khodorenko — Analyst, Laboratory of Sociology in Education and Science, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** dkhodorenko@hse.ru. **RSCI Author ID:** [940437](https://orcid.org/940437); **ORCID ID:** [0000-0001-7162-7511](https://orcid.org/0000-0001-7162-7511); **ResearcherID:** [P-5083-2017](https://orcid.org/P-5083-2017).

Dmitry R. Tishchenko — Trainee Researcher, Laboratory of Sociology in Education and Science, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** drtischenko@edu.hse.ru.

Received: 28.05.2021

Accepted: 10.09.2021

Алкоголь и опыт выстраивания идентичности: анализ биографического интервью

DOI: [10.19181/inter.2021.13.3.6](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.6)

Ссылка для цитирования:

Котельников М. П. Алкоголь и опыт выстраивания идентичности: «биографическое интервью» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 130–145. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.6>

For citation:

Kotelnikov M. P. (2021) Alcohol and the Identity-Building Experience: The Biographical Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 130–145. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.6>

Котельников Максим Павлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: don.kotelnikov@yandex.ru

В рамках данной работы автор исследует индивидуальные «стратегии» распития спиртного и их связь с социальным контекстом. Для реализации этой задачи используется концепция «режимов вовлеченности» Лорана Тевено. На основании глубинного биографического интервью выделяются три этапа употребления алкоголя, через которые прошла (или проходит) информантка, молодая девушка среднего класса: 1) подростковый период: «игра», суть которой сводится к сокрытию факта распития алкоголя от родителей; 2) студенческий период (жизнь в общежитии): стратегия употребления уподобляется «режиму открытия» по Тевено, отличительной особенностью которого является поиск нового — именно на этом этапе информантка начинает активно употреблять крепкие напитки и всячески исследовать «алкогольный мир», в это время благодаря тяге к открытиям она заводит близких друзей; 3) настоящее время (жизнь в одиночестве): нереплексивное рутинное употребление алкоголя — такая стратегия определяется в соответствии с «режимом близости» по Тевено, характеризующимся возрастанием значимости того или иного объекта (в данном случае алкоголя), однако вместе с тем актор теряет возможность рефлексировать о своих отношениях с объектом в силу того, что он становится частью его «невопрошаемой» повседневности. Также в статье рассматриваются

модели концептуализации алкоголя и алкоголизма, используемые самой информанткой.

Ключевые слова: режим вовлеченности; алкоголь; алкоголизм; стигма; биография; игра

Введение. Алкоголь в социальных науках

Алкоголь как предмет исследования в социологии концептуализировался преимущественно в качестве средства, «помогающего» определенным группам, как правило, сталкивающимся с различными социальными проблемами, будь то бедность, отчуждение и т.д., снизить уровень тревожности и в той или иной мере принимать непростые жизненные условия [Seeman et al., 1988]. Впрочем, подчеркивалось, что никакой «действительной» помощи алкоголь не оказывает: на короткой дистанции спиртное действительно может улучшить самочувствие, однако на длинной приводит лишь к более серьезным проблемам для пьющего. Конечно, это не значит, что для социальных ученых «позитивные» функции алкоголя всегда оставались в слепой зоне. Существует ряд работ, показывающих, что обильное употребление спиртного может быть интегрировано в различные социальные практики и вовсе не обязательно связано с маргинальным статусом пьющих [Heath, 1987; Mulford, Miller, 1961]. Однако в целом в публикациях большинства социологов прослеживается некая морализаторская тенденция, следуя которой, ученые говорят преимущественно об опасности употребления алкоголя как для пьющего, так и для общества в целом. В российском социологическом пространстве интересным исключением является работа Михаила Соколова «Пьянка: Исследование социального производства опыта не-идентичности» [Соколов, 2005]. Это преимущественно теоретический текст, хотя в нем немало любопытных отсылок к личному опыту автора, а также обыденных (но полезных) интуиций. Основной тезис Соколова заключается в том, что чрезмерное употребление алкоголя может приводить к тому, что актер «узнает себя с другой стороны», что, в свою очередь, обогащает его опыт восприятия себя: «Вне зависимости от того, нравится нам или нет наша нынешняя идентичность, структура социальных возможностей — в том виде, в каком мы ее воспринимаем, когда мы трезвы, — не оставляет нам шанса приобрести другую. Сокращение горизонта в восприятии пьяного, однако, изменяет структуру возможностей и приводит к поступкам, которые его трезвое Я сочло бы проигрышной стратегией — пьяное хвастовство или переоценка своих физических сил могут служить двумя подходящими примерами. Эти изменения в выборе стратегий часто приводят к фатальным ошибкам, но их основной эффект заключается в демонстрации протрезвевшему Я той простой истины, что оно является чем-то за пределами собственного воображения. Пьянка порождает опыт не-идентичности» [Соколов, 2005: 94]. Для описания производства этого опыта не-идентичности ученый обращается к концепции Self, разработанной Ирвингом Гофманом [Гофман, 2000]. С точки зрения Гофмана,

идентичность (данный термин отождествляется с Self) актора конструируется как им самим, так и окружающими его людьми и институтами. Идентичность — это всегда результат сопроизводства. Разумеется, идентичность актора не является предзаданной и единственной, она может меняться в зависимости от того, в какой социальной ситуации находится актер, в каком он возрасте и так далее. Более того, довольно тяжело априорно судить, какие из социальных характеристик важны для самоопределения того или иного человека. Допустим, одна женщина может связывать свое «Я» с деторождением, а для другой опыт материнства вовсе не важен. В целом Соколов концентрируется на довольно узком аспекте употребления алкоголя — так называемых пьянках (участие в них свойственно в основном для подростков), в ходе которых участники целенаправленно пьют в чрезмерном количестве — такой опыт может быть описан как лиминальный [ван Геннеп, 1999] или ритуальный [Дюркгейм, 2018], смысл его преимущественно состоит в конструировании не повседневных ситуаций.

Биографический метод изучения употребления спиртного

Нам кажется перспективным исследовать, как опыт употребления алкоголя может влиять на конструирование идентичности актора. Разумно предположить, что для решения этой задачи необходимо глубинное биографическое интервью, поскольку только с его помощью можно проследить, как алкоголь в разные периоды жизни влиял на практики и самоопределение актора. Большинство исследований употребления алкоголя базируются на анализе количественных данных, что само по себе, разумеется, не является недостатком, однако такой тип данных не позволяет посмотреть на распитие спиртного именно как на практику (во многом имеющую собственную специфику в случае каждого отдельно взятого актора), связанную с конструированием собственного «Я». Зачастую исследования, основанные на количественной методологии, имеют своей целью отслеживание динамики употребления алкоголя в конкретном обществе. Так, считается, что в 1990-е годы в России спиртное пили в намного большем количестве, чем в настоящее время. Основная причина такого положения вещей связывается с тяжелой экономической ситуацией, которая имела место в стране в те годы, и низком качестве алкогольной продукции (впрочем, даже в рамках подобных исследований отмечается, что смертность от алкоголя не всегда коррелирует с уровнем жизни) [Nemtsov, 2002]. Мы не собираемся оспаривать эти выводы, однако хотим указать на то, что подобного рода обобщения неминуемо оставляют в слепой зоне индивидуальные истории употребления алкоголя. Биографическое интервью (особенно в единственном экземпляре), напротив, не позволяет нам делать каких-либо существенных обобщений, однако дает возможность исследовать отдельно взятый нарратив, где проявляются различные тактики (или модели) употребления алкоголя, а также связи между этими тактиками и специфическими жизненными обстоятельствами, в которых оказывается актер. Не в малой степени выбор в пользу биографического метода был обусловлен и теоретической рамкой. Как будет

показано ниже, мы опираемся на теорию практик, чей исследовательский фокус направлен на максимально детальное описание тех или иных практических аспектов социальной жизни актора. Говоря «практика употребления алкоголя», мы указываем на то, что для актора распитие алкоголя является не случайным эпизодом в его биографии, а феноменом, обладающим длительным временным измерением и в той или иной степени значимым для выстраивания его идентичности и организации повседневности.

Конечно, такое интервью следует брать у человека, имеющую богатую историю взаимодействия с алкоголем. Также необходимо отметить, что употребление алкоголя — довольно сенситивная тема. Люди нередко скрывают факты употребления алкоголя или преуменьшают количество выпитого, боясь быть стигматизированными другими [Goffman, 1963]. Ввиду этого обстоятельства было принято решение интервьюировать близкую подругу автора на условиях анонимности. По результатам интервью можно утверждать, что такой ход оказался оправданным, так как нарратив содержит множество личных, драматичных, местами захватывающих историй об опыте употребления алкоголя, что вряд ли было бы возможно при разговоре с малознакомым или вовсе незнакомым человеком¹. В процессе анализа нарратива мы постарались избегать каких-либо оценочных суждений, хотя порой это было непросто в виду того, что автор сам имеет опыт распития алкоголя, в том числе с информанткой. Все имена и места были изменены по просьбе информантки.

В начале анализа приведем краткую биографическую справку об информантке. Девушку зовут Маша, ей 23 года, она работает в рекламном агентстве, имеет степень бакалавра по специальности «психология», на данный момент проживает в Москве (снимает квартиру), родилась в Санкт-Петербурге, где и проживала до поступления в университет в Москве. Выросла в полной семье, имеет старшего брата, у семьи значительный материальный достаток (дорогая машина, квартира в центре Санкт-Петербурга).

Три этапа употребления: от «игры» к «режимам вовлеченности»²

В нарративе Маши прослеживается три этапа употребления алкоголя: подростковый (время проживания в Санкт-Петербурге и обучения в школе), студенческие годы (время проживания в Москве и обучения в вузе) и пост-вузовское время. Опишем каждый из этапов подробнее.

¹ Отдельно следует упомянуть о том, что речевой стиль, используемый информанткой в данном интервью (в данном случае мы имеем в виду в основном обсценную лексику), представляет собой ее привычный язык общения с близкими людьми (одним из таких является автор текста), однако не стоит полагать, что такая форма выражения себя реализуется информанткой в иных разговорных ситуациях.

² Здесь важно отметить, что мы, разумеется, описываем эти этапы относительно кратко, упуская из зоны внимания многие аспекты: например, мы отказались от детального описания повседневных практик употребления, сосредоточив внимание на наиболее запоминающихся для информантки эпизодах употребления, различиях между разными этапами употребления, «поворотных» моментах в жизни, связанных с состоянием опьянения, а также на ее рефлексии касательно алкоголизма. Более детальное обсуждение рутинизированных практик питья заслуживает отдельного исследования.

Подростковый период. Как признается Маша, однажды мама сказала ей: «Маша, ты не могла не пить и не бухать, как свинота, потому что в два года, когда у тебя резались зубы, ты обмакивала соску в домашний коньяк» (в данном случае слово «свинота» является частью нарратива самой информантки, а не оригинальным выражением, использованным ее матерью). Таким образом, Маша указывает на то, что тяга к алкоголю в ее случае имела практически врожденный характер. При этом в семье информантки отношение к алкоголю было достаточно либеральным (но алкоголиков¹ никогда не было). Родители Маши разрешали ей выпивать где-то с 16 лет вместе с семьей. Информантка говорит:

*«Моя семья все время исповедовала прикол, что типа лучше с нами чем-нибудь нормальное, чем черте с кем, ну, давай здесь подставим: мускателем на какой-нибудь е**ной набережной».*

Это вовсе не значит, что Маша не пила до 16. Первый опыт сильного опьянения она датирует возрастом 14 лет. При этом информантка указывает на то, что в школьные годы главной целью было вовсе не опьянение само по себе. Маша говорит, что прежде всего в алкоголе привлекала его запретность:

«В детстве и в подростковом возрасте всегда был свой шарм, потому что ты можешь быть пойманным, а тебе нужно как-то вырубать алкоголь, если у тебя, как у меня, нет склада домашнего вина, хотя иногда мой склад тоже пустел. Тебе нужно как-то его доставать, с кем-то договариваться, магазин у суда ведь потом закрыли². И-и-и опять же — ты находишься под контролем родителей».

Основная ставка распития — поймают или не поймают родители. При этом Маша утверждает, что даже когда ее «ловили» в состоянии сильного опьянения, родители не вводили никаких строгих санкций. Грубо говоря, игра в «сокрытие опьянения» была своего рода самоцелью, никаких серьезных ставок в этой игре не было. Примечательно, что весь свой тогдашний опыт распития информантка делит именно на две категории: «поймали или нет». Первый расценивается как преимущественно неудачный, а второй — как некое достижение. При этом в части нарратива, относящегося к школьному

¹ Проблема заключается в том, что «алкоголик» и «алкоголизм» являются крайне сложными для определения понятиями. В зависимости от различных обстоятельств (к примеру, собственной меры потребления) различные люди могут по-разному понимать эти концепты. Например, Жиль Делез говорил, что «алкоголик — это тот, кто постоянно бросает пить» (как известно, французский философ был знаменит любовью к спиртному). Модель определения алкоголизма, разделяемая Машей, будет продемонстрирована ниже. Говоря о том, что никто из членов семьи Маши не был алкоголиком, мы исходим прежде всего из ее собственного определения ситуации (ничто не указывает на то, что логику рассуждения Маши можно подвергнуть серьезным сомнениям: ее родители ходят на работу, зарабатывают деньги, отец регулярно водит машину; как сказала сама Маша, она никогда не видела в сильном алкогольном опьянении свою мать, а отца — лишь несколько раз во время праздников).

² В «магазине около суда» продавали алкоголь без паспорта.

периоду, отсутствуют упоминания о похмелье (которого, вероятно, тогда не было, в других частях нарратива похмелье становится относительно важным сюжетом) или какая-либо рефлексия, касающаяся алкоголя, зависимости, социальных последствий распития и т.д. Главным и практически единственным сюжетом здесь является «игра» с родителями.

Студенческий период. Следующий этап употребления алкоголя Маша связывает с переездом в Москву и проживанием в общежитии. Избавившись от контроля со стороны родителя (который и до этого трудно было бы назвать строгим), информантка начинает пробовать крепкие напитки с новообретенными знакомыми. Этот период, на наш взгляд, может быть охарактеризован с помощью метафоры «исследования» или «режима открытий», предлагаемого Тевено¹, который французский ученый описывает следующим образом: «Благом в этом режиме является возбуждение от новизны. Окружение в состоянии удивления обеспечивает любопытство, сохраняющееся в процессе открытий» [Тевено, 2018: 29]. Эта цитата практически синонимична тому, что говорит об этом времени Маша:

«Мы бухали просто как свиньи, но очень интеллигентно. То есть я до сих пор не понимаю, как мы могли там два раза в неделю бухать егермейстер и при этом не нищенствовать, если сейчас я вроде как и работаю, но хватает мне все равно на диск Родиона Газманова и бутылку водки “Беленькая”. Вот. То есть началось какое-то такое... Знаешь, удар по разнообразию. Типа: а пробовала егермейстер? — Да нет, не пробовала. Ща попробую. — А самбуку во рту давай тебе подожгу? — А давай. — А джин давай пить? — А давай. А там... Ну, ты понял. Причем дело было не столько в том, чтобы напиться в говно, хотя порой это случалось, но это как бы не было самоцелью. Просто хотелось пожить вот такой, как бы сказать, чтобы не звучать слишком по-старчески... отвязной жизнью, что ли. Попробовать весь этот разный алкоголь, как что пьянит, что тебе подходит, что — нет...»

На этом же этапе своей жизни Маша знакомится со своей лучшей подругой. Алкоголь сыграл в этом знакомстве важную роль. Обе девушки были застенчивыми и, несмотря на то что жили на одном этаже в общежитии, даже не здоровались. Однако, каким-то образом оказавшись на одной «пьянке» (Маша не помнит, как точно это случилось) и выпив вместе, они почувствовали «тягу» друг к другу. Впрочем, информантка отмечает, что алкоголь, безусловно, помог им подружиться и стал важной частью их «дружеского быта», однако общение не связано исключительно с употреблением спиртного:

¹ Мы не стали ассоциировать игровую стратегию с каким-либо режимом вовлеченности по Тевено в виду того, что игра не похожа ни на один из режимов, описываемых французским ученым. Попытка соотнести игру и какой-либо режим (или еще более глобально — обосновать необходимость игрового режима) кажется весьма перспективной теоретической задачей, однако она выходит за рамки этой преимущественно эмпирической работы.

*«Ну, так, собственно, за большим количеством рюмок я с Олей, к примеру, познакомилась, а потом уже начала очень близко с ней общаться. Мы же обе замкнутые были, жили на одном этаже и даже не здоровались. А потом она оказалась у меня в комнате в компании, мы бухали джинанас, эта сучка поставила мою любимую песню Арбениной, и я такая: ты что, б**ть, серьезно, тебе тоже это нравится? И понеслось: катала ее в теплежке, пили перед ментовкой коньяк из горла, в общем, ты понял... Но это не значит, что мы такие две конченые алкоголички и как встречаемся, то обязательно в соплю. Мы и в музеи ходим, на концерты, в общем, живем культурной жизнью. Тем более, сейчас мы уже женщины в преклонном возрасте, можем взять себе по пять пив и еще чего-нибудь крепкого сверху, а в итоге выпиваем по пиву, максимум, по паре, смотрим "Беременна в 16" и ложимся спать».*

На этом же этапе Маша начинает стигматизировать (в том значении термина, которое ему придает Гофман) и классифицировать людей, основываясь на их отношении к алкоголю. Условно информантка выделяет три «типа» людей:

1. Пьющие так же, как она: *«Оля пьет столько же. Плюс-минус ты, наверное. Еще Настя, Кирилл. Ну, во всяком случае мы как-то всегда на одной волне».*

2. Пьющие в «другом режиме», но не осуждающие употребление Маши: *«Ты знаешь, что Лика крепче сидра ничего в рот не берет. Ну, я же не до**оебка конченная, чтобы ей через силу заливать. Ну, не нравится — не пей. Она никогда не душит. Вообще никаких проблем».*

3. «Морализаторы»: *«Слушай, ну, я, конечно, не хочу сказать, что если человек не пьет, то с ним нельзя нормально общаться. Просто иногда это создает некие проблемки. Вот, допустим, пошла я на свидание с парнем, вроде он нормальный такой, и я решила не танцевать эти социальные танцы, типа я не пью, мне там сок яблочный, не, я взяла себе два джин-тоника. Он так на меня посмотрел и говорит: ДВА? ДЖИН-ТОНИКА? Типа осуждающе. Ну, я такая: может, со мной что-то и не так, но с тобой тем более. Иди на х*й со своим морализаторством».*

Как будет показано ниже, порой Маше вовсе не чужда рефлексия по поводу количества выпиваемого ею алкоголя, однако она категорически маркирует как «непригодных к общению людей» тех, кто пытается указать ей на чрезмерное выпивание. Рефлексия и «осуждение» оказываются исключительно ее личными прерогативами (возможно, было бы интересно порассуждать о том, какой была бы позиция Маши, если бы она подверглась осуждению со стороны очень близких людей, однако такого никогда не происходило, во всяком случае в серьезной манере).

Настоящее время (жизнь в отдельной квартире). Настоящий период парадоксальным образом характеризуется как увеличением рефлексии по поводу употребления, так и (возможным) ростом количества выпиваемого алкоголя. Маша говорит:

*«Когда я стала жить одна, то, разумеется, я стала намного меньше видаться с людьми, работа же практически вся на дистанционке, из-за ковида вообще пи**ец кромешный был, никуда не выйти, все разговоры только по зуму. И выпить бутылку вина, пока с кем-то по зуму пи**ишь, — это еще хорошо... Обычно каждый вечер в этом одиночестве, и без вина как-то бывает грустно... Раньше бывало такое, что нае**ишься (напьешься. — Прим. автора) пару раз в неделю джина, и как-то в остальные дни не хочется пить. А сейчас как-то, наверное, чаще это стало происходить, но в меньших количествах за раз. За раз выпиваешь меньше, но пьешь каждый день почти. То есть возможно, что сейчас я пью больше, хотя, может, и нет. И иногда от этого, конечно, как-то не по себе, я бы даже сказала страшно, особенно когда засыпаешь одна в своей двуспальной кровати с пустой бутылкой рядом... А с другой — наутро спокойно встаешь, живешь эту жизнь, и страха нет, как пела Арбенина, то есть, думаю, это такая ситуативная штука, не связанная напрямую с алкоголем».*

Здесь следует обратить внимание на пару моментов:

1. С одной стороны, Маша указывает на то, что возможный рост количества выпиваемого связан с внешними обстоятельствами (вынужденная изоляция из-за ковида и дистанционной работы; одиночество; нам кажется неслучайным подчеркивание информанткой того факта, что кровать у нее двуспальная, а спать в ней приходится одной, или, фигурально выражаясь, «с бутылкой»). Однако в другом месте нарратива она, скорее, опровергает такую связь:

«Говорят, типа алкоголь связан с жизненными обстоятельствами. Ну, разумеется, если человека абсолютно изолировать от спиртного, он не будет пить. Это можно считать связью? А так, есть парень, нет парня, есть дело, нет дела, есть кто-то рядом, нет кого-то рядом... Ситуации меняются. Одно неизменно — ты все равно выпиваешь. Просто по-разному».

Таким образом, в зависимости от обстоятельств могут меняться скорее «тактики» употребления (что, с кем и в каком количестве пить), но сам алкоголь остается своего рода константой.

2. Проблематика страха, обозначенная в приведенной выше цитате, в процессе интервью возникала не раз, к примеру:

«Жить без алкоголя? Наверное, да, но зачем? Представь, что у тебя нет руки. Сможешь ли ты жить? Да. Но вряд ли это будет круто. Да, для меня это важная часть жизни, в смысле пить. Мне просто нравится. Тут нет ничего больше, но и не меньше этого. Иногда мне страшно, но мне страшно по многим поводам. И я пью не потому, что мне страшно. И страшно мне не всегда, потому что я пью. Но вообще, знаешь, рассказывая тебе

*все это, даже про дикий кринж, я как-то в основном испытывала радость. Все-таки это очень ни**атая часть моей жизни. Возможно, когда-то мне надоест пить и я откажусь от этого. Я не говорю, что это невозможно».*

В этом коротком отрывке информантка совершает несколько интересных риторических ходов. Во-первых, подчеркивает, что поводов для страха много, так что даже если употребление является одним из них, то оно становится рядоположным другим условным проблемам. Грубо говоря, таким образом происходит отказ от «демонизации» алкоголя и связывания всех жизненных трудностей исключительно с его употреблением. Во-вторых, Маша эксплицитно указывает на то, что не пытается с помощью алкоголя развеять какие-либо страхи. В данный момент мотивация к употреблению лежит в плоскости удовольствия, причем это самое удовольствие тщательным образом оберегается от рефлексии, от постановки под сомнение (об этом еще будет сказано ниже). В-третьих, информантка в конечном итоге оценивает весь свой опыт употребления как позитивный, то есть все те издержки, которые она понесла в связи с этим, калькулируются как не слишком значительные.

Маша считает, что серьезных проблем с алкоголем до настоящего времени у нее не было (кроме неприятных похмелий, впрочем, тут сразу же необходимо обратить внимание на то, что в процессе интервью Маша до задания эксплицитного вопроса о влиянии алкоголя на ее здоровье никогда не затрагивала данную проблематику, а ответ был следующим: «Ну, анализы периодически сдаю какие-то, все ок, в пределах нормы, никак, пожалуй, не повлиял... А думать о том, что где-то там аукнется, да нахер, может, завтра машина собьет и за просто так сдохнешь»). Не так давно, однако, имел место инцидент, который Маша расценивает как неприятный:

«Недавно я пила со своими друзьями, которые как бы типа пара. Не супер прям близкие друзья, но и не далекие знакомые. И я тогда довольно много выпила, и мы поехали по домам на такси, и я этого парня начала как-то немного трогать. Мы сидели с ним на заднем сидении, уже не помню, почему так вышло, а его девушка на первом. Не могу сказать, что особо помню тот эпизод, но все, кажется, понимали, что происходит. То есть его девушка это видела. Но ничего не сказала. Но, знаешь, на следующее утро тоже ничего критического не было. Я не извинялась, они никаких претензий не предъявляли. Мы до сих пор хорошо общаемся, но все-таки как-то неприятно было. Потому что это не слишком классная ситуация. Но потрогать его и без алкоголя как бы, наверное, хотелось, поэтому алкоголь тут не суть вопроса».

В этом эпизоде интересно то, что алкоголь выступает важным действующим лицом, как и при знакомстве с Олей (только если в первом случае его роль оценивалась как положительная, то здесь, скорее, как отрицательная), но в обоих случаях его роль оценивается Машей в качестве побочной. Это довольно характерно для всего нарратива в целом. Информантка никогда

не отрицает значимости алкоголя в своей жизни, порой даже культивируя это значение, однако она наотрез отказывается наделять его какой-либо серьезной каузальной силой в собственной жизни («с Олей мы просто другу другу подходим, просто в какой-то момент эта пьянка нас подтолкнула», «слушай, ну, я очки дорогие от солнца пр**ала, когда пьяная была, но ты сам знаешь, что я такая растеряша, что рано или поздно это случилось бы»). Таким образом, алкоголь занимает очень трудную для описания и концептуализации позицию, он как бы везде и нигде одновременно.

В данный момент Маша уже не рассматривает употребление алкоголя как своего рода исследование, что было актуально в период жизни в общности. Сейчас отношения информантки с алкоголем напоминают, скорее, «режим близости» по Тевено, в котором практика взаимодействия с вещами покидает пределы рефлексивного поля, становится настолько эмоционально значимой, необходимой, а с другой стороны — привычной, что говорение о ней оказывается затруднительным (порой тяжело сказать, почему мы любим очень близкого человека, даже несмотря на его недостатки) [Thévenot, 2007]. Маша говорит:

«Слушай, я действительно не задаюсь какими-то вопросами по поводу того, что это для меня значит. Понимаю, что значит многое, но тут нет значения как такового. Я просто пью. Я бы сделала упор на это слово “просто”. Иногда думаешь, но чаще — нет. Я могу вот привести тебе как бы какие-то причины, начинающиеся с “потому что...”, но это все неполно будет и неточно. Привычка? Пожалуй. Но не как курение. То есть это не физическое что-то, наверное. Вернее, не вполне физическое, больше эмоциональное».

В интерпретации Маши алкоголь не сводится к своим функциям, хотя наличие таковых и не отрицается (это напоминает онтологическую позицию Грэма Хармана, согласно которой «объект», в данном случае — алкоголь, не может быть исчерпывающим образом описан через то, что он «делает» [Харман, 2018]; эта позиция противоречит позиции Латура, которая формулируется ровно противоположным образом: вещь — это то, что она может совершить [Латур, 2014]. Здесь уместно вспомнить акторно-сетевое биографическое исследование формирования привязанности к алкоголю у девушки-подростка [Demant, 2009], однако мы считаем его сомнительным в силу того обстоятельства, что автор, стремясь наделить объекты агентностью (довольно вульгарное прочтение Латура), сводит формирование тяги к алкоголю преимущественно к внешним, далеко не очевидным с точки зрения самого информанта обстоятельствам. Чем старше становится Маша, тем больше употребление алкоголя уходит в сферу необсуждаемого, само собой разумеющегося, при этом количество выпиваемого алкоголя, может быть, и увеличивается (здесь невозможно сказать точно).

На этом этапе интерпретации следует быть очень аккуратным. Как мы указывали в начале текста, нередко социологи при изучении употребления

алкоголя как социального феномена тяготеют к постановке диагнозов и вынесению оценочных суждений. Мы полагаем, что это не входит в задачи ученых. Возможно, после прочтения предыдущего абзаца у читателя возникнет впечатление, что у Маши начинает формироваться (или уже сформирована) алкогольная зависимость, сулящая ей серьезные проблемы в жизни. Однако здесь важно указать на два обстоятельства.

1. Сама Маша категорически отрицает то, что является алкоголиком:

*«Ну, знаешь, как-то Хрусталеv в интервью этой, как ее, Шихман, сказал, что если она выпивает каждый вечер по бокалу вина, то она алкоголичка. Ну, он же сам бухал, ему не повезло, но что за е**ная стигматизация? Шнур еще сказал, что есть статистика умерших от алкоголя, но где статистика выживших? По-моему, зависимость — это когда все мысли только об одном, ты из-за этого п***бываешься, и все у тебя плохо. У меня такого точно нет. Прямо точно. Были косяки, но не тотальные. Я всегда выполняю свою работу, хорошо училась. У меня, может быть, высокий уровень потребления. Но это другое. Как в том меме: вы не понимаете, это другое».*

В рамках данной работы мы не хотели бы занимать позицию так называемой просветительской социологии, полагающей акторов недостаточно компетентными, чтобы трезво (пускай это слово может прозвучать как каламбур в контексте исследуемой проблематики) оценить собственные действия и заменяющей их объяснения собственными концепциями, эпистемологические импликации которых могут полностью противоречить точке зрения акторов. Поэтому мы не считаем целесообразным говорить об «алкоголизме» Маши или вообще как-либо оценивать ее нарратив (насколько это возможно).

2. Интервью было выстроено вокруг алкогольной тематики, поскольку именно она в данном случае представляла исследовательский интерес. Ввиду этого обстоятельства может возникнуть впечатление, что вся жизнь Маши складывается из употребления алкоголя, но, разумеется, это противоречит действительности. Избежать этого «однобокого» раскрытия информанта было бы возможно с помощью нарративизации иных аспектов жизни девушки (любвные отношения, друзья, учеба, работа, увлечение вязанием), однако мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что все эти значимые темы не могут быть адекватным образом представлены в рамках одного текста. Поэтому данное «упрощение» Маши представляется неизбежным, и мы как исследователи несем за него полную ответственность.

Четыре концептуализации алкоголя, предлагаемые информанткой

В процессе интервью Маша приводила четыре концептуализации алкоголя: демон, великая сила, социальная смазка, оправдание. Раскроем каждую из них.

1. Демон-алкоголь. Маша говорит:

*«Ну, когда-то я писала курсовую про алкоголь с одним моим другом до**ообом, и у нас был научник. И он чо-то там говорил про демона алкоголя, но вообще это же достаточно поп-культурная история. Демон-алкоголь. Зеленый змий. Искушение. И все такое. Взять хотя бы эти все советские плакаты, где алкоголь нарисован таким достаточно чертикообразным образом. То есть один раз попробовал, и все — ни**ец. Потом просыпаешься без штанов на Красной площади. Это не из моего опыта».*

Информантка не отрицает, что алкоголь связан с определенного рода рисками, однако она отвергает излишнюю демонизацию алкоголя, поскольку для нее такой подход приводит к неизбежно одностороннему и очевидно негативному дискурсу о спиртном. Опыт информантки содержит немало приятных воспоминаний о распитии, и ей, очевидно, не близка концепция демонизации алкоголя.

2. Великая сила. В этой концептуализации прослеживается указание на амбивалентные свойства алкоголя, и такая модель мышления куда ближе Маше, чем предыдущая:

*«Ну, знаешь, алкоголь — это же великая сила, с которой приходит огромная ответственность. То есть, б*я, алкоголь открывает одни двери, но может закрыть другие».*

Информантка считает, что «позитивная» сторона этой силы заключается в возможности устанавливать социальные контакты (о чем подробнее в третьем пункте) и «познавать» себя с недоступных в трезвом состоянии сторон. Например, Маша вспоминает, что в состоянии опьянения ей удалось написать эссе по одному из университетских курсов на максимальный балл. Это стало для нее неожиданностью, поскольку тот курс всегда вызывал у нее сложности; конечно, в данном случае практически невозможно оценить влияние алкоголя на итоговый результат, однако если сама информантка связывает успех именно с употреблением спиртного, то нам следует указать на это. «Негативная» сторона силы связывается Машей с чрезмерной эмоциональностью и «верой в себя»:

«Знаешь, когда ты сильно пьян, ты можешь буквально все сказать, что думаешь, и как будто тебе за это ничего не будет, ну, типа, ты настолько уверываешь в себя, свою правоту, чистоту взгляда и прочее, что буквально строишь себе проблемы на пустом месте. Типа говоришь там кому-то “иди в жопу”, а потом понимаешь, что сказать-то, может, и хотелось, но абсолютно не стоило».

3. Социальная смазка. Это определение является следствием второго, поскольку подчеркивает силу алкоголя в установлении социальных контактов. Маша говорит:

*«Я как-то ездила на летнюю школу. Там были шведы, более-менее по-английски я могла, и они могли, но первые два дня там ни бе, ни ме, ни ани-ме, как говорится. А я вот, б**ть, как знала: с собой прихватила «чивас» пятнадцатилетний. Подхожу к ним вечером с бутылкой и говорю: *guys, I am going to* знакомиться. Шведы бутылку увидели, заулыбались. И так, собственно, мы и подружались. С некоторыми до сих пор переписываюсь. А вот подруга моя Даша не пьет. И ни с кем она тогда и не познакомилась. Так что вот так. А могла бы себе какого-нибудь шведа отхватить».*

Информантка утверждает, что алкоголь помогает сделать первый шаг при установлении контакта с другими людьми. Это, впрочем, вовсе не означает, что общение возможно исключительно при помощи алкоголя.

4. Алкоголь как оправдание.

*«Ооо, это мое самое любимое. Знаешь этот момент, когда очень хочется что-то сделать, но не хочется нести за это ответственность? Ну, переспал с кем-то не тем, станцевал там где-то на столе, ну, это я образно, преподу на выпускном сказал все, что о нем думаешь, и такой потом: ээм, извините-простите, была пьяна, ничего не помню. Бес попутал, ахаха! Причем в большинстве таких случаев я даже не перед ними оправдываюсь, а перед собой. На самом деле мне п**уй, что там они обо мне подумают. Понятно, что это какие-то такие *out of the blue* ситуации. С близкими людьми так грубо я эту карту не разыгрываю. Там если что-то такое, я правда извиняюсь».*

Здесь интересно, что «пьяное я» условно обслуживает интересы «трезвого я», при этом они никогда не сливаются в одну идентичность. Также следует обратить внимание на то, что такая тактика «раздвоения» личности используется Машей в основном для достижения сиюминутных целей, связанных с общением не с близкими людьми. То, что Соколов называет «не-идентичностью», здесь приобретает скорее форму альтернативной идентичности, которая актуализируется *ad hoc*.

Заключение

Завершить нашу интерпретацию мы постараемся небольшим резюме. В семье Маши существовало либеральное отношение к употреблению алкоголя, что позволило девушке начать пить в относительно раннем возрасте (около 14 лет). Однако здесь не стоит с уверенностью говорить, что именно это стало причиной ее тяги к алкоголю. Далек не каждый человек будет пить в юном возрасте, если ему это позволить, как и далеко не каждый, имеющий склонность к употреблению алкоголя, откажется от употребления, если его ограничить (скорее всего, такой человек будет занят поиском лазеек

в ограничениях). Мы как социологи едва ли можем сказать, откуда взялась эта тяга, но способны проследить ее социальное бытование и видоизменение.

В начальный период девушка воспринимала употребление алкоголя как игру в «кошки-мышки» с родителями, впрочем, без серьезных ставок. В студенческие годы тяга приобрела форму исследования. Желание попробовать как можно больше и полное отсутствие контроля со стороны родителей, вероятно, привели к увеличению количества употребляемого алкоголя. В этот период информантка не рефлексировала о характере связи себя и алкоголя, зато ощущались его положительные эффекты: раскрепощение, открытие новых граней себя, знакомство с лучшей подругой. В настоящее время Маша пьет преимущественно алкогольные напитки одного вида (сложилась система предпочтений), нередко в одиночестве. На этом же этапе началась и рефлексия по поводу практики распития, однако такие размышления не привели ни к какому окончательному выводу или смене «тактики» употребления: алкоголь в этой рефлексии является действующим, но отнюдь не главным лицом в жизненных событиях Маши. Здесь следовало бы написать «to be continued...», что мы и сделали.

В заключении хотелось бы немного поговорить о методологических аспектах интервью. Автор текста и Маша являются близкими друзьями. С одной стороны, это способствовало откровенности разговора, с другой — автор может быть склонен к предвзятой интерпретации нарратива. Кроме того, алкогольные практики Маши и автора во многом сходны (хотя не идентичны), что могло склонять автора к романтизации и идеализации нарратива информантки — надеемся, что нам удалось в максимальной степени избежать данных соблазнов. Не лишним будет указать на то, что интервью проводилось по зуму. В процессе разговора Маша пила пиво (слово информантке: «Ну, раз говорим об алкоголе, то даже как-то странно будет пивка не расчехлить»). К концу разговора была выпита одна бутылка, что могло в той или иной степени повлиять на выстраивание нарратива информанткой (хотя вряд ли), но мы посчитали нецелесообразным отгораживать этот разговор от той формы социальности, в которой удобно существовать Маше. Автор от употребления алкоголя во время интервью воздержался (возможно, в силу неких этических причин, но, скорее, ввиду его отсутствия под рукой).

Литература

ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература РАН, 1999.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

Соколов М. Пьянка: Исследование социального производства опыта не-идентичности // Беспредельная социология. Сборник эссе к 60-летию Воронкова В. / Под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 83–97.

- Тевено Л. Жизнь как испытание // Неприкосновенный запас. 2018. № 119. С. 3–29.
- Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М.: Институт Гайдара, 2018.
- Demant J. When Alcohol Acts: An Actor-Network Approach to Teenagers, Alcohol and Parties // *Body & Society*. 2009. Vol. 15. № 1. P. 25–46. DOI: <https://doi.org/10.1177/1357034x08100145>
- Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963.
- Heath D. Anthropology and Alcohol Studies: Current Issues // *Annual Review of Anthropology*. 1987. Vol. 16. № 1. P. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.16.100187.000531>
- Mulford H., Miller D. An Index of Alcoholic Drinking Behavior Related to Meaning of Alcohol // *Journal of Health and Social Behavior*. 1961. Vol. 2. № 1. P. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.2307/2948860>
- Nemtsov A.V. Alcohol-Related Human Losses in Russia in the 1980s and 1990s // *Addiction*. 2002. Vol. 97. № 11. P. 1413–1425. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.2002.00262.x>
- Seeman M., Seeman A., Budros A. Powerlessness, Work and Community: A Longitudinal Study of Alienation and Alcohol Use // *Journal of Health and Social Behavior*. 1988. Vol. 29. № 3. P. 187–198. DOI: <https://doi.org/10.2307/2137031>
- Thévenot L. The Plurality of Cognitive Formats and Engagements: Moving between the Familiar and the Public // *European Journal of Social Theory*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 409–423. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431007080703>

Сведения об авторе:

Котельников Максим Павлович — студент магистерской программы «Комплексный социальный анализ», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** don.kotelnikov@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Статья поступила в редакцию: 06.06.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

.....

Alcohol and the Identity-Building Experience: The Biographical Interview

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.6

Maxim P. Kotelnikov HSE University, Moscow, Russia
E-mail: don.kotelnikov@yandex.ru

Within the framework of this paper, the author examines individual drinking “strategies” and their relationship with the social context. To accomplish this task, the author turns to the concept of ‘modes of engagement’ by Laurent Thévenot. On the base of an in-depth interview, the author identifies three stages of alcohol consumption that the informant went through: 1) adolescence, which can be described as a “game”, the essence of which boils down to hiding the fact of drinking alcohol from the parents; 2) the student period (life in a dormitory), when the strategy of consumption can be described as the ‘discovery mode’ according to Thévenot, a distinctive feature of which is the search for something new; 3) the present (living alone), which is characterized by a non-reflective routine use of alcohol. Such a

strategy is brought in accordance with Thévenot's "mode of intimacy", which is characterized by an increase in the importance of an object (in this case, alcohol); however, at the same time, the actor loses the opportunity to reflect on his relationship with the object, due to the fact that it becomes a part of his "unquestioned" everyday life. The article also examines the models of conceptualization of alcohol and alcoholism, used by the informant herself.

Keywords: modes of engagement; alcohol; alcoholism; stigma; biography; game

References

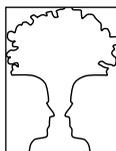
- Demant J. (2009) When Alcohol Acts: An Actor-Network Approach to Teenagers, Alcohol and Parties. *Body & Society*. Vol. 15. No. 1. P. 25–46. DOI: <https://doi.org/10.1177/1357034x08100145>
- Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life]. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N.Y.: Prentice-Hall.
- Gofman E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Harman G. (2018) *Immaterializm. Ob'ekty i social'naya teoriya* [Immaterialism: Objects and Social Theory]. Moscow: Institut Gajdara. (In Russ.)
- Heath D. (1987) Anthropology and Alcohol Studies: Current Issues. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 16. No. 1. P. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.16.100187.000531>
- Latur B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.)
- Mulford H., Miller D. (1961) An Index of Alcoholic Drinking Behavior Related to Meaning of Alcohol. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 2. No. 1. P. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.2307/2948860>
- Nemtsov A.V. (2002) Alcohol-Related Human Losses in Russia in the 1980s and 1990s. *Addiction*. Vol. 97. No. 11. P. 1413–1425. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.2002.00262.x>
- Seeman M., Seeman A., Budros A. (1988) Powerlessness, Work and Community: A Longitudinal Study of Alienation and Alcohol Use. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 29. No. 3. P. 187–198. DOI: <https://doi.org/10.2307/2137031>
- Sokolov M.M. (2005) P'yanka: Issledovanie social'nogo proizvodstva opyta ne-identichnosti [A Booze: Research into the Social Production of Non-Identity Experience]. In: Pachenkov O., Sokolov M., Chikadze E. (eds.) *Bespredel'naya sociologiya. Sbornik esse k 60-letiyu Voronkova V.* [Boundless Sociology. Collection of Essays for the 60th Anniversary of Voronkov V.]. St. Petersburg: CNSI. P. 83–97. (In Russ.)
- Teveno L. (2018) Zhizn' kak ispytanie [Life as a Challenge]. *Neprikosnovennyj zapas* [Untouchable Reserve]. No. 119. P. 3–29. (In Russ.)
- Thévenot L. (2007) The Plurality of Cognitive Formats and Engagements: Moving between the Familiar and the Public. *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 409–423. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431007080703>
- van Gennep A. (1999) *Obryady perekhoda* [The Rites of Passage]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (In Russ.)

Author bio:

Max P. Kotelnikov — Master's Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** don.kotelnikov@yandex.ru. **ORCID ID:** [0000-0003-3946-6636](https://orcid.org/0000-0003-3946-6636).

Received: 06.06.2021

Accepted: 10.09.2021

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2021. Том 13. № 3

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Анастасия Дмитриевна Говорова

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com